

С. МАРШАК

С. Маршак

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

С. МАРШАК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

Издание осуществляется под редакцией

В. М. ЖИРМУНСКОГО, И. С. МАРШАКА,
С. В. МИХАЛКОВА, А. И. ПУЗИКОВА,
А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1969

С. МАРШАК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

•

ТОМ ТРЕТИЙ

**ПЕРЕВОДЫ ИЗ АНГЛИЙСКИХ И
ШОТЛАНДСКИХ ПОЭТОВ**

**Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1969**

Р 2
М 30

Подготовка текста и примечания
С. Р. Майзельс

Оформление художника
М. Э. Шлоберица

7-4-4

Подп. изд.

**ИЗ АНГЛИЙСКИХ И
ШОТЛАНДСКИХ ПОЭТОВ**

Из Вильяма Шекспира

СОНЕТЫ

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, —
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты — украшение нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, —
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скарденность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя бывшая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».

Пусть с годами стынущая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, —
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты — отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой — с тобою!

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
А в долг дает — свободная свободным.

Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.

Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?

С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И в то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз —
Летучий пленник, запертый в стекле, —
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не сохранишь на дне фиала.

Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детах повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.

Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с вышины крутой, —
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой.

Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.

Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!

Ты — музыка, но звукам музыкальным
Ты внимлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, —
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.

Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
 Ты не связал себя ни с кем любовью.
 Но если б грозный рок тебя унес,
 Весь мир надел бы покрывало вдовье.

В своем ребенке скорбная вдова
 Любимых черт находит отраженье.
 А ты не оставляешь существа,
 В котором свет нашел бы утешенье.

Богатство, что растрчивает мот,
 Меняя место, в мире остается.
 А красота бесследно промелькнет,
 И молодость, исчезнув, не вернется.

Кто предает себя же самого —
 Не любит в этом мире никого!

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем — живешь ты, не любя.

Свой лютый враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновления,
К тебе в наследство перешедший дом.

Переменись — и я прошу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
И стань к себе щедрее и добрей.

Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне.

Мы вянем быстро — так же, как растем,
Растем в потомках, в новом урожае.
Избыток сил в наследнике твоём
Считай своим, с годами остывая.

Вот мудрости и красоты закон.
А без него царили бы на свете
Безумье, старость до конца времен,
И мир исчез бы в шесть десятилетий.

Пусть тот, кто жизни и земле не мил, —
Безликий, грубый, — гибнет не возвратно.
А ты дары такие получил,
Что возвратить их можешь многократно.

Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой оттиск передать.

Когда часы мне говорят, что свет
Потонет скоро в грозной тьме ночной,
Когда фиалки вянет нежный цвет
И темный локон блещет сединой,

Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дрог
Седых снопов густая борода, —

Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести,
Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.

Но если смерти серп неумолим,
Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

Не изменяйся, будь самим собой.
 Ты можешь быть собой, пока живешь.
 Когда же смерть разрушит облик твой,
 Пусть будет кто-то на тебя похож.

Тебе природой красота дана
 На очень краткий срок, и потому
 Пускай к потомку перейдет она, —
 Как бы опять к тебе же самому.

В заботливых руках прекрасный дом
 Не дрогнет перед яростью зимы.
 Пусть никогда не воцарится в нем
 Безмолвье смерти, холода и тьмы,

Чтоб мог твой сын, оплакав твой конец,
 Сказать, как ты: — Был у меня отец!

Я не по звездам о судьбе гадаю,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

А если нет, — под гробовой плитой
Исчезнет правда вместе с красотой.

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир — подмости, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,

Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса, —

О, как я дорожу твоей весною,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.

Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надежнее, чем мой бесплодный стих?

Вершины ты достиг пути земного,
И столько юных, девственных сердец
Твой нежный облик повторить готовы,
Как не повторит кисть или резец.

Так жизнь исправит всё, что изувечит.
И если ты любви себя отдашь,
Она тебя верней увековечит,
Чем этот беглый, хрупкий карандаш.

Отдав себя, ты сохранишь навеки
Себя в создание новом — в человеке.

Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.

Попробуй я оставить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный, —
Потомок только скажет: «Лжет порт,
Придав лицу земному свет небесный!»

И этот старый, пожелтевший лист
Отвергнет он, как болтуна седого,
Сказав небрежно: «Старый плут речист,
Да правды нет в его речах ни слова!»

Но доживи твой сын до этих дней,
Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломают буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень, —
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой слезы, плачем — смех.
Что хочешь делай с миром и со мной,
Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пусть черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит!

Лик женщины, но строже, совершенней
Природы изваяло мастерство.
По-женски нежен ты, но чужд измене,
Царь и царица сердца моего.

Твой ясный взор лишен игры лукавой,
Но золотит сияньем все вокруг.
Он мужествен и властью величавой
Друзей пленяет и разит подруг.

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Ненужной мне приметой наделила,
А женщин осчастливила она.

Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью.

Не соревнуюсь я с творцами од,
 Которые раскрашенным богиням
 В подарок преподносят небосвод
 Со всей землей и океаном синим.

Пускай они для украшения строф
 Твердят в стихах, между собою споря,
 О звездах неба, о венках цветов,
 О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове — правда мой закон,
 И я пишу, что милая прекрасна,
 Как все, кто смертной матерью рожден,
 А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою, —
 Я никому ее не продаю!

Лгут зеркала, — какой же я старик!
Я молодость твою делю с тобою.
Но если дни избородят твой лик,
Я буду знать, что побежден судьбою.

Как в зеркало, глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе.
Мне молодое сердце даришь ты,
И я тебе свое вручаю тоже.

Старайся же себя оберегать —
Не для себя: хранишь ты сердце друга.
А я готов, как любящая мать,
Беречь твое от горя и недуга.

Одна судьба у наших двух сердец:
Замрет мое — и твоему конец!

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

Мой глаз гравёром стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве — перспектива.

Сквозь мастера смотри на мастерство,
Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
Та мастерская, что хранит его,
Застеклена любимыми глазами.

Мои глаза с твоими так дружны:
Моими я тебя в душе рисую.
Через твои с небесной вышины
Заглядывает солнце в мастерскую.

Увы, моим глазам через окно
Твое увидеть сердце не дано.

Кто под звездой счастливою рожден —
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь — источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерял след.
Его удел — опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.

Я не нашел тебя достойных слов.
Но, если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

Трудами изнурен, хочу уснуть,
 Блаженный отдых обрести в постели.
 Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
 В своих мечтах — к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
 Идут к тебе дорогой пилигрима,
 И, не смыкая утомленных глаз,
 Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
 Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
 И кажется великолепной тьма,
 Когда в нее тыходишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.
 И днем и ночью — я всегда в пути.

Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благи покая?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою.

И день и ночь — враги между собой —
Как будто подают друг другу руки.
Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,
А по ночам не сплю, грустя в разлуке.

Чтобы к себе расположить рассвет,
Я сравнивал с тобою день погожий
И смуглой ночи посылал привет,
Сказав, что звезды на тебя похожи.

Но все трудней мой следующий день,
И все темней грядущей ночи тень,

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, —

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.

Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового,
Но, видно, рок на время их унес, —
И вот теперь встречаемся мы снова.

В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.

Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе — им всем — принадлежу.

О, если ты тот день переживешь,
 Когда меня накроет смерть доскою,
 И эти строчки бегло перечтешь,
 Написанные дружеской рукою, —

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
 Ее искусство выше будет вдвое.
 Но пусть я буду пб-милу хорош
 Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
 С растущим веком мог бы я расти
 И лучшие принес бы посвященья
 Среди певцов иного поколения.

Но так как с мертвым спор ведут они, —
 Во мне любовь, в них мастерство цени!

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.

Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронem.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.

Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.

Но не ропщу я на печальный жребий, —
Бывают тучи на земле, как в небе.

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затмения или туч.

Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравненьями оправдывая грех,
Прощая беззаконно твой порок.

Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне.

Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился как пятно.

Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.

Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.

Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

Как радует отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.

Беликодушье, знатность, красота,
И острый ум, и сила, и здоровье —
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.

Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.

Все, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя, как благодать.

Неужто музе не хватает темы,
Когда ты можешь столько подарить
Чудесных дум, которые не все мы
Достойны на бумаге повторить.

И если я порой чего-то стою,
Благодари себя же самого.
Тот поражен душевной немотою,
Кто в честь твою не скажет ничего.

Для нас ты будешь музою десятой
И в десять раз прекрасней остальных,
Чтобы стихи, рожденные когда-то,
Мог пережить тобой внушенный стих.

Пусть будущие славят поколения
Нас за труды, тебя — за вдохновенье.

О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?
Нельзя же славить красоту свою,
Нельзя хвалить себя же самого.

Затем-то мы и существуем врозь,
Чтоб оценил я прелесть красоты
И чтоб тебе услышать довелось
Хвалу, которой стоишь только ты.

Разлука тяжела нам, как недуг,
Но временами одинокий путь
Счастливейшим мечтам дает досуг
И позволяет время обмануть.

Разлука сердце делит пополам,
Чтоб славить друга легче было нам.

Все страсти, все любви мои возьми —
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.

Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.

Ты нищего лишил его сумы.
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.

О ты, чье зло мне кажется добром,
Убей меня, но мне не будь врагом!

Беспечные обиды юных лет,
 Что ты наносишь мне, не зная сам,
 Когда меня в твоём сознание нет, —
 К лицу твоим летам, твоим чертам.

Приветливый, — ты лестью окружен,
 Хорош собой, — соблазну ты открыт.
 А перед лаской искушенных жен
 Сын женщины едва ли устоит.

Но жалко, что в избытке юных сил
 Меня не обошел ты стороной
 И тех сердечных уз не пощадил,
 Где должен был нарушить долг двойной.

Неверную своей красой пленя,
 Ты дважды правду отнял у меня.

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
Но сознавать и видеть, что она
Тобой владеет, — вдвое мне больнее.
Твоей любви утрата мне страшна.

Я сам для вас придумал оправданье:
Любя меня, ее ты полюбил,
А милая тебе дарит свиданья
За то, что ты мне бесконечно мил.

И если мне терять необходимо, —
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.

Но если друг и я — одно и то же,
То я, как прежде, ей всего дороже...

Смежая веки, вижу я острей.
Открыв глаза, гляжу, не замечая,
Но светел темный взгляд моих очей,
Когда во сне к тебе их обращаю.

И если так светла ночная тень —
Твоей неясной тени отражение, —
То как велик твой свет в лучистый день.
Насколько явь светлее сновиденья!

Каким бы счастьем было для меня —
Проснувшись утром, увидеть воочью
Тот ясный лик в лучах живого дня,
Что мне светил туманно мертвой ночью.

День без тебя казался ночью мне,
А день я видел по ночам во сне.

Когда бы мыслью стала эта плоть, —
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстояние побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.

Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.

Пускай моя душа — огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух —
Земли с водой, — угнаться не могу.

Земля, — к земле навеки я прирос,
Вода, — я лью потоки горьких слез.

Другие две основы мироздания —
Огонь и воздух — более легки.
Дыханье мысли и огонь желанья
Я шлю к тебе, пространству вопреки.

Когда они — две вольные стихии —
К тебе любви посольством улетят,
Со мною остаются остальные
И тяжестью мне душу тяготят.

Тоскую я, лишенный равновесья,
Пока стихии духа и огня
Ко мне обратно не примчатся с вестью,
Что друг здоров и помнит про меня.

Как счастлив я!.. Но вновь через мгновенье
Летят к тебе и мысли и стремленья.

Мой глаз и сердце — издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить.

Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.
А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.

Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.

Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду — взгляд.

У сердца с глазом — тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задышается в разлуке.

Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.

Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она — с тобою.

Мой взор тебя рисует и во сне
И будит сердце спящее во мне.

Заботливо готовясь в дальний путь,
 Я безделушки запер на замок,
 Чтоб на мое богатство посягнуть
 Незванный гость какой-нибудь не мог.

А ты, кого мне больше жизни жаль,
 Пред кем и золото — блестящий сор,
 Моя утеха и моя печаль, —
 Тебя любой похитить может вор.

В каком ларце таить мне божество,
 Чтоб сохранить навеки взаперти?
 Где, как не в тайне сердца моего,
 Откуда ты всегда вольна уйти.

Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
 Приманчивый для самых честных глаз!

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,

Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным
И я увижу холод и покой
В твоём лице, по-прежнему прекрасном, —

В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Все оправдав своей неправотою.

Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

Как тяжело мне, в пути взметая пыль,
Не ожидая дальше ничего,
Отсчитывать уныло, сколько миль
Отъехал я от счастья своего.

Усталый конь, забыв былую прыть,
Едва трусит лениво подо мной, —
Как будто знает: незачем спешить
Тому, кто разлучен с душой родной.

Хозяйских шпор не слушается он
И только ржаньем шлет мне свой укор.
Меня большее ранит этот стон,
Чем бедного коня — удары шпор.

Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
За мною — радость, впереди — печаль.

Так я оправдывал неспособный прав
 Упрямого, ленивого коня,
 Который был в своем упрямстве прав,
 Когда в изгнание шагом вез меня.

Но будет непростительным грехом,
 Коль он обратно так же повезет.
 Да поскачи на вихре я верхом,
 Я думал бы: как тихо он ползет!

Желанья не догонит лучший конь,
 Когда оно со ржаньем мчится вскачь.
 Оно легко несется, как огонь,
 И говорит ленивейшей из кляч:

— Ты, бедная, шажком себе иди,
 А я помчусь на крыльях впереди!

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновение сокровище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.

Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.

Пусть скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.

Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

Какою ты стихией порожден?
 Все по одной отбрасывают тени,
 А за тобою вьется миллион
 Твоих теней, подобий, отражений.

Вообразим Адóниса портрет, —
 С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
 Елене в древности дивился свет.
 Ты — древнего искусства образ новый.

Невинную весну и зрелый год
 Хранит твой облик, внутренний и внешний:
 Как время жатвы, полон ты щедрот,
 А видом день напоминаешь вешний.

Все, что прекрасно, мы зовем твоим.
 Но с чем же сердце верное сравним?

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетия не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

Проснись, любовь! Твое ли острое
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.

Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.

Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!

Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.

Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклиная горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.

Не позволяю помыслам ревнивым
Переступить заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час пребыть с тобою мог.

Что хочешь делай. Я лишился зренья,
И нет во мне ни тени подозренья.

Избави бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.

Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.
Удел мой — ждать, пока ты не свободна,
И сдерживать упрек или порыв.

Ты предаешься ль делу иль забаве, —
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать самой себе.

В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение былого
И понапрасну мы страдать должны,
Давно рожденное рождая снова, —

Пусть наша память, пробежавши вспять
Пятьсот кругов, что солнце очертило,
Сумеет в древней книге отыскать
Запечатленный в слове лик твой милый.

Тогда б я знал, что думали в те дни
Об этом чуде, сложно совершенном,
Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным.

Но верю я, что лучшие слова
В честь меньшего слагались божества!

Как движется к земле морской прибой,
 Так и ряды бесчисленные минут,
 Сменяя предыдущие собой,
 Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорожденный серп
 Стремится к зрелости и наконец,
 Кривых затмений испытав ущерб,
 Сдаёт в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
 За полосой проводит полосу.
 Все лучшее, что дышит на земле,
 Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
 Где ты пребудешь смерти вопреки!

Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не дает закрыться?

Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока
Ты — от меня вдали — к другим близка.

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость мог бы побороть?

Мне кажется, нет равных красотою,
Правдивей нет на свете никого,
Мне кажется, так дорого я стою,
Как ни одно земное существо.

Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет, — на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.

Себя, мой друг, я подменял тобою,
Век уходящий — юною судьбою.

Про черный день, когда моя любовь,
Как я теперь, узнает жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время,

Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило, —

Про черный день оружие я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,
Чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколениям.

Оружие это — черная строка.
В ней все цвета переживут века.

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,

Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,

Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Все говорит о том, что час пробьет —
И время унесет мою отраду.

А это — смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя—беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?

О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плесну у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

Спроси, зачем в пороках он живет?
Чтобы служить бесчестью оправданием?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованием?

Зачем искусства мертвые цвета
Крадут его лица огонь весенний?
Зачем лукаво ищет красота
Поддельных роз, фальшивых украшений?

Зачем его хранит природа-мать,
Когда она давно уже не в силах
В его щеках огнем стыда пылать,
Играть живую кровью в этих жилах?

Хранит затем, чтоб знал и помнил свет
О том, что было и чего уж нет!

Его лицо — одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,
И не рядилась в ложные цвета,

Когда никто в кладбищенской ограде
Не смел нарушить мертвенный покой
И дать забытой золотистой пряди
Вторую жизнь на голове другой.

Его лицо приветливо и скромно,
Уста поддельных красок лишены,
В его весне нет зелени заемной
И новизна не грабит старины.

Его хранит природа для сравненья
Прекрасной правды с ложью украшения.

В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить.
Вражды и дружбы общий приговор
Не может к правде черточки прибавить.

За внешний облик — внешний и почет.
Но голос тех же судей неподкупных
Звучит иначе, если речь зайдет
О свойствах сердца, глазу недоступных.

Толкует о душе твоей молва.
А зеркало души — ее деянья.
И заглушает сорная трава
Твоих сладчайших роз благоуханье.

Твой нежный сад запущен потому,
Что он доступен всем и никому.

То, что тебя бранят, — не твой порок.
Прекрасное обречено молве.
Его не может очернить упрек —
Ворона в лучезарной синеве.

Ты хороша, но хором клеветы
Еще дороже ты оценена.
Находит червь нежнейшие цветы,
А ты невинна, как сама весна.

Избегла ты засады юных дней,
Иль нападавший побежден был сам,
Но чистотой и правдою своей
Ты не замкнешь уста клеветникам.

Без этой легкой тени на челе
Одна бы ты дарила на земле!

Ты погрузи, когда умрет поэт,
 Покуда звон ближайшей из церквей
 Не возвестит, что этот низкий свет
 Я променял на низший мир червей.

И если перечтешь ты мой сонет,
 Ты о руке остывшей не жалея.
 Я не хочу туманить нежный цвет
 Очей любимых памятью своей.

Я не хочу, чтоб эхо этих строк
 Меня напоминало вновь и вновь.
 Пускай замрут в один и тот же срок
 Мое дыханье и твоя любовь!..

Я не хочу, чтобы своей тоской
 Ты предала себя молве людской.

Дабы не мог тебя заставить свет
 Рассказывать, что ты во мне любила, —
 Забудь меня, когда на склоне лет
 Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
 Перебирая все мои заслуги,
 Что поневоле, говоря о друге,
 Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
 Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
 Меня скорей из памяти изгладь, —

Иль дважды мне ответ придется дать:
 За то, что был при жизни столь ничтожным
 И что потом тебя заставил лгать!

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине —
На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти — сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилою становится моей.

Ты видишь все. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест —
Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Все, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах, —
Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.

Ей — черепки разбитого ковша,
Тебе — мое вино, моя душа.

Ты утоляешь мой голодный взор,
Как землю освежительная влага.
С тобой веду я бесконечный спор,
Как со своей сокровищницей скряга.

То счастлив он, то мечется во сне,
Боясь шагов, звучащих за стеною,
То хочет быть с ларцом наедине,
То рад сверкнуть сверкающей казною.

Так я, вкусив блаженство на пиру,
Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
Живу я тем, что у тебя беру,
Моя надежда, мука и награда.

В томительном чередованье дней
То я богаче всех, то всех бедней.

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

Седины ваши зеркало покажет,
Часы — потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет —
И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

Тебя я музой называл своею
Так часто, что теперь наперебой
Поэты, перенив мою затею,
Свои стихи украсили тобой.

Глаза, что петь немого научили,
Заставили невежество летать, —
Искусству тонкому придали крылья,
Изяществу — величия печать.

И все же горд своим я приношеньем,
Хоть мне такие крылья не даны.
Стихам других ты служишь украшеньем,
Мои стихи тобою рождены.

Поэзия — в тебе. Простые чувства
Ты возвышать умеешь до искусства.

Когда один я находил истоки
Поэзии в тебе, блистал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки
И голос музы немощной затих!

Я сознаю своих стихов бессилье.
Но все, что можно о тебе сказать,
Поэт в твоём находит изобилье,
Чтобы тебе преподнести опять.

Он славит добродетель, это слово
Украд у поведенья твоего,
Он воспевает красоту, но снова
Приносит дар, ограбив божество.

Благодарить не должен тот, кто платит
Сполна за все, что стихотворец тратит.

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумаю, какой певец
Тебя прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив наконец.

Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, —
Дерзнул я появиться на волне.

Лишь с помощью твоей средь бурных вод
Могу держаться, не иду ко дну.
А он в сиянье парусов плывет,
Бездонную тревожа глубину.

Пускай его победный ждет венец,
Я не страшусь в любви найти конец.

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя, — не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют — открытая гробница.

Твой памятник — восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье, — на устах!

Не обручен ты с музою моей,
И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.

Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.

Я уступить соперникам готов.
Но после риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.

Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

Я полагал: у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей
Всего, что может высказать поэт.

Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла, —
Дабы свое величье доказать
Без украшений красота могла.

Но ты считаешь дерзостным грехом
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту.

То, что во взоре светится твоим,
Твои певцы не выразят вдвоем.

Кто знает те слова, что больше значат
 Правдивых слов, что ты есть только ты?
 Кто у себя в сокровищнице прячет
 Пример тебе подобной красоты?

Как беден стих, который не прибавил
 Достоинства виновнику похвал.
 Но только тот в стихах себя прославил,
 Кто попросту тебя тобой назвал.

Пересказав, что сказано природой,
 Он создает правдивый твой портрет,
 Которому бесчисленные годы
 Восторженно дивиться будет свет.

А голоса тебе любезной лести
 Звучат хулой твоей красе и чести!

Моя немая муза так скромна.
Меж тем поэты лучшие кругом
Тебе во славу чертят письма
Красноречивым золотым пером.

Моя богиня тише всех богинь.
И я, как малограмотный дьячок,
Умею только возглашать «аминь!»
В конце торжественно звучащих строк.

Я говорю: «Конечно!», «Так и есть!»,
Когда поэты произносят стих,
Твоим заслугам воздавая честь, —
Но сколько чувства в помыслах моих!

За громкие слова цени певцов,
Меня — за мысли тихие, без слов.

Его ли стих — могучий шум ветрил,
 Несущихся в погону за тобою, —
 Все замыслы во мне похоронил,
 Утробу сделал урной гробовою?

Его ль рука, которую писать
 Учил какой-то дух, лишенный тела,
 На робкие уста кладет печать,
 Достигнув в мастерстве своем предела?

О нет, ни он, ни дружественный дух —
 Его ночной советчик бестелесный —
 Так не могли ошеломить мой слух
 И страхом поразить мой дар словесный.

Но если ты с его не сходишь уст, —
 Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.

Прощай! Тебя удерживать не смею.
Я дорого ценю любовь твою.
Мне не по средствам то, чем я владсю,
И я залог покорно отдаю.

Я, как подарком, пользуюсь любовью.
Заслугами не куплена она.
И, значит, добровольное условие
По прихоти нарушить ты вольна.

Дарила ты, цены не зная кладу
Или не зная, может быть, меня.
И не по праву взятую награду
Я сохранял до нынешнего дня.

Был королем я только в сновиденье.
Меня лишило трона пробужденье.

Когда захочешь, охладев ко мне,
Предать меня насмешке и презрению,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.

Отлично зная каждый свой порок,
Я рассказать могу такую повесть,
Что навсегда сниму с тебя упрек,
Запятнанную оправдаю совесть.

И буду благодарен я судьбе:
Пускай в борьбе терплю я неудачу,
Но честь победы приношу тебе
И дважды обретаю все, что трачу.

Готов я жертвой быть неправоты,
Чтоб только правой оказалась ты.

Скажи, что ты нашла во мне черту,
Которой вызвана твоя измена.
Ну, осуди меня за хромоту —
И буду я ходить, согнув колено.

Ты не найдешь таких обидных слов,
Чтоб оправдать внезапность охлаждения,
Как я найду. Я стать другим готов,
Чтоб дать тебе права на отчуждение.

Дерзну ли о тебе упомянуть?
Считать я буду память вероломством
И при других не выдам как-нибудь,
Что мы старинным связаны знакомством.

С самим собою буду я в борьбе:
Мне тот враждебен, кто не мил тебе!

Уж если ты разлюбишь, — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не нанеси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод большее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

Кто хвалится родством своим со знатью,
 Кто силой, кто блестящим галуном,
 Кто кошельком, кто пряжками на платье,
 Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья,
 Но каждому милей всего одно.
 А у меня особенное счастье, —
 В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
 Почетнее короны королей,
 Наряднее богатого наряда,
 Охоты соколиной веселей.

Ты можешь все отнять, чем я владею,
 И в этот миг я сразу обеднею.

Ты от меня не можешь ускользнуть.
Со мной ты будешь до последних дней.
С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.

Зачем же мне бояться худших бед,
Когда мне смертью меньшая грозит?
И у меня зависимости нет
От прихотей твоих или обид.

Не опасаясь я твоих измен.
Твоя измена — беспощадный нож.
О, как печальный жребий мой блажен, —
Я был твоим, и ты меня убьешь.

Но и на счастье страх кладет печать:
Ведь об измене я могу не знать.

Что ж, буду жить, приемля, как условие,
 Что ты верна. Хоть стала ты иной,
 Но тень любви нам кажется любовью.
 Не сердцем — так глазами будь со мной.

Твой взор не говорит о перемене.
 Он не таит ни скуки, ни вражды.
 Есть лица, на которых преступленья
 Чертят неизгладимые следы.

Но, видно, так угодно высшим силам:
 Пусть лгут твои прекрасные уста,
 Но в этом взоре, ласковом и милом,
 По-прежнему сияет чистота.

Прекрасно было яблоко, что с древа
 Адаму на беду сорвала Ева.

Кто, злом владея, зла не причинит,
Не пользуясь всей мощью этой власти,
Кто двигает других, но, как гранит,
Неколебим и не подвержен страсти, —

Тому дарует небо благодать,
Земля дары припосит дорогие.
Ему дано величьем обладать,
А чтить величье призваны другие.

Делает лето лучший свой цветок,
Хоть сам он по себе цветет и вянет.
Но если в нем приют нашел порок,
Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

Ты украшать умеешь свой позор.
Но, как в саду незримый червячок
На розах чертит гибельный узор, —
Так и тебя пятнает твой порок.

Молва толкует про твои дела,
Догадки щедро прибавляя к ним.
Но похвалой становится хула.
Порок оправдан именем твоим.

В каком великолепнейшем дворце
Соблазнам низким ты даешь приют!
Под маскою прекрасной на лице,
В наряде пышном их не узнают.

Но красоту в пороках не сберечь.
Ржавая, остроту теряет меч.

Кто осуждает твой беспечный нрав,
 Кого пленяет юный твой успех.
 Но, прелестью проступки оправдав,
 Ты в добродетель превращаешь грех.

Поддельный камень в перстне королей
 Считается алмазом дорогим, —
 Так и пороки юности твоей
 Достоинствами кажутся другим.

Как много волк похитил бы овец,
 Надев ягненка нежное руно.
 Как много можешь ты увлечь сердец
 Всем, что тебе судьбой твоей дано.

Остановись, — я так тебя люблю,
 Что весь я твой и честь твою делю.

Мне показалось, что была зима,
Когда тебя не видел я, мой друг.
Какой мороз стоял, какая тьма,
Какой пустой декабрь царил вокруг!

За это время лето протекло
И уступило осени права.
И осень шла, ступая тяжело, —
Оставшаяся на сносях вдова.

Казалось мне, что все плоды земли
С рождения удел сиротский ждет.
Нет в мире лета, если ты вдали.
Где нет тебя, и птица не поет.

А там, где слышен робкий, жалкий свист,
В предчувствии зимы бледнеет лист.

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Все оживил он вейнем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой твоя.

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.

У лилий — белизна твоей руки,
Твой темный волос — в почках майорана,
У белой розы — цвет твоей щеки,
У красной розы — твой огонь румяный.

У третьей розы — белой, точно снег,
И красной, как заря, — твое дыхание.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказание.

Каких цветов в саду весеннем нет!
И все крадут твой запах или цвет.

Где муза? Что молчат ее уста
О том, кто вдохновлял ее полет?
Иль, песенкой дешевой занята,
Она ничтожным славой воздаст?

Пой, суетная муза, для того,
Кто может оценить твою игру,
Кто придает и блеск, и мастерство,
И благородство твоему перу.

Вглядись в его прекрасные черты
И, если в них морщину ты найдешь,
Изобличи убийцу красоты,
Строфою гневной заклейми грабеж.

Пока не поздно, времени быстреей
Бессмертные черты запечатлей!

О ветреная муза, отчего,
Отвергнув правду в блеске красоты,
Ты не рисуешь друга моего,
Чьей доблестью прославлена и ты?

Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
Что красоту не надо украшать,
Что правде придавать не надо цвет
И лучшее не стоит улучшать.

Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жалея,
Чтоб в славе красота пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.

Нетронутым — таким, как в наши дни,
Прекрасный образ миру сохрани!

Люблю, — но реже говорю об этом,
Люблю нежней, — но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излишня.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк, подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

У бедной музы красок больше нет,
А что за слава открывалась ей!
Но, видно, лучше голый мой сюжет
Без добавленья похвалы моей.

Вот почему писать я перестал.
Но сам взгляни в зеркальное стекло
И убедись, что выше всех похвал
Стеклом отраженное чело.

Все то, что отразила эта гладь,
Не передаст палитра иль резец.
Зачем же нам, пытаясь передать,
Столь совершенный портить образец?

И мы напрасно спорить не хотим
С природой или зеркалом твоим.

Не нахожу я времени примет
В твоих чертах. С тех пор, когда впервые
Тебя я встретил, три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет,
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим,
Он был перед рождением твоим.

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.

Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.

«Прекрасный, верный, добрый» — вот слова,
Что я твержу на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!

Добро, краса и верность жили врозь,
Но это все в тебе одном слилось.

Когда читаю в свитке мертвых лет
 О пламенных устах, давно безгласных,
 О красоте, слагающей куплет
 Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетиями хранимые черты —
 Улыбка нежных уст, глаза и брови —
 Мне говорят, что только в древнем слове
 Нашлось бы все, чем обладаешь ты.

Поэт, впиваясь в даль влюбленным взглядом,
 Мечтал неясный образ передать,
 Но красоту твою предугадать
 Не довелось ни песням, ни балладам.

А нам, кому теперь она близка, —
 Где голос взять, чтобы звучал века?

Ни собственный мой страх, ни вещий взор
Миров, что о грядущем грезят сонно,
Не знают, до каких дана мне пор
Любовь, чья смерть казалась предрешенной.

Свое затмение смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.

Разлукой смерть не угрожает нам.
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам,
Еще не просветленным, бессловесным.

В моих строках и ты переживешь
Венцы тиранов и гербы вельмож.

Что может мозг бумаге передать,
Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
Чтобы твои достоинства прославить?

Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
Как старую молитву — слово в слово, —
Я повторяю. Новизны в нем нет,
Но он звучит торжественно и ново.

Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
Нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь
И старость делает своим слугою.

И там ее рождение, где молва
И время говорят: любовь мертва,

Меня неверным другом не зови.
Как мог я изменить иль измениться?
Моя душа, душа моей любви,
В твоей груди, как мой залог, хранится.

Ты — мой приют, дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно
Таким, как был, и приносил с собой
Живую воду, что смывает пятна.

Пусть глечи мою сжигают кровь,
Но не дошел я до последней грани,
Чтоб из скитаний не вернуться вновь
К тебе, источник всех благодеяний.

Что без тебя просторный этот свет?
В нем только ты. Другого счастья нет.

Да, это правда: где я ни бывал,
 Пред кем шута ни корчил площадного.
 Как дешево богатство продавал
 И оскорблял любовь любовью новой!

Да, это правда: правде не в упор
 В глаза смотрел я, а куда-то мимо.
 Но юность вновь нашел мой беглый взор, —
 Блуждая, он признал тебя любимой.

Все кончено, и я не буду вновь
 Искать того, что обостряет страсти,
 Любовью новой проверять любовь.
 Ты — божество, и весь в твоей я власти.

Вблизи небес ты мне приют найди
 На этой чистой, любящей груди.

О, как ты прав, судьбу мою браня,
Виновницу дурных моих деяний,
Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подаяний.

Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!

Согласен я без ропота глотать
Лекарственные горькие коренья,
Не буду горечь горькою считать,
Считать неправой меру исправленья.

Но жалостью своей, о милый друг,
Ты лучше всех излечишь мой недуг!

Мой друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем каленою печатью.

Лишь похвала твоя и твой укор
Моей отрадой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор
И чувства оковал незримой сталью.

В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести.

Я слышу сердце друга моего,
А все кругом беззвучно и мертво.

Со дня разлуки — глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на все по-прежнему гляжу.

Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.

Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.

Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

Неужто я, прияв любви венец,
 Как все монархи, лестью упоен?
 Одно из двух: мой глаз — лукавый льстец,
 Иль волшебству тобой он обучен.

Из чудищ и бесформенных вещей
 Он херувимов светлых создает.
 Всему, что входит в круг его лучей,
 С твоим лицом он сходство придает.

Вернее первая догадка: лесть.
 Известно глазу все, что я люблю,
 И он умеет чашу преподнести,
 Чтобы прихлась по вкусу королю.

Пусть это яд, — мой глаз искупит грех:
 Он пробует отраву раньше всех!

О, как я лгал когда-то, говоря:
«Моя любовь не может быть сильнее».
Не знал я, полным пламенем горя,
Что я любить еще нежней умею.

Случайностей предвидя миллион,
Вторгающихся в каждое мгновенье,
Ломающих незыблемый закон,
Коллеблющих и клятвы и стремленья,

Не веря переменчивой судьбе,
А только часу, что еще не прожит,
Я говорил: «Любовь моя к тебе
Так велика, что больше быть не может!»

Любовь — дитя. Я был пред ней неправ,
Ребенка взрослой женщиной назвав.

Мешать соединенью двух сердец
 Я не намерен. Может ли измена
 Любви безмерной положить конец?
 Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
 Не меркнувший во мраке и тумане,
 Любовь — звезда, которою моряк
 Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
 У времени, стирающего розы
 На пламенных устах и на щеках,
 И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих, —
 То нет любви и нет стихов моих!

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,

Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.

Все преступления вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь па строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.

Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

Для аппетита пряностью приправы
Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.

Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.

От этого любовного коварства
И опасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.

Но понял я: лекарства — яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

Каким питьем из горьких слез Сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаюсь клада.

Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?

О, благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.

Так после всех бесчисленных утрат
Во много раз я более богат.

То, что мой друг бывал жесток со мною,
 Полезно мне. Сам испытал печаль,
 Я должен гнуться под своей виною,
 Коль это сердце — сердце, а не сталь.

И если я потряс обидой друга,
 Как он меня, — его терзает ад,
 И у меня не может быть досуга
 Припоминать обид минувших яд.

Пусть та ночь печали и томленья
 Напомнит мне, что чувствовал я сам,
 Чтоб другу я принес для исцеленья,
 Как он тогда, раскаянья бальзам.

Я все простил, что испытал когда-то,
 И ты прости, — взаимная расплата!

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
 Напраслина страшнее обличенья.
 И гибнет радость, коль ее судить
 Должно не наше, а чужое мнение.

Как может взгляд чужих порочных глаз
 Щадить во мне игру горячей крови?
 Пусть грешен я, но не грешнее вас,
 Мои шпионы, мастера злословья.

Я — это я, а вы грехи мои
 По своему равняете примеру.
 Но, может быть, я прям, а у судьи
 Неправого в руках кривая мера,

И видит он в любом из ближних ложь,
 Поскольку ближний на него похож!

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу —
Верней, чем на пергаменте и воске, —
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.

Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленью,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.

Так долго бы не сохранился воск
Твоих таблиц — подарок твой напрасный.
Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.

Кто должен памятку любви хранить,
Тому способна память изменить!

Не хвастай, время, властью надо мной.
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной.
Они — перелицовка старины.

Наш век недолог. Нас не мудрено
Прельстить перелицованным старьем.
Мы верим, будто нами рождено
Все то, что мы от предков узнаем.

Цена тебе с твоим архивом грош.
Во мне и тени удивленья нет
Пред тем, что есть и было. Эту ложь
Плетешь ты в спешке суетливых лет.

И если был я верен до сих пор,
Не изменюсь тебе наперекор!

О, будь моя любовь — дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, —
Судьба могла бы место ей назначить
Среди цветов иль в куче сорных трав.

Но нет, мою любовь не создал случай.
Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучья
И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Ей не страшны уловки и угрозы
Тех, кто у счастья час берет внаем.
Ее не греет луч, не губят грозы.
Она идет своим большим путем.

И этому ты, временщик, свидетель,
Чья жизнь — порок, а гибель — добродетель.

Что, если бы я право заслужил
 Держать над троном бархат балдахина
 Или бессмертья камень заложил,
 Не более надежный, чем руина?

Кто гонится за внешней суетой,
 Теряет все, не рассчитав расплаты,
 И часто забывает вкус простой,
 Избáлован стряпней замысловатой.

Нет, в сердце мне приют прошу я дать,
 А ты прими мой хлеб, простой и скудный.
 Дается он тебе, как благодать,
 В знак бескорыстной жертвы обоюдной.

Прочь, клеветник! Чем правоте трудней,
 Тем менее ты властвуешь над ней!

Крылатый мальчик мой, несущий бремя
Часов, что нам отсчитывают время,

От убыли растешь ты, подтверждая,
Что мы любовь питаем, увядая.

Природа, разрушительница-мать,
Твой ход упорно возвращает всячь.

Она тебя хранит для праздной шутки,
Чтобы, рождая, убивать минутки.

Но бойся госпожи своей жестокой:
Коварная щадит тебя до срока.

Когда же это время истечет, —
Предъявит счет и даст тебе расчет.

Прекрасным не считался черный цвет,
Когда на свете красоту ценили.
Но, видно, изменился белый свет —
Прекрасное подделкой очернили.

С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Живет она безродной и бездомной.

Вот почему и волосы и взор
Возлюбленной моей чернее ночи, —
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.

Но так идет им черная фата,
Что красотою стала чернота.

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой, —
Ревнивой завистью терзаюсь я.

Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук, —
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забытьи.

Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы — мне!

Издержки духа и стыда растрата —
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.

Утолено, — влечет оно презрение,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.

Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде — радость, в испытанье — горе,
А в прошлом — сон, растаявший, как дым.

Все это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад крошечный?

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравнениях пышных оболгали.

Ты прихоти полна и любишь власть,
 Подобно всем красавицам надменным.
 Ты знаешь, что моя слепая страсть
 Тебя считает даром драгоценным.

Пусть говорят, что смуглый облик твой
 Не стбит слез любовного томленья, —
 Я не решаюсь в спор вступать с молвой,
 Но спору с ней в своем воображеньи.

Чтобы себя уверить до конца
 И доказать велепость ртих басен,
 Клянусь до слез, что темный цвет лица
 И черный цвет волос твоих прекрасен.

Беда не в том, что ты лицом смугла, —
 Не ты черна, черны твои дела!

Люблю твои глаза. Они меня,
 Забытого, жалеют непритворно.
 Отвергнутого друга хороня,
 Они, как траур, носят цвет свой черный.

Поверь, что солнца блеск не так идет
 Лицу седого раннего востока,
 И та звезда, что вечер к нам ведет, —
 Небес прозрачных западное око, —

Не так лучиста и не так светла,
 Как этот взор, прекрасный и прощальный.
 Ах, если б ты и сердце облекла
 В такой же траур, мягкий и печальный, —

Я думал бы, что красота сама
 Черна, как ночь, и ярче света — тьма!

Будь проклята душа, что истерзала
Меня и друга прихотью измен.
Терзать меня тебе казалось мало, —
Мой лучший друг захвачен в тот же плен.

Жестокая, меня недобрым глазом
Ты навсегда лишила трех сердец:
Теряя волю, я утратил разом
Тебя, себя и друга наконец.

Но друга ты избавь от рабской доли
И прикажи, чтоб я его стерег.
Я буду стражем, находясь в неволе,
И сердце за него отдам в залог.

Мольба напрасна. Ты — моя темница,
И все мое со мной должно томиться.

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложненным именем,
Чтоб только он — мое второе я —
По-прежнему служил мне утешеньем.

Но он не хочет и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.

Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.

Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возвратить не мог!

Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники-дожди,—
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.

Недобрым «нет» не причиняй мне боли.
Желанья все в твоей сольются воле.

¹ Сонеты 135 и 136 построены на игре слов. Сокращенное имя поэта — «Will» (от «William» — «Вильям») пишется и звучит так же, как слово, означающее волю или желание (Примеч. С. Маршака).

Твоя душа противится свиданьям,
Но ты скажи ей, как меня зовут.
Меня прозвали «волей» иль «желаньем»,
А воле есть в любой душе приют.

Она твоей любви наполнит недра
Собой одной и множествами воль.
А в тех делах, где счет ведется щедро,
Число один — не более чем ноль.

Пусть я ничто во множестве несметном,
Но для тебя останусь я одним.
Считай меня ничтожным, незаметным,
Считай ничем, но чем-то дорогим.

Ты полюби сперва мое прозвание,
Тогда меня полюбишь. Я — желанье!

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я видел красоту, но каждый раз
Понять не мог, что дурно, что прекрасно.

И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли, —
Зачем ему ты не даешь свободы?

Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но все, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.

Правдивый свет мне заменила тьма,
И ложь меня объяла, как чума.

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.

Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд — разящий меч,
И нет брони на любящей груди.

Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статься, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милосердия щадя.

О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня, — я смерти буду рад.

Будь так умна, как зла. Не размыкай
 Зажатых уст моей душевной боли.
 Не то страданья, хлынув через край,
 Заговорят внезапно поневоле.

Хоть ты меня не любишь, обмани
 Меня поддельной, мнимой любовью.
 Кто доживает считанные дни,
 Ждет от врачей надежды на здоровье.

Презреньем ты с ума меня сведешь
 И вынудишь молчанье нарушить.
 А злоречивый свет любую ложь,
 Любой безумный бред готов подслушать.

Чтоб избежать позорного клейма,
 Криви душой, а с виду будь пряма!

Мои глаза в тебя не влюблены,—
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

Мой слух твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.

И все же внешним чувствам не дано —
Ни всем пяти, ни каждому отдельно —
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.

В своем несчастье одному я рад,
Что ты — мой грех и ты — мой вечный ад.

Любовь — мой грех, и гнев твой справедлив.
Ты не прощаешь моего порока.
Но, наши преступления сравни,
Моей любви не бросишь ты упрека.

Или поймешь, что не твои уста
Изобличать меня имеют право.
Осквернена давно их красота
Изменой, ложью, клятвою лукавой.

Грешнее ли моя любовь твоей?
Пусть я люблю тебя, а ты — другого,
Но ты меня в несчастье пожалей,
Чтоб свет тебя не осудил сурово.

А если жалость спит в твоей груди,
То и сама ты жалости не жди!

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,

И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.

Так ты меня оставила, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь.
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.

Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Чтобы меня низвергнуть в ад крошечный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.

Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья — друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.

Но там ли он, — об этом знать я буду,
Когда низвергнут будет он оттуда.

«Я ненавижу», — вот слова,
Что с милых уст ее на днях
Сорвались в гнев. Но едва
Она заметила мой страх, —

Как придержала язычок,
Который мне до этих пор
Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.

«Я ненавижу», — присмирив,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.

«Я ненавижу», — но тотчас
Она добавила: — «Не вас!»

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.

Педолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?

Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

Любовь — недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.

Мой разум-врач любовь мою лечил.
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.

Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят.

И долго мне, лишенному ума,
Казался раем ад, а светом — тьма!

О, как любовь мой изменила глаз!
Расходится с действительностью зренье.
Или настолько разум мой угас,
Что отрицает зримые явления?

Коль хорошо, что нравится глазам,
То как же мир со мною не согласен?
А если нет, — признать я должен сам,
Что взор любви неверен и неясен.

Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
Но любящим смотреть мешают слезы.
Подчас и солнце слепнет до тех пор,
Пока все небо не омоют грозы.

Любовь хитра, — нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружия без боя?

Вступал ли я в союз с твоим врагом?
Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь?

Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором унижение?
Твой грех мне добродетели милей,
Мой приговор — ресниц твоих движенье.

В твоей вражде понятно мне одно:
Ты любишь зрячих, — я ослеп давно.

Откуда столько силы ты берешь,
Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
Я собственным глазам внушаю ложь,
Клянусь им, что не светел свет дневной.

Так бесконечно обаянье зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая черные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.

Все, что вражду питало бы в другом,
Питает нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.

Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

Не знает юность совести упреков,
Как и любовь, хоть совесть — дочь любви.
И ты не обличай моих пороков
Или себя к ответу призови.

Тобою предан, я себя всецело
Страстям простым и грубым предаю.
Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.

При имени твоём она стремится
На цель своих желаний указать,
Встает, как раб перед своей царицей,
Чтобы упасть у ног ее опять.

Кто знал в любви паденья и подъемы,
Тому глубины совести знакомы.

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся: ты правдива и чиста, —
И черной ложью осквернил уста.

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студень.

Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем неможное тело.

А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!

Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд — огонь ее очей.

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду, — но вода
Любви не охлаждала никогда.

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

В ПЕРЕВОДАХ

С. МАРШАКА

Первое издание сонетов Шекспира
в переводах С. Маршака, 1948 г.

Титульный лист художника В. Фаворского

С. Я. Маршак у входа в дом Вильяма Шекспира,
г. Стратфорд, сентябрь 1957 г.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

КОНЬ

Из поэмы «Венсра и Адонис»

Прислушайся, — из ближнего леса
Испанская кобыла молодая,
Почувяв жеребца издалика,
Его зовет, тревожно ожидая.
И, с привязи сорвавшись, наконец,
К ней скачет, шею выгнув, жеребец.

Он величаво мчится, он летит,
Как в приступе безудержного гнева,
И гулко под ударами копыт
Гудит земли разбуженное чрево.
Грызет железо он своих удиц,
Тем овладев, чему подвластен был.

Он поднял уши. Нисходя к хребту,
Вздывается дорожка гривы черной,
Ноздрями воздух пьет он на лету.
Пар из ноздрей выходит, как из горна.
Недаром око темное коня
Сверкает ярким отблеском огня.

То рысью он идет, шаги считая,
Спокойно горд и скромно величав,
То скоком скачет, над землей взлетая,
Плывет, по ветру тело распластав,
Чтоб гневной красотой своей и силой
Похвастаться перед подругой милой.

Ему и дела нет до ездока,
Кричащего вослед: «Постой! Куда ты?»
Забыл он шпоры, жгущие бока,
Забыл о сбруе, яркой и богатой,
Он слышит только собственную кровь,
Он видит пред собой свою любовь.

Как если бы, искусству дав свободу,
Писал коня художник на холсте,
Стремясь живую превзойти природу
И в живости самой, и в красоте, —
Так этот конь превосходил любого
Осанкой, статью, красотой суровой.

Крутая холка, ясный, полный глаз,
Сухие ноги, круглые копыта,
Густые щетки, кожа, как атлас,
А ноздри ветру широко открыты.
Грудь широка, а голова мала, —
Таким его природа создала.

Ничто косого не избегнет взора,
Касанье перышка его вспугнет.
Приказывая ветру быть опорой,
Пускается он в бег или в полет.
Сквозь волосы хвоста его и гривы
Поет и свищет ветер шаловливый.

Он выражает радость в звонком ржанье,
Отзывный голос подает она.
Но — женщина — в ответ на обожанье
Она лукавит, гордости полна,
И отвечает страсти, столь открытой,
Упрямыми ударами копыта.

Он роет землю в гневе, ловит ртом
Слепней несчастных. Весь покрыт он мылом.
И бедра охлаждает он хвостом,
Разгоряченные любовным пылом,
Но вот гордятка, друга пожалев,
Его безмерный умеряет гнев.

А тут хозяин, подоспев, стремится
Взять под уздцы горячего коня.
В испуге к лесу скачет кобылица,
За нею — конь, уздечкою звеня.
И оба обгоняют по дороге
Ворон, летящих тучею в тревоге...

ПЕСНЯ О РОГАХ

Из комедии «Как вам это понравится»

Есть у охотников обычай —
Рога и шкуру, как добычу,
Нести домой.

Хоть дорога оленья кожа,
Рога оленьи пам дороже:
Так не стыдись носить рога.
Нам эта память дорога!

Крутого рога острый серп —
Твоей семьи старинный герб.
От поколения поколение
Рога наследует оленьи.

Так не стыдись носить рога —
Нам эта память дорога!

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Из комедии «Как вам это понравится»

Счастливая чета влюбленных —
Гей-го! Гей-нонинó! —
Гуляла средь полей зеленых
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне.

Во ржи они оба легли отдохнуть —
Гей-го! Гей-нонинó! —
И голову он положил ей на грудь
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне.

Они и придумали этот куплет —
Гей-го! Гей-нонинó! —
Что вся наша жизнь — кратковременный цвет
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне.

И ты это славное время лови —
Гей-го! Гей-нонинó! —
И настезь открой свое сердце любви
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне!

ПЕСНЯ БАЛТАЗАРА

Из комедии «Много шума из ничего»

Что толку, леди, в жалобе?
Мужчины — шалопаи.
Одна нога на палубе,
На берегу другая.

Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тара́ра-ла́ла-ла́ла!

Зачем вам плакать? Лучше петь.
Весной грустить не велено.
Мужчины женщин ловят в сеть
С тех пор, как весны зелены.

Что с них возьмешь?
Слова — их ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!†

ПЕСЕНКА
ИЗ «ЗИМНЕЙ СКАЗКИ»

Веди нас, дорожка, вперед и вперед,
Начала тебе и конца нет.
Веселое сердце идет и поет,
Печальное — скоро устанет.

**ПЕСЕНКИ
БРОДЯЧЕГО ТОРГОВЦА
ИЗ «ЗИМНЕЙ СКАЗКИ»**

1

Вот кружева, ленты.
А вот позументы,
Берите, хватайте, красавицы.
Вот кольца и бусы
На разные вкусы.
Шелка мои пестрые славятся.
Считайте-ка денежки,
Несите офенюшке,
Берите, что только понравится!

2

Вот шелк белей, чем пух лебляжий.
Вот креп чернее черной сажки.
Перчатки тоньше роз дамасских,
Духи и бархатные маски.
Купить чепец вам, сударь, надо,
Подруга ваша будет рада.
А вот две дюжины застёжек
От подбородочка до ножек.
Купите серьги, ожерелья,
Доставьте барышням веселье,
Чтобы в ушах сережки звякали,
Чтоб очи черные не плакали!

ПЕСНИ ОФЕЛИИ

Из трагедии «Гамлет»

1

Как в толпе его найдем —
Твоего дружка?
Шляпа странника на нем,
А в руках клюка.

Он угас и умер, леди,
Он могилой взят.
В головах — бугор зеленый,
Камень — возле пят.

Бел твой саван, друг мой милый.
Сколько белых роз
В эту раннюю могилу
Ливень слез унес.

2

В день святого Валентина,
В первом свете дня
Ты своею Валентиной
Назови меня.

Тихо ввел он на рассвете
Девушку в свой дом —
Ту, что девушкой вовеки
Не была потом.

Позор и грех! У них у всех
Нет ни на грош стыда:
Свое возьмут, потом уйдут,
А девушкам беда.

— Ты мне жениться обещал,
Меня лишая чести.

— Клянусь, я слово бы сдержал,
Да мы уж спали вместе!

ПЕСНИ ШУТА

Из трагедии «Король Лир»

1

Показывай
Меньше того, что имеешь.
Рассказывай
Меньше, чем сам разумеешь.

Где можно проехать,
Не странствуй пешком.
Чем деньги одалживать,
Будь должником.

Играй, но только помни меру,
Учись, а не бери на веру.

Забудь и кружку, и подружку,
Храни под спудом каждый грош.
Тогда полушку на полушку,
А на сто — сотню наживешь!

2

Тот, кто решил по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам —
Он будет мне под стать.

Мы станем с ним, рука к руке,
Два круглых дурака:
Один — в дурацком колпаке,
Другой — без колпака!

3

Для дураков — печальный день:
Все умники страны
Мозги надели набекрень
И стали им равны!

4

Они заплакали от счастья,
А я запел с тоски,
Узнав, что мой король без власти
Играет в дураки!

5

Тот, кто крошек не сберег,
Черствой коркой пренебрег, —
Будет каяться, когда
Постучится в дверь нужда.

6

Вскормил кукушку воробей —
Бездомного птенца,
А тот возьми да и убей
Приемного отца!

7

Лиса-плутовка
И дочка короля —
Одна бы вам веревка,
Одна бы вам петля!

Продам колпак,
Куплю
Петлю,
Дурак —
Товарищ королю!

8

Отцов сановных и богатых
Ласкают дочери и зятя.
А у кого штаны в заплатах, —
Того не жалуется семья!

Фортуна — жалкая блудница:
Она с голодным не ложится.

9

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного
Во время непогоды.

Но шут с тобой — твой верный шут! —
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут,
Дурак, а не мошенник!

10

Штаны нужны, — даю вам слово,
Но приюти башку сперва.
Иль обовшивеет без крова
Твоя седая голова.

В ком сердце жесткое, как пятка,
Тех не смутит чужая боль.
Но спать они не будут сладко,
Когда натрут себе мозоль!

11

Тот, кто в несчастье владеет собой, —
Молния, гром и град, —
В бурю и в шквал не дрожит пред судьбой,
Будь они сутки подряд!

12

Когда откажется священник
Кривить душою из-за денег

И перестанет пивовар
Водою разбавлять товар,

Когда наскучит кавалерам
Учиться у портных манерам,

Когда еретиков монах
Сжигать не станет на кострах,

Когда судья грешить не будет
И без причины не осудит,

Когда умолкнет клевета,
Замок повесив на уста,

Когда блудница храм построит,
А ростовщик сундук откроет, —

Тогда-то будет Альбион
До основанья потрясен,

Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

ПЕСНИ ШУТА

Из комедии «Двенадцатая ночь»

1

Поспеши, смерть, поспеши.
Я устал от любовных обид.
Не дыши, моя грудь, не дыши.
Я жестокой подругой убит.

Пусть в последний приют мой земной
Ветви тиса положат.
Разделить мою участь со мной
Самый преданный друг не может.

Пусть ни белых лилий, ни роз
Не оставят друзья на погосте.
Пусть никто не роняет слез
На мои неподвижные кости.

Пусть могилу трава-лебеда
От прохожего спрячет...
И любовник весной никогда
Надо мной не заплачет.

2

Когда еще был я зелен и мал, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
Любую проделку я шуткой считал,
А дождь себе льет да льет.

Я вырос, ничуть не набравшись ума, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
На ключ от бродяг запирают дома,
А дождь себе льет да льет.

Потом я, как все, обзавелся женой, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
Ей не было сытно и сухо со мной,
А дождь себе льет да льет.

Хоть годы меня уложили в постель, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
Из старого дурня не выбьете хмель,
А дождик все льет да льет.

Пусть мир существует бог весть как давно, —
Чтоб дождь его мог поливать, —
Не все ли равно? Представленья дано,
А завтра начнется опять!

8

Где ты прячешь взор свой милый?
То с надеждой, то уныло
О тебе поет твой друг.
Не уйдешь ты легкой ланью.
Все пути ведут к свиданью.
Это знают все вокруг.

В чем любовь? В одной надежде?
Или в том, что было прежде?
Нет, целуй меня сейчас.
Жизнь и смерть не в нашей власти.
Наша юность, наше счастье
Быстро скроются от нас!

ПЕСЕНКА
ИЗ «АНТОНИИ И КЛЕОПАТРЫ»

Бог и царь беседы мирной,
Краснощекий Бахус жирный,
Мы к тебе пришли на пир.
Нашу грусть топн в похмелье,
Пусть в сердцах кипит веселье,
Чтобы пестрой каруселью
Завертелся этот мир,
Завертелся этот мир.

НАДГРОБНЫЙ ПЛАЧ

Правда с юной красотой,
С прелестью, такой простой,
Спят во прахе под плитой.

Вечного покоя дом
Стал для голубя гнездом.
Спит с подругой он вдвоем.

Легок был земной им груз.
Нет плодов их брачных уз.
Девственным был их союз.

Будет правда, да не та,
И не та уж красота.
На любовь легла плита.

Тот, в ком дух высокий жив,
Кто красив и кто правдив,
Плачь, колена преклонив.

Помолись, склонившись ниц
Пред чистейшей из гробниц,
Пред гнездом умолкших птиц.

Из Джорджа Тёрбервилла

* * *

Ты смотришь светлыми глазами
В небесный купол золотой.
А я смотрел бы — будь я небесами —
Лишь на тебя, любуясь красотой.

**Из Эдварда де Вера,
графа Оксфордского**

* * *

Будь я на троне, мне бы льстила власть.
В безвестности искал бы я покоя.
А будь я мертв, я позабыл бы страсть,
Надежду, скорбь, волнение людское.
Что ж лучшее из этих трех даров —
Корона, хижина, могильный кров?

Из Джона Донна

* * *

Смерть, не гордись, когда тебя зовут
Могучей, грозной. Жалкие слова!
Кого взяла ты — в вечности живут,
И навсегда моя душа жива.

Покой и сон — измученным приют.
И ты, о смерть, надеюсь, такова.
Ты лучшие земные существа
Освободить спешишь от рабских пут.

Слуга судьбы, злодеев, королей,
С войной, чумой в соседстве ты живешь.
Но не гордись: как твой разящий нож,
Дает забвенье мак, цветок полей.

Мы будем спать во гробе до зари
И вновь воспрянем. Ты же, смерть, умри!

Из Эдмунда Уоллера

п о я с

Ее короткий поясок
Пускай сжимает мой висок.
Он — королевский мой венец,
Каких не видел и дворец.

Он был до нынешнего дня
Небесной сферой для меня.
Мою надежду, мой недуг
Сжимал в объятьях этот круг.

Круг не широк, но в нем найдешь
Все доброе, чем свет хорош.
За то, что было в том кругу,
Я целый мир отдать могу.

Из Джона Мильтона

О СЛЕПОТЕ

Сонет

Когда подумаю, что свет погас
В моих глазах среди пути земного
И что талант, скрывающийся в нас,
Дарован мне напрасно, хоть готова
Душа служить творцу и в должный час
Отдать отчет, не утаив ни слова, —

«Как требовать труда, лишая глаз?» —
Я вопрошаю. Но в ответ сурово
Терпенье мне твердит: «Не просит бог
Людских трудов. Он властвует над всеми.
Служа ему, по тысячам дорог
Мы все спешим, влача земное бремя».

Но, может быть, не меньше служит тот
Высокой воле, кто стоит и ждет.

О ШЕКСПИРЕ

Нуждается ль, покинув этот мир,
В труде каменотесов мой Шекспир,
Чтоб в пирамиде, к звездам обращенной,
Таился прах, веками освященный?

Наследник славы, для грядущих дней
Не просишь ты свидетельства камней.
Ты памятник у каждого из нас
Воздвиг в душе, которую потряс.

К позору нерадивого искусства,
Твои стихи текут, волнуя чувства.
И в памяти у нас из книг твоих
Оттиснут навсегда дельфийский стих.

Воображенье наше до конца
Пленив и в мрамор превратив сердца,
Ты в них покоишься. Все короли
Такую честь бы жизни предпочли!

Из Джонатана Свифта

КРИТИКИ

Гоббс доказал, что все живое
Ведет войну между собою.
Большие малых любят есть,
Но к равным не дерзают лезть.
Обыкновенный средний кит
Селедок стаю съест и сыт.
Волк ест ягненка, а лисица
Гусенком любит поживиться.

Но у рифмующих пород,
Как видно, все наоборот.
У них царит такой обычай:
Сильнейший — слабому добыча.
Коль вы взобрались на Парнас,
Не вы глотаете, а вас.
Любой ничтожнейший пиитик —
Ваш самый беспощадный критик,
Но сам он тоже, в свой черед,
Кому-то в когти попадет!

Натуралистами открыты
У паразитов паразиты,
И произвел переполох
Тот факт, что блохи есть у блох.
И обнаружил микроскоп,
Что на клопе бывает клоп,
Питающийся паразитом,
На нем — другой, *ad infinitum* ¹.

¹ До бесконечности (лат.).

Так наш собрат, тоской томим,
Кусает тех, кто перед ним.
Кусает больно и обидно,
Хоть самого подчас не видно.
Всем прозвища он раздает:
«Дурак», «писака», «идиот»,
«Рифмач», «ничтожная козявка»,
«Поденщик книжного прилавка».
Поэтам ставит он в пример
Таких поэтов, как Гомер,
Скорбит о том, что нынче гений
Не получает поощрений,
Или о том, что вкуса нет
У поколения наших лет,
Что в наши дни поэты редки,
Что мы бездарнее, чем предки...

Нещадно обличает он
Тех, кто поэтом не рожден,
Верней сказать, — свою же братью,
Что мелет вздор, кормясь печатью!..

Из Роберта Бернса

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатю.

Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах, --
Бревно останется бревном
И в орденах, и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копыями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодезь погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

СТАРАЯ ДРУЖБА

Забить ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забить ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Роберт Бернс в переводах С. Маршака, 1950 г.

Суперобложка художника В. Фаворского

В ячменном поле (Р. Бернс)
Гравюра художника В. Фаворского

БЫЛ ЧЕСТНЫЙ ФЕРМЕР МОЙ ОТЕЦ

Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!

Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть — пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.

И так и сяк пытался я
Поправиться фортуне,
Но все усилия и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я подбит,
То предаи был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.

В конце концов я был готов
Оставить попечение.
И по примеру мудрецов
Я вывел заключение:
В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час — в руках у нас.
Владей же настоящим!

Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это все, что мой отец
Оставил мне в наследство.

Так и живу — в нужде, в труде,
Доволен передышкой.
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!

Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.
На завтра хлеба не дает
Мне эта злая скряга.
Но нынче есть чего поесть, —
И то уж это благо!

Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И все же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!

О ты, кто властен и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед — к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, —
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечуг пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!

Р О Б И Н

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Рóбин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Чго был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем все он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости! —
Успуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший парень наших лет,
Славный парень,
Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
Славный парень,
Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

БРЮС — ШОТЛАНДЦАМ

Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, —
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.

Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет —
Цепи и оковы.

Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсекь.
Пусть уйдут из строя.

Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!

Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.

Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сражение обрести
Смерть или свободу!

ШОТЛАНДСКАЯ СЛАВА

Навек простись, Шотландский край,
С твоею древней славой.
Название самое, прощай,
Отчизны величавой!

Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится, —
Теперь владенья англичан,
Провинции граница.

Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.

Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.

Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес.

Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шулки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день, —
И он не за горами, —
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

— Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.

Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый, —
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой, — и сам не знаю.

Потом сказал я: — Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
— Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: — Это ты? —
Потом сказала: — Вилли!..

— Да, это я, моя любовь,
А ты — моя награда
За честно пролитую кровь
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пусть с тобою мы бедны,
Но ты — мой клад бесценный!

Она сказала: — Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убелен, —
Ты знал немало выюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук,
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!

ЛЮБОВЬ

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

* * *

Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам работа,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край —
И зашумит листва...

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна.

К О Н Е Ц Л Е Т А

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной, —
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю.

Вальдшпелы любят тихий лес,
Вьюрки — кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник — приют
Веселой коноплянки.

У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.
Один живет с большой семьей,
Другой — в уединенье.
Но всюду злой тиран проник:
В немых лесных просторах
Ты слышишь гром, и жалкий крик,
И смятых перьев шорох...

А ведь такой кругом покой.
Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.

Так хорошо идти-бresti
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу,
Как дождь весной — листве лесной,
Как осень — урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

★ * ★

Где-то в пещере, в прибрежном краю,
Горе свое от людей угаю.

Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.

Лживая женщина, клягвам твоим
Время пришло разлететься как дым.

Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим!

РАССТАВАНИЕ

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною.
Окружен я тьмой ночью.

Не клянусь своей я страсти.
Кто твоей не сдастся власти?
Кто видал тебя, тот любит,
Кто полюбит, не разлюбит.

Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходиться, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!

Будь же ты благословенна,
Друг мой первый, друг бесценный.
Да сияет над тобою
Солнце счастья и покоя.

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

ЗА ПОЛЕМ РЖИ

За полем ржи кустарник рос.
И почки нераскрытых роз
Клонились, влажные от слез,
 Росистым ранним утром.

Но дважды утренняя мгла
Сошла, и роза расцвела.
И так роса была светла
 На ней душистым утром.

И коноплянка на заре
Сидела в лиственном шатре
И вся была, как в серебре,
 В росе холодной утром.

Придет счастливая пора,
И зашебечет детвора
В тени зеленого шатра
 Горячим летним утром.

Мой друг, и твой придет черед
Платить за множество забот
Тем, кто покой твой бережет
 Весенним ранним утром.

Ты, нераскрывшийся цветок,
Расправишь каждый лепесток
И тех, чей вечер недалек,
 Согреешь летним утром!

ПОЦЕЛУЙ

Влажная печать признаний,
Обещанье тайных нег —
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

НАД РЕКОЙ АФТОН

Утихни, мой Афтон, в зеленом краю,
Утихни, а я тебе песню спою.
Пусть милую Мэри не будит волна
На склоне, где сладко уснула она.

Пусть голубя стон из лесного гнезда,
Пусть звонкая, чистая флейта дрозда,
Зеленоголового чибиса крик
Покоя ее не встревожат на миг.

Прекрасны окрестные склоны твои,
Где змейками путь проложили ручьи.
Бродя по холмам, не свожу я очей
С веселого домика Мэри моей.

Свежи и душисты твои берега,
Весной от цветов золотятся луга.
А в час, когда вечер заплачет дождем,
Приют под березой найдем мы вдвоем.

Поток твой петлю серебристую вьет
У тихого дома, где Мэри живет.
Идет она в лес, собирая цветы, —
К ногам ее белым бросаешься ты.

Утихни, мой Афтон, меж склонов крутых,
Умолкни, прославленный в песнях моих.
Пусть милую Мэри не будит волна —
Над берегом тихо уснула она.

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть, что есть, — те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, —
Значит, нам благодарить остается небо!

* * *

Наш Вилли пива навари
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под муху, чугь-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.
Один бочонок — трое нас.
Не раз встречались мы втроем
И встретимся еще не раз.

Что это — старая луна
Мигает нам из-за ветвей?
Она плывет, домой зовет...
Нет, подождать придется ей!

Последний тот из нас, друзья,
Кто первым ступит за порог.
А первый тот, кого струя
Из нас последним свалит с ног!

ПОДРУГА УГОЛЬЩИКА

— Не знаю, как тебя зовут,
Где ты живешь, не ведаю.
— Живу везде — и там и тут,
За угольщиком следую!

— Вот эти нивы и леса
И все, чего попросишь ты,
Я дам тебе, моя краса,
Коль угольщика бросишь ты!

Одену в шелк тебя, мой друг.
Зачем отрепья носишь ты?
Я дам тебе коней и слуг,
Коль угольщика бросишь ты!

— Хоть горы золота мне дай
И жемчуга отборного,
Но не уйду я — так и знай! —
От угольщика черного.

Мы днем развозим уголек.
Зато порой ночную
Я заберусь в свой уголок.
Мой угольщик — со мною.

У нас любовь — любви цена.
А дом наш — мир просторный.
И платит верностью сполна
Мне угольщик мой черный!

Я ПЬЮ ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ!

Прощай, красавица моя.
Я пью твоё здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.

Прощай, прости! Перенести
Сумею я разлуку.
А ты смекни да разочти,
Кому отдашь ты руку.

Ты говоришь: — Вступать мне в брак
Покуда неохота. —
А я скажу: — Я не дурак,
И ждать мне нет расчета.

Я знаю, ждёт твоя родня
Кого-то побогаче.
Она не жалуёт меня.
Ну, дай вам бог удачи!

Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не нуждаюсь я ни в ком, —
При мне моя свобода.

Башка и руки — вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят, — сам черт не брат,
Покуда есть здоровье!

Оно, конечно, высоко
Летит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.

Прощай, мой друг. Я ухожу,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твоё окошко...

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ СТАРОГО ФЕРМЕРА ЕГО СТАРОЙ ЛОШАДИ

Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему в придачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошадию горячей
И рысью шла.

Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!

Лошадкой ты была на славу.
Хозяин был тебе по праву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой
Любую брали мы канаву,
Подъем любой.

Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.
Хоть капитал — скажу по чести —
Был очень мал,
Не раз добром подарок тестя
Я поминал.

Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,
И ты за матерью-кобылой
Трусилась вслед.
Ключом в тебе кипела сила
Весенних лет.

Я помню день, когда, танцуя
И щеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
В тот день тобой!

Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
Ты возишь кладь,
А прежде — чья могла лошадка
Тебя догнать?

Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
— Куда ты? Стой!

Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, —
В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.

Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.

Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.

Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
Мне в летний день.

Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут.
И, верно, не был я обманут,
Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
Я взял за них.

Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, ниц перед судьбою
Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
А всё живем!

Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
Но я в долгу —
И для тебя овса немного
Приберегу.

С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лежа
В последний путь.

ФИНДЛЕЙ

— Кто там стучится в поздний час?

«Конечно, я — Финдлей!»

— Ступай домой. Все спят у нас!

«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?

«Посмел!» — сказал Финдлей.

— Небось наделаешь ты дел...

«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...

«А ну!» — сказал Финдлей.

— Ты спать не дашь мне до зари!

«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...

«Впусти!» — сказал Финдлей.

— Всю ночь ты можешь прогостить.

«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...

«Побудь!» — сказал Финдлей.

— Ко мне опять найдешь ты путь.

«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...

«Со мной!» — сказал Финдлей.

— Молчи до крышки гробовой!

«Идет!» — сказал Финдлей.

ШЕЛА О'НИЛ

Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех
Имели успех
Слова: «Мы поженимся, Шела О'Нил!»

Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'Нил.

Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам,
Ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шела О'Нил!

У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала
Острее, чем жало
Безжалостной женщины — Шелы О'Нил!

СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но, наконец, жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне неизвестно...

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд —
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю...
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

ОДА К ЗУБНОЙ БОЛИ

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
Иль резь в желудке.
А эта боль — предмет острот
И праздной шутки!

Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
В аду щекочут!

Всегда жила со мной беда —
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
Подобной пытки!

И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
 (В том нет сомнений!),
Ты будешь первою в ряду
 Моих мучений.

О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
 За своеволие,
Казни врагов моей страны
 Зубною болью!

ПЕСНЯ

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятья —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

* * *

...— Нет ни души живой вокруг,
А на дворе темно.
Нельзя ль к тебе, мой милый друг,
Пролезть через окно?

— Благодарю тебя за честь,
Но помни уговор:
Ко мне одна дорога есть —
Через церковный двор!..

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты спишь ли, друг мой дорогой?
Проснись и двери мне открой.
Нет ни звезды во мгле сырой.
Позволь в твой дом войти!

Впусти меня на эту ночь,
На эту ночь, на эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

Я так устал и так продрог,
Я под собой не чувю ног.
Пусти меня на свой порог
И на ночь приюти.

Как ветер с градом и дождем
Шумит напрасно за окном,
Так я стучусь в твой тихий дом.
Дай мне приют в пути!

Впусти меня на эту ночь,
На эту, эту, эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

ЕЕ ОТВЕТ

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад.
И, значит, можешь путь назад
Ты без труда найти.

Еще кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

Пусть на ветру ты весь продрог, —
От худших бед помилуй бог
Ту, что тебе через порог
Позволит перейти!

В саду раскрывшийся цветок
Лежит, растоптан, одинок.
И это девушке урок,
Как ей себя вести.

Птенца, не знавшего тревог,
В кустах охотник подстерег.
И это девушке урок,
Как ей себя вести!

Стоит кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

**ЭЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ ПЭГ НИКОЛЬСОН,
ЛОШАДИ СВЯЩЕННИКА**

Ты славной клячею была,
И вот узнал я с грустью,
Что по реке ты поплыла
И доплыла до устья.

Кобылой доброй ты слыла,
Когда была моложе.
А нынче к морю уплыла,
Оставив людям кожу.

Ты от хозяина-попа
Не слышала «спасибо».
Стара ты стала и слепа
И угодила к рыбам.

Давно, покорная судьбе,
Лишилась ты здоровья,
Как все, кто возит на себе
Духовное сословье!

МЕЛЬНИК

Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.

Пыльный, пыльный он насквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось —
Вся я поседела!

Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.

Достает из кошелька
Мельник деньги белые.
Я для мельника-друга
Все, что хочешь, сделаю!

ДЕВУШКИ ИЗ ТАРБОЛТОНА

В Тарболтоне, право,
Есть парни на славу,
Девицы имеют успех, брат.
Но барышни Роналдс,
Живущие в Бэнналс,
Милей и прекраснее всех, брат.

Отец у них гордый.
Живет он, как лорды.
И каждый приличный жених, брат,
В придачу к невесте
Получит от тестя
По двести монет золотых, брат.

Нет в этой долине
Прекраснее Джинни.
Она хороша и мила, брат.
А вкусом и правом
И разумом здравым
Ровесниц своих превзошла, брат.

Фиалка увянет,
И розы не станет
В каких-нибудь несколько дней, брат.
А правды сиянье,
Добра обаянье
С годами сильнее и прочней, брат.

Но ты не один
Мечтаешь о Джин.
Найдется соперников тьма, брат.
Богатый эсквайр,
Владелец Блекбайр, —
И тот от нее без ума, брат.

Помещик Брейхед
Глядит ей вослед
И чахнет давно от тоски, брат.
И, кажется, Форд
Махнет через борт,
Ее не добившись руки, брат.

Сестра ее Анна
Свежа и румяна.
Вздыхает о ней молодежь, брат.
Нежнее, скромнее,
Прекрасней, стройнее
Ты вряд ли девицу найдешь, брат.

В нее я влюблен,
Но молчать осужден.
Робеть заставляет нужда, брат.
От сельских трудов
Да рифмованных строф
Не будешь богат никогда, брат.

А если в ответ
Услышу я «нет», —
Мне будет еще тяжелей, брат.
Хоть мал мой доход
И неизвестен мой род,
Но горд я не меньше людей, брат.

Как важная знать,
Не могу я скакать,
По моде обутый, верхом, брат.
Но в светском кругу
Я держаться могу
И в грязь не ударю лицом, брат.

Я чисто одет.
К лицу мне жилет,
Сюртук мой опрятен и нов, брат.
Чулки без заплатки,
И галстук в порядке,
И сшил я две пары штанов, брат.

На полочке шкапа
Есть новая шляпа.
Ей шиллингов десять цена, брат.
В рубашках — пехватка,
Но есть полдесятка
Белейшего полотна, брат.

От дядюшек с детства
Не ждал я наследства
И тетушек вдовых не знал, брат.
Не слушал их бредней
И в час их последний
Не чаял, чтоб черт их побрал, брат.

Не плут, не мошенник,
Не нажил я денег.
Свой хлеб добываю я сам, брат.
Немного я трачу,
Нисколько не прячу,
Но пенса не должен чертям, брат!

МОЕ СЧАСТЬЕ

Доволен я малым, а бóльшему рад.
А если невзгоды нарушат мой лад,
За кружкой, под песню гоню их пинком —
Пускай они к черту летят кувырком.

В досаде я зубы сжимаю порой,
Но жизнь — это битва, а ты, брат, герой.
Мой грош неразменный — беспечный мой нрав,
И всем королям не лишить меня прав.

Гнетут меня беды весь год напролет.
Но вечер с друзьями — и все заживет.
Когда удалось нам до цели дойти,
К чему вспоминать нам о ямах в пути!

Возиться ли с клячей — судьбою моей?
Ко мне, от меня ли, но шла бы скорей.
Забота иль радость заглянет в мой дом,
— Войдите! — скажу я, — авось проживем!

ПОЙДУ-КА Я В СОЛДАТЫ

На черта вздохи — ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох —
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!

Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот иду в солдаты.

* * *

Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.

Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра меря...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!

Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копыта движутся рядами.

Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?

П Е С Н Я

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл..
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
И скажи, что пришел тем же, что и был.

Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.
Провожала тебя я в далекий путь.
Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,
Лето — в поле и лес, ты — ко мне на грудь.

Пусть уснет океан на песке и щебне.
Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.
Успокойтесь, валы, опустите гребни
И несите легко путника домой.

Если ж он изменил и забыл о милой,
Пусть грохочут валы сутки напролет.
Не дождусь корабля и сойду в могилу,
Не узнав, что ко мне Вилли не придет.

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл..
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
Воротись ты ко мне тем же, что и был!

БЕЛАЯ КУРОПАТКА

Цвел вереск, и сено собрали в стога.
С рассвета обшарили парни луга,
Низины, болота вблизи и вдали,
Пока, наконец, куропатку нашли.

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто бьет ее в лет,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу испугнет.

Сметет она с вереска рёсы пером
И сядет вдали на болоте сыром.
Себя она выдаст на мху белизной,
Такой лучезарной, как солнце весной.

С ней Феб восходящий поспорить хотел,
Ее он коснулся концом своих стрел,
Но ярче лучей она стала видна
На мху, где доверчиво грелась она.

Лихие стрелки, знатоки этих мест,
Обшарили мхи и болота окрест.
Когда ж, наконец, куропатку нашли,
Она только ффр... — и пропала вдали!

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
 Кто бьет ее в лет,
 Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу испугнет.

**ПОЛЕВОЙ МЫШИ,
ГНЕЗДО КОТОРОЙ
РАЗОРЕНО МОИМ ПЛУГОМ**

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
 За жизнь свою?
Не трусь — тебя своей лопаткой
 Я не убью.

Я понимаю и не спору,
Что человек с природой в ссоре,
И всем живым несет он горе,
 Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскоре
 Вернемся в прах.

Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
 Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею —
 Была бы рожь!

Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж нѣ из чего снова
 Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного
 Укрыться в нем...

Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от вьюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.

Травы, листвы увядшей ком —
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.
А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?

Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...

Но ты, дружок, счастливей нас...
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
Глядим вперед.

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней резвится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.

Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор,
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.

Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов.

Она не прекрасна, но многих милей.
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня.
За то, что она полюбила меня!

Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть-чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.

Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!

**О ПОДБИТОМ ЗАЙЦЕ,
ПРОКОВЫЛЯВШЕМ МИМО МЕНЯ**

Стыдись, бесчеловечный человек!
Долой твое разбойничье искусство!
Пусть твоей душе, лишенной чувства,
Не будет утешения вовек.

А ты, кочевник рощ, полей, лугов,
Где проведешь ты дней своих остаток?
Конец твой будет горестен и краток.
Тебя не ждет родной зеленый кров.

Калека жалкий, где-нибудь в тиши,
Среди зарослей вереском поляны
Иль у реки, где свищут камыши,
Ты припадешь к земле кровавой раной.

Не раз, встречая над рекою Нит
Рассвет веселый или вечер трезвый,
Я вспомню о тебе, приятель резвый,
И прокляну того, кем ты убит!

**ГОРНОЙ МАРГАРИТКЕ,
КОТОРУЮ Я ПРИНЯЛ
СВОИМ ПЛУГОМ**

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.

Не жаворонок полевой —
Сосед, земляк, приятель твой —
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой
Обрызгав грудь.

Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
Твой стебелек.

В садах ограда и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден среди нищеты
Суровых гор.
Но как собой украсил ты
Нагой простор!

Одетый в будничный наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.
Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.

Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.

Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает низменных сердец —
Подводных скал —
И там находит свой конец,
Где счастья ждал.

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот, —
Тем свет не мил.
И человек на дно идет
Лишенный сил.

И ты, виновник этих строк,
Держись, — конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок —
Нужда, недуг, —
Как па весенний стебелек
Наехал плуг.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Сударыня,

Как этот год от нас далек,
Когда, безусый паренек,
Я молотить ходил на ток,
Пахал впервые поле
И хоть порой бывал без ног,
Но рад был этой школе.

В одном со взрослыми строю,
Товарищ их по плугу,
Я знал и полосу свою,
И юную подругу.

И шуткой,
Прибауткой
Под мерный звон косы
Я скрадывал минутки
И коротал часы.

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!

Я при уборке ячменя
Щадил татарник в поле.
Он был эмблемой для меня
Шотландской древней воли.

Пусть родом,
Доходом
Гордится знатный лорд, —
Шотландской
Крестьянской
Породой был я горд.

Я был юнцом, но и тогда
Обрывки строк в часы труда
Твердил я непрестанно,
Пока подруга юных дней
Не придала строфе моей
И склад и лад неожиданный.

Не позабыл я до сих пор
Моей подруги юной,
Чей звонкий смех и быстрый взор
Тревожил в сердце струны.

Краснея,
Не смея
Поднять влюбленный взгляд,
Срезал я,
Вязал я
Колосьев спелых ряд.

Да здравствует стыдливый пол!
Когда мороз ревнивый зол,
Обняв подругу в танце,
Мы забываем боль невзгод,
Нам сердце жаром обдает
Огонь ее румянца.

Любви не знавший дуралей
Достоин сожаленья.
Во взоре матери своей
Увидит он презренье.

Укором,
Позором
Мы заклеим того,
Кто не любил
В расцвете сил
На свете никого!

Пусть вы, сударыня, росли
Под кровом дедовским — вдали
От наших изб крестьянских,
Вам незнаком амбар и хлеб,
Зато вам по сердцу напев
Старинных лир шотландских.

Спасибо вам за ваш привет.
Горжусь таким союзом.
Благодарю за пестрый плед.
Я в нем приятней музам.

Простой наряд страны моей,
Он для меня дороже
Всех горностаев королей
И бархата вельможи.

Прощайте!
Не знайте
Ни горя, ни потерь.
Пусть ссоры,
Раздоры
Минуют вашу дверь!

МОЙ ПАРЕНЬ

Он чист душой, хорош собой,
Такого нет и в сказках.
Он ходит в шляпе голубой
И вышитых подвязках.

Ему я сердце отдала, —
Он будет верным другом.
Нет в мире лучше ремесла,
Чем резать землю плугом.

Придет он вечером домой,
Промокший и усталый.
— Переоденься, милый мой,
И ужинать пожалуй!

Я накормить его спешу.
Постель ему готова.
Сырую обувь посушу
Для друга дорогого.

Я много ездила вокруг,
Видала местных франтов,
Но лучше всех плясал мой друг
Под скрипки музыкантов.

Как снег, сияли белизной
Чулки из шерсти тонкой.
Вскружил башку он не одпой
Плясавшей с ним девчонке.

Уж с ним-то буду я сыта, —
Ведь я неприхотлива.
Была бы миска не пуста
Да в кружке было пиво!

СЧАСТЛИВАЯ ДРУЖБА

Беззаботны и свободны,
Мы собрались у огня.
Дружба полночью холодной
Вас пригрела и меня.

С каждым часом веселее
И дружнее тесный круг.
А когда мы захмелеем,
Нам опорой будет друг.

День и ночь трясется скряга
Над заветным сундуком,
И не знает он, бедняга,
Что с весельем незнаком.

В шелк и мех одет вельможа,
Но куда он нас бедней!
Даже совесть он не может,
Не солгав, назвать своей.

Кубок огненный друг другу
Мы всю ночь передаем.
И, пустив его по кругу,
Песню дружную поем.

В крепкой дружбе — наша сила.
Дружбе — слава и хвала.
Дружба кубок освятила
И сюда нас привела!

ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЁКО

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямогу и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.

Свободе — привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и взпоен
В снегах на утесе крутом!

СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ

Прикрытый лаврами разбой,
И сухопутный и морской
Не сто́ит славословья.
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бзю,
Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

ПОСЛАНИЕ К СОБРАТУ-ПОЭТУ

I

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь, —
Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.

Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы.

Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.
Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов.

II

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.

Но, Дэви, парень, что́ роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мы с горем
Поспорим.
Нам старость — нипочем!
Да и нужда —
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь, —
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.

Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.

Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть!

IV

Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.

На склонах
Зеленых
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

V

Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,
Ни многолистые тома,
Ни эти парки и дома,
Ни слава, ни уют.

Когда для счастья места нет,
Простора нет в груди,
Объехать можешь целый свет,
Но радости не жди.

Успехи,
Утехы
Не стоят ни гроша.
Ты прав или нет, —
Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

VI

Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
Песчастней тех господ,
Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас —
Простой, честной народ?

Людей людьми не признают
Хозяева палат.
Удел одних — тяжелый труд,
Удел других — разврат.

В безделье,
В похмелье
Они проводят дни.
Ни в райский сад,
Ни в чертов ад
Не веруют они.

VII

Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?
А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.

Пусть беда нам тяжела,
Но в ней ты узнаешь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.

Напасти,
Несчастья —
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

VIII

Собрать мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
(Чужда мне ложь и лесть!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
Таких не приобрести.

Они дают покой, уют,
Какого нет в раю.
Твою отраду «Мэг» зовут,
А «Джин» зовут мою.

Довольно
Невольно
Мне вспомнить имя Джин, —
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
Всего, чем я живу.

Когда тревоги терпкий яд
Мою сжигает грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
Чтоб силы мне вернуть.

В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград —
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.

Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.

Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где ты, моя
Любимая,
И Дэви, друг-поэт.

XI

Назвал я Джин — и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаюсь в строй,
Как будто Феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.

И пусть хромает мой Пегас,
Слегка его пришпорь, —
Пойдет он рысью, вскачь и в пляс,
Забыв и лень и хворь.

Но потное
Животное
Я должен пожалеть.
Пора в пути
С коня сойти
И пот с него стереть.

С О Н

Отрывок

За речи, мысли и дела карает нас закон,
Но не карает никого за вольнодумный сон

Прочитав в газетах оду поэта-лауреата и описание торжественного приема во дворце по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 года, автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает следующее приветствие.

Прошу, примите, государь,
Привет ко дню рожденья,
Как принимали вы и встарь
Поэтов поздравленья.
В кругу вельмож поэт-плугарь —
Престранное явленье.
Но, заглянув в свой календарь,
Спешу к вам в этот день я,
В столь славный день.

Сияют яркие огни.
Теснится знать в приемной.
И «Боже, короля храни!»
Твердят кукушки томно.
Стихами славит ваши дни
Поэтов хор наемный,
Припомнив доблести одни,
Не видя тени темной
В столь светлый день.

Но льстивых од я не припас,
Обычных в этом зале.
К тому ж я не в долгу у вас, —
Мне пенсий не давали.
Сказать могу я без прикрас
И ошибусь едва ли,
Что были хуже вас у нас
И лучшие бывали
В минувший день.

Пушай не звучно, не красно
Мое простое слово,
Но с правдой спорить мудрено.
Она всегда сурова.
Гнездо у вас разорено,
Его мы чиним снова,
А что в гнезде сохранено,
Есть только треть бывшего
На этот день.

Законодателя страны
Я не хочу бесславить,
Сказав, что вы не так умны,
Чтоб наш народ возглавить.
Но вы изволили чины
И званья предоставить
Шутам, что хлев мести должны,
А не страну править
В столь трудный день!

Вы дали мир нам наконец.
Мы чиним руки, поги.
Зато стригут нас, как овец,
Жестокие налоги.
Меня пахать учил отец,
Но я живу в тревоге,
Что я найду такой конец,
Как мой баран безрогий
В печальный день.

Подозревать я не могу
Ни в чем Вильяма Питта.
С баранов шерсть я сам стригу,
Он нас стрижет сердито,

Я знаю, вы кругом в долгу,
Расходы не покрыты.
Но черт возьми! Пусть сберегут
Хоть флот наш знаменитый
В столь грозный день.

Итак, прощайте. Долгих лет!
Пускай под вашей сенью
Мы видим вольности расцвет,
Конец растрат, хищенья.
Хотя на празднества поэт
Пришел без приглашенья, —
Он королеве шлет привет,
А также поздравленья
В столь славный день!..

**НАСЕКОМОМУ, КОТОРОЕ ПОЭТ УВИДЕЛ
НА ШЛЯПЕ НАРЯДНОЙ ДАМЫ
ВО ВРЕМЯ ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЫ**

Куда ты, низкое создание?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
 А высший свет —
Тебе не место: пропитанья
 Тебе здесь нет.

Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Несдобровать тебе, пролаза!
 Беги туда,
Где голод, холод и зараза
 Царят всегда.

Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,
 Где борона
Из гладкой кости или рога
 Вам не страшна!

А ежели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной, —
Тебе бы спрятаться, негодной,
 В шелка, в цветы...
Но нет, на купол шляпки модной
 Залезла ты!

На всех вокруг ты смотришь смело,
Как будто ты — крыжовник спелый,
Уже слегка порозовелый.

Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет!

И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.

О, как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят...

Ах, если б у себя могли мы
Увидеть все, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо

Со стороны, —
О, как мы стали бы терпимы
И как скромны!

ТЭМ ГЛЕН

Ах, тетя, совета прошу я!
Пропала, попала я в плен.
Обидеть родню не хочу я,
Но всех мне милее Тэм Глен.

С таким молодцом мне не надо
Бояться судьбы перемен.
Я буду и бедности рада, —
Лишь был бы со мною Тэм Глен.

Наш лорд мне кивает: «Плутовка!..»
Ну что тебе, старый ты хрен?
Небось ты не спляшешь так ловко,
Как пляшет под скрипки Тэм Глен.

Мне мать говорила сердито:
— Мужских опасайся измен.
Повесе скорей откажи ты! —
Но разве изменит Тэм Глен?

Сулит за отказ мне сто марок
Отец, да не знает он цен!
Сто марок — богатый подарок,
Но много дороже Тэм Глен!

Я в день Валентина гадала.
О, как же мой жребий блажен!
Три раза я жребий кидала,
И вышло три раза: Тэм Глен.

Под праздник осенний я тоже
Гадала. И вижу: вдоль стен
Идет — до чего же похожий! —
В штанах своих серых Тэм Глен.

Кто ж, тетя, возьмет меня замуж?
Ты мне погадай, а взамен
Я черную курицу дам уж, —
Но только скажи, что Тэм Глен!

КОГДА КОНЧАЛСЯ СЕНОКОС

Когда кончался сенокос,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной,

Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела, —
В тепи, в загоне для коров
Беседа медленная шла.

Сказала Бесси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
— Идти я замуж собралась.
— Ну что ж, худого в этом нет.

Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать — время есть —
Себе усадьбу хоть куда!

Взяла бы Джона ты в мужья
Из Баски-Глена. Парень — клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.

— Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон, —
Зачем любить ему жену!

Мне Рббин по сердцу давно,
И знаю, — я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глен бы отдала!

— Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью — путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильнее руки пустой.

Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сваришь мед,
Такой и будешь пить сама!

— О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!

Пусть мой удел — убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлеб, —
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.

В ЯЧМЕННОМ ПОЛЕ

Так хороши пшеница, рожь
Во дни уборки ранней.
А как ячмень у нас хорош,
Где был я с милой Анни.

Под первый августовский день
Спешил я на свиданье.
Шумела рожь, шуршал ячмень.
Я шел навстречу Анни.

Вечерней поздней порой —
Иль очень ранней, что ли? —
Я убедил ее со мной
Побывать в ячменном поле.

Над нами свод был голубой,
Колосья нас кололи.
Я усадил перед собой
Ее в ячменном поле.

В одно слились у нас сердца.
Одной мы жили волей.
И целовал я без конца
Ее в ячменном поле.

Кольцо моих сплетенных рук
Я крепко сжал — до боли
И слышал сердцем сердца стук
В ту ночь в ячменном поле.

С тех пор я рад бывал друзьям,
Пирушке с буйным шумом,
Порою рад бывал деньгам
И одиноким думам.

Но все, что пережито мной,
Не стоит сотой доли
Минуты радостной одной
В ту ночь в ячменном поле!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ

Моя любовь давно минувших лет,
Твой милый голос в сердце не умолк.
Прими же дружбы искренний привет.
Да, дружбы, — лишь ее нам разрешает долг.

Когда получишь этот скромный дар,
Вздохни разок, подумав обо мне —
О том, кого томит в краю полдневном жар
Иль океан таит в холодной глубине.

ЦВЕТОК ДЭВОНА

О как ты прозрачен, извилистый Дэвоп,
Кусты осеняют цветущий твой дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Дэвоп.
У берега Эйра когда-то расцвел.

Солнце, щади этот нежный, без терний,
Алый цветок, напоенный росой.
Пусть из подкравшейся тучи вечерней
Бережно падает ливень косой.

Мимо лети, седокрылый восточный
Ветер, ведущий весенний рассвет.
Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет.

Лилией стройной гордятся Бурбоны,
В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди рощи зеленой
Где-то у Дэвона скромно цветет,

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Прощусь, Элиза, я с тобой
Для дальних, чуждых стран.
Мою судьбу с твоей судьбой
Разделит океан.

Пусть нам в разлуке до конца
Томиться суждено, —
Не разлучаются сердца,
Что спаяны в одно!

Оставлю я в родной стране
Тебя, мой лучший клад.
И тайный голос шепчет мне:
Я не вернусь назад.

Последнее пожатье рук
Я унесу с собой.
Тебе — последний сердца стук
И вздох последний мой.

МОЕМУ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
Боясь упрека
Или неправого суда
Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
Любви награда,
Хоть ты, по мнению всех церквей, —
Исчадье ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
Дурные слухи, —
Должны от скуки языком
Молоть старухи!

И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
И суд церковный. —
В твоём рожденье виноват
Я безусловно.

Ты — память счастья юных лет.
Увы, к нему потеряи след.
Не так явилась ты на свет,
Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
Отцы когда-то.

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
Нельзя, конечно!

ЛЮБОВЬ И БЕДНОСТЬ

Любовь и бедность навсегда
Меня поймали в сети.
Но мне и бедность не беда,
Не будь любви на свете.

Зачем разлучница-судьба —
Всегда любви помеха?
И почему любовь — раба
Достатка и успеха?

Богатство, честь в конце концов
Приносят мало счастья.
И жаль мне трусов и глупцов,
Что их покорны власти.

Твои глаза горят в ответ,
Когда теряю ум я,
А на устах твоих совет —
Хранить благоразумье.

Но как же мне его хранить,
Когда с тобой мы рядом?
Но как же мне его хранить,
С тобой встречаясь взглядом?

На свете счастлив тот бедняк
С его простой любовью,
Кто не завидует никак
Богатому сословью.

Ах, почему жестокий рок —
Всегда любви помеха
И не цветет любви цветок
Без славы и успеха?

ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится — такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жепу молодую.
В худую минуту я встретила с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэtti —
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!

СВАТОВСТВО ДУНКАНА ГРЭЙ

Дункан Грэй давно влюблен,
И в ночь под рождество
К нам свататься приехал он...
Вот это сватовство!

Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!

Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэргги будто бы глуха —
Не слышит ничего.

Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!

Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила —
Вот это сватовство!

— Я, — говорит, — не так уж глуп,
Чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! —
Ха-ха! Вот сватовство!

А Мэгги кличет докторов,
Вот это сватовство!
Она больна, а он здоров.
Вот это сватовство!

Что злой педуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!

Был добрый парень — Дункан Грэй.
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!

Не мог он грех на совесть взять —
Лишить любимой дочки мать.
Он едет свататься опять...
Вот это — сватовство!

МОЛИТВА СВЯТОШИ ВИЛЛИ

О ты, не знающий преград!
Ты плешь своих любезных чад —
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.

Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.

Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет —
С тех пор как заслужил проклятье
Наш грешный дед.

Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог послать меня налево —
В кромешный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.

Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
 Караю грех
И благочестия примером
 Служу для всех.

Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потребителя хмельного,
 И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
 Подняв галдеж.

Но умоляю провиденье
Простить мои мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вожденья
 Терзают плоть.
Ведь нас из праха в десть творенья
 Создал господь!

Вчера я вышел на дорогу
И встретил Мзгги-недогрогу.
Клянусь всевидящему богу,
 Обет приму,
Что на нее я больше ногу
 Не подниму!

Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицей,
 Гостил тайком.
Но я в тот день, как говорится,
 Был под хмельком.

Но, может, страсти плоти брешной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
 Жить без грехов.
О, если так, я их смиренно
 Терпеть готов!

Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
Кто без конца
Дает нам клочки, строит рожи,
Забыв творца.

К таким причислить многих можно.
Вот Гамильтон — шутник безбожный.
Пристрастен он к игре картежной,
Но всем так мил,
Что много душ на путь свой ложный
Он совратил.

Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
С толпой друзей, —
Господь, сгноив его картошку
И сельдерей!

Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)
Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас нелестно
В своих речах!

Вот Эйкен. Он — речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
Нешадно бьет,
Что в жар и в холод нас бросало,
Вгоняло в пот.

Для нас же — чад твоих смиренных —
Ты не жалея своих бесценных
Даров — и тленных и нетленных,
Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
Прими. Аминь!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ЕМУ ЖЕ

Святого Вилли жалкий прах
Покойся в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел налево Вилли.

Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?

А, понимаю, — это черт
С девятихвостой плеткой.
— Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?

Я знаю, жалость вам чужда.
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минув день прощенный...

Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?
Покойник был такой дурак,
Что засмеют вас черти!

* * *

Со скрипкой черт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного,
И все кричали: — В добрый час!
Он не вернется сызнова!

Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, черт, любезный черт, —
К нам не придет акцизный!

Есть пляски разные у нас
В горах моей отчины,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Мой друг — лукавый, ловкий вор,
Не воровал ты до сих пор.
Зато сердца твой быстрый взор
 Умеет красть.
Перед тобой любой затвор
 Готов упасть.

И сам я устоять не мог.
Не раз к тебе, не чуя ног,
Шагал я по камням дорог
 И грязь месил,
И ровно двадцать пар сапог
 Я износил.

Ты создан был природой шалою
Из дорогого матерьяла.
Она тобою увенчала
 Наш скудный век
И каждой черточкой сказала:
 — Вот человек!

Сейчас я в творческом припадке,
Башка варит, и все в порядке.
Строчу стихи, как в лихорадке,
 А ты, мой друг,
Прочти их бегло, если краткий
 Найдешь досуг.

Одни рифмуют из расчета,
Другие, чтоб задеть кого-то,
А третьи тщетно ждут почета
 И громкой славы,
Но мне писать пришла охота
 Так, для забавы.

Я обойден судьбой суровой.
Кафтан достался мне дешевый,
Убогий дом, доход грошовый,
Я весь в долгу,
Зато игрой ума простого
Блеснуть могу.

Поставил ставку я задорно
На четкий, черный шрифт наборный,
Но разум мне твердит упорно:
— Куда спешишь?
Ты этой страстью стихотворной
Всех насмешишь!

Поэты, — где такие ныне? —
Собаку съевшие в латыни,
Мечтали, полные гордыни,
Жить сотни лет,
Но их давно уж нет в помине, —
Простыл и след.

Итак, пора мечту оставить
Себя поэзией прославить.
Косу и серп я буду править,
Налажу плуг
И буду петь, чтоб позабавить
Поля вокруг.

Я проживу безвестной тенью,
Не слыша, как бегут мгновенья.
Когда ж порвутся жизни звенья, —
Покину свет,
Как и другие поколенья,
Которых нет.

Но говорить о смерти рано.
Полны мы жизнью неустанной.
Давай поднимем парус рваный,
Возьмем штурвал,
Чтоб ветер счастья пеной пьяной
Нас обдавал.

Мой друг, живем мы в царстве феи,
Где смех — оружие чародея.
Коль, этой палочкой владея,
Отдашь приказ,
Часы бегут минут быстрее,
Пускайся в пляс.

Не трать же время жизни краткой!
Примерно с пятого десятка
Мы вниз с горы походкой шаткой
Трусить должны,
Одышкой, кашлем, лихорадкой
Изнурены.

Когда достигли мы заката,
Бродить, мечтать нам скучновато.
Вино слабее, чем когда-то,
Бьет через край.
И то, чем жизнь была богата, —
Любовь, — прощай!

Но жизнь безоблачна вначале,
Мечта лучами красит дали.
Летим, не слушая морали,
Мы на простор,
Как мальчишки, что побежали
На школьный двор.

Мы на ходу срываем розы,
Не замечая в них угрозы.
И даже первые занозы
Нам не страшны.
Мгновенно солнце сушит слезы
Во дни весны.

Одни идут дорогой гладкой
И, не трудясь в поту над грядкой,
Едят обильно, жирно, сладко
И свысока
Глядят на дом с оградой шаткой —
Дом бедняка.

Другие борются за счастье,
Полны надежды, воли, страсти,
Стремясь достичь богатства, власти
Любой ценой,
Чтобы потом, забыв ненастье,
Вкушать покой.

А третьи, путь покинув торный
(Как, скажем, ваш слуга покорный),
Сбиваются с тропинки горной
Туда-сюда.
Таким на склоне лет бесспорно
Грозит нужда.

Но лучше труд до изнуренья,
Чем с жалкой жизнью примиренье.
Пусть смотрит с неба бледной тенью
Фортуны серп,
Не помешает вдохновенью
Ее ущерб.

Но здесь перо я оставляю
И провиденье умоляю,
Пред ним колени преклоняя:
Пускай со мной
Кочует вместе в край из края
Созвучий рой.

Дай сочный ростбиф местным лордам,
Чтоб жир по их струился мордам,
Дай галуны гвардейцам гордым
И боевым,
А виски — на ногах нетвердым
Мастеровым.

Дай Демпстеру¹ желанный титул,
Подвязку дай премьеру Питту...
Стремится к прибыли, кредиту
Негоциант.
А мне лишь разум сохрани ты,
Да и талант.

¹ Член парламента.

Мне для покоя нужно мало:
Чтобы здоровье не хромало.
Ну и обед какой попало,
Простой на вкус,
Но чтоб молитву прочитала
Одна из муз.

Мне не страшны судьбы угрозы,
Непастье, стужа и морозы.
Гоню я рифмой вздохи, слезы,
Пою, шучу
И, враг заботы, скуки, прозы,
Стихи строчу.

Вы, что по правилам живете
В тиши, в довольстве и в почете,
Пускай безумным вы зовете
Меня подчас,
Вода стоячая в болоте —
Душа у вас.

На ваших лицах деревянных,
Таких безличных, безымянных,
Нет и следа восторгов пьяных.
Ваш голос глух.
Оя, как басы в плохих органах,
Томит наш слух.

Ступая важно и степенно,
На тех вы смотрите надменно,
Которым море по колено, —
На грешный люд, —
И ввысь взираете блаженно.
Там — ваш приют!

А я куда пойду — не знаю,
К воротам ада или рая.
Но, эту песню обрывая,
Скажу я, брат,
Что буду я любому краю
С тобою рад!

ТЭМ О'ШЕНТЕР

Повесть в стихах

Когда на город ляжет тень,
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Страхнуть ярмо дневных забот, —

Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.

Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.

А город, где он нализался —
Старинный Эйр, — ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.

О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги — мудрой Кэtti.
А ведь она была права...
Припомни, Тэм, ее слова:

«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь непароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...

Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед — сапожник Джон —
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валялись оба!

Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.
Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!

Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.

Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!

Но счастье — точно маков цвет:
Сорвешь цветок — его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черед,
И Тьм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!

Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала,
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.

Но поворот за поворотом —
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он неся вдаль, взметая грязь.

То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему...

Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов,

Невдалеке — знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.

Здесь у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.

Там — под поникшею раkitой —
Младенец найден был зарытый.

А дальше — тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...

Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,
Оживлено твоё чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам черт не брат!
А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чертовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.

И не кадрили они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волюнкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.

Все веселей внизу плясали,
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.

Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.

Тут были крошечные дети,
Что мало прожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины...

Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала...
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.

Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы все быстрее,
Неслись вприпрыжку и вприскок,
Гуском, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.

Будь эти пляшущие тетки
Румянощечки красотки,
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно,—
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.

А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!

Но Тэм внезапно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела:
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)

Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.

Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...

Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижен, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.

По вот прыжок, еще прыжок —
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжко:
«Ах ты, короткая рубашка!..»
И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...

Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...

Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как посится пернатых стая,
От лап кошачьих улета,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!»

Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...

О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена —
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле, —
Ее бока в поту и в мыле,

О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост:
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда Короткая Рубашка,
Вдруг вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста!..

В последний раз, собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост...

Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!..

На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас

Прельстится полною баклажкой
Или Короткою Рубашкой, —

Пускай припомнит град, и снег,
И старую кобылу Мэг!..

ПЕСНЯ

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

НОЧЛЕГ В ПУТИ

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огни.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два ртих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как рта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

Что видят люди в городке,
Закутанном в закатный свет?
Сияет солнце в городке
Для той, кому соперниц нет.

С лучом прощаясь на ходу,
Она идет в зеленый сад.
Цветок, раскрывшийся в саду,
Ее прощальный ловит взгляд.

Как рады птицы вместе с ней
Встречать приветом юный год.
При ней свежее и милей
Ее сестры — весны приход.

Мигает солнце городку
И свежей зелени долин.
Но в этом славном городке
Нет никого прекрасней Джин.

Без милой Джинни нет цветов,
Без милой Джинни рай — не рай,
А с нею вместе я готов
Перенестись в Лапландский край.

В пещере с ней найду приют,
Согласен жить в поре любой.
Там, где метели воздух рвут,
Я заслону ее собой.

Над городком пробыв часы,
Уходит вниз багряный шар...
Но никогда такой красы
Не озарял его пожар!..

БЕРЕЗЫ ЭБЕРФЭЛЬДИ

Не пойдешь ли, милый друг,
Милый друг, милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфельди?

Холмы, смеясь, уходят вдаль.
Ручей играет, как хрусталь.
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди.

Там птицы пестрые поют,
Найдя в орешнике приют,
Или на крылышках снуют
В зеленом Эберфельди.

Струясь вдоль каменной стены,
Вода несется с вышины,
И роши свежести полны
В зеленом Эберфельди.

Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь, в полдневный зной
Березы Эберфельди.

Пусть судьба дарит свой клад
Кому захочет — паугад,
Тебе одной я буду рад
В зеленом Эберфельди!

★ ★ ★

Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?
Поедем верхом иль в карете вдвоем,
А то и пешком по дорогам пойдем.

Отца твоего мне не нужен доход.
На что мне твой гордый и чопорный род?
Делить и нужду и достаток со мной
Приди ко мне, Тибби, в юбочке одной.

БОСАЯ ДЕВУШКА

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.

Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас!

Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.

Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если му́ка суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, —
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

ПРОЩАНИЕ

Кто доблестен, тот может ли страдать,
Или, вернее, замечать страдания?
Но если он умножит жизнь свою,
Включив другие дорогие жизни —
Судьбу любимой крупной красоты,
Судьбу детей беспомощных, чье счастье
Зависит от него, — увы, тогда
Почувствовать он должен неизбежно
Запову, разрывающую сердце
Его судьба испуганно заплачет...
Так и со мной случилось Я погиб.

Томсон. «Эдвард и Элеонора»

Моя Шотландия, прощай!
Милей мне твой туманный край
Садов богатых юга.
Прощай, родимая семья —
Сестра, и брат, и мать моя,
И скорбная подруга!

С тоской тебя я обниму,
Малютка дорогая.
Тебя я брату своему
С надеждой поручаю.

И ты, мой
Любимый
Товарищ юных дней,
Участьем
В ненастье
Семью мою согрей!

А ты, подруга, не грусти.
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод, и позор,
И суд молвы жестокий.

Друзья, на дальнем берегу
В томительном изгнание
Я благодарно сберегу
О вас воспоминаше.

Грохочет,
Пророчит
Бушующий простор:
Мне крова
Родного
Не видеть с этих пор!

**К ПОРТРЕТУ РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА,
ШОТЛАНДСКОГО ПОЭТА**

Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.

Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?

**О ПАМЯТНИКЕ,
ВОЗДВИГНУТОМ БЕРЕСОМ
НА МОГИЛЕ ПОЭТА
РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА**

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой порт!

НАДПИСЬ НА БАНКОВОМ БИЛЕТЕ

Будь проклят, дьявольский листок!
Ты был всегда ко мне жесток.
Ты разлучил меня с подружкой
И за столом обносишь кружкой.
Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд
И плешь искать земли и крова
Вдали от берега родного.

Не раз я видел, как злодей
Над жертвой тешился своей.
Давным-давно единым махом
Я гордеца смешал бы с прахом,
И только твой надежный щит
Его от мщения хранит.
А без тебя, нуждой гонимый,
Я покидаю край родимый.

* * *

Всю землю тьмой заволокло.
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам — луна,
А солнце — чарочка вина.

Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Богатым — праздник целый год.
В труде, в нужде живет народ.
Но здесь равны и знать и голь:
Кто пьян, тот сам себе король!

Неси нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Святой источник — мой стакан:
Он лечит от сердечных ран.
Ловлю я радости в вине,
Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

Гаммата

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И поворожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.
Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.

Не помня горя и забот,
Ласкал он побирешку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.

И чокались
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затянул солдат.

П Е С Н Я

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку, —
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан!

Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя миляшка,
Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян, —
Выпью кружку и другую, поцелую дорогу
И пойду на всех чертей под барабан!

Р Е Ч И Т А Т И В

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.

Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

ПЕСНЯ

Девницей была я, — не помню когда, —
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!

Был первый мой друг весельчак и буйан.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.

Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал, — в том любовь виновата, —
Я же телом своим. И ушла от солдата.

Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком —
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.

После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир — на заплате заплата.
То-то рада была я увидеть солдата!

Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, — за солдата!

РЕЧИТАТИВ

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирая он, что поют,
И только пил ее здоровье.

Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

ПЕСНЯ

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравнится неопытный шут
Со мной — дураком по профессии!

Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух — до старости олух.

Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я подросток — и бочонок подросток
И стал здоровенною бочкой!

За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.

Я — клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате,
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливого соперника в палате!

А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак —
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя — и бесплатно — дурак,
Тот очень немногочего стоит!..

РЕЧИТАТИВ

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце,
Но утопить никак не мог, —
Сам сатана ее берег.

В былые дни — во время оно —
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

ПЕСНЯ

Мой Джон — дитя шотландских скал —
Закон долины презирал.
Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

Он был как щеголь разодет —
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой статный горец, храбрый Джон.

От речки Твид до речки Спей
С ватагой буйною своей
Мы кочевали — я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.

Но присудил его судья
К изгнанию в дальние края.
Зазеленел весною клен, —
И вновь ко мне вернулся Джон.

В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!

И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, Джон...

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

— За Джона! — гаркнул пьяный хор. —
Он был красой Шотландских гор!..

РЕЧИТАТИВ

Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
Он обнимал.

Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом,
Запел он голосом пискливым
Мотив такой.

ПЕСНЯ

Позволь слезу твою смахнуть,
Моей возлюбленной будь
И все прошедшее забудь.
Плевать на остальное!

Житье на свете скрипачу —
Иду-бреду, куда хочу,
Так не живется богачу.
Плевать на остальное!

Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют, —
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!

Мы будем корки грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»

Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь, —
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!

РЕЧИТАТИВ

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью, —
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдовье.

Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.

Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...

Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

МЕСНЯ

Я, ваша честь,
Паяю жечь.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ
Душою ниц,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

РЕЧИТАТИВ

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.

Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.

Ее супруг — по ремеслу
Порт, певец природы —
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Порт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.

Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
И пел он, что поет душа...
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

ПЕСНЯ

Я — лишь порт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.

И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И все такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, —
Великий грех и прочее!

Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

РЕЧИТАТИВ

Поэт окончил — и кругом
Рукоплесканий грянул гром,
И каждый нес на бочку
Все, что отдать хозяйке мог, —
Медяк, запрятанный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.

Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.

Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

ПЕСНЯ

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.

Вам, милорд, в свей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Жизнь — в движенье бесконечном:
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!

БЕСПУТНЫЙ, БУЙНЫЙ ВИЛЛИ

Беспутный, буйный Вилли
Поехал на базар.
Продать хотел он скрипку,
Купить другой товар.

Но, скрипку продавая,
Заплакал он над ней.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись домой скорей!

— Продай свою скрипку, Вилли.
Продай и смычок, старина.
Продай свою скрипку, Вилли,
И выставь нам пинту вина.

— Ах, если бы продал я скрипку,
Безумным меня бы сочли.
Не раз мы счастливое время
Со скрипкой моей провели!

Вот еду через город,
Гляжу — трактир открыт.
Беспутный, буйный Вилли
За стойкою сидит.

Сидит за стойкой Вилли
В компании друзей.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись ко мне скорей!

СТАРЫЙ РОБ МОРРИС

Вот старый Роб Моррис. А кто он таков?
Король за столом, старшина стариков.
Он славится стадом коров и свиней
И дочкой — отрадой своей и моей.

Прекрасней, чем утро в сиянии рос,
Свежей, чем закат на лугах в сенокос,
Она, как ягненок, резва и нежна.
Мне света дневного дороже она.

Но садом и стадом отец ее горд.
В усадьбе живет он не хуже, чем лорд.
У нас же с отцом только домик и двор.
Немногого стóбит такой ухажёр.

Забрезжит ли утро, — не мил мне рассвет.
Настанет ли вечер, — покоя мне нет.
Смертельную рану от всех я таю,
И жалобы грудь разрывают мою.

Была бы невеста чуть-чуть победней,
Я мог бы, пожалуй, посвататься к ней.
Как жадно я ждал бы заветного дня.
А жить без надежды нет сил у меня!

ПЕСНИ

Как слепы и суровы
Порой отец и мать,
Что дочь свою готовы
Богатому продать.

И дочь, гонимая отцом,
Изнурена борьбой,
Должна покинуть отчий дом
И стать женой-рабой.

Так сокол над голубкой
Без усталости кружит.
Своей добычи хрупкой
Злодей не пощадит.

Бедняжка мечется, пока,
Отчаянья полна,
К ногам жестокого стрелка
Не бросится она.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Он меня поцеловал
И ушел по склонам гор.
На уступы серых скал
Все гляжу я с этих пор.

Пощади его в пути,
Дробный дождь, трескучий град.
Горных троп не замети
На вершинах, снегопад!

В бледном сумраке ночном
Не кружись, метель, над ним —
Пусть он спит спокойным сном
И проснется невредим.

Пусть меня он назовет
И в долину кинет взгляд,
Путь ведет его вперед,
А любовь зовет назад.

ЛОРД ГРЕГОРИ

Баллада

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих.
Лорд Грегори, открой.

Я не могу вернуться вновь
Домой, к семье своей,
И если спит в тебе любовь,
Меня хоть пожалей.

Припомни лес на склоне гор,
Где волю я дала
Любви, с которой долгий спор
В душе своей вела.

Ты небом клялся мне не раз,
Что будешь ты моим,
Что договор, связавший нас,
Навеки нерушим.

Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня!

О небо, смерть мне подари.
Я вечным сном усну
У двери лорда Грегори,
Простив его вину.

Роскошен, леди, ваш убор,
Шелками вышит ваш узор,
А Дженни в юбочке простой
И без шелков пленяет взор.

Милорд спешит в поля, в леса,
Не взяв ни сокола, ни пса.
Не лань он ищет день и ночь,
А Дженни, фермерскую дочь.

Миледи так нежна, бела,
Но не она ему мила,
Не знатный род ее, не честь,
А то, что дал за нею тесть.

Где перепелка меж болот
Сквозь вереск выводок ведет,
Там девушка живет в тиши,
Цветок, раскрывшийся в глуши.

Две стройных ножки поутру
Скользят по мшистому ковру,
И смех играет, как алмаз,
В зрачках задорных синих глаз.

Осанка леди и наряд —
Образчик вкуса, говорят.
Но та сулит нам рой утех,
Кого мы любим больше всех.

ГДЕ В МОРЮ КАТИТСЯ РЕКА

Где к морю катится река,
Быстра, бурлива и звонка,
Там я встречала паренька,
Веселого ткача.

Семь женихов из-за реки
Пришли просить моей руки.
Не рвать же сердце на куски, —
Отдам его ткачу!

Меня бранят отец и мать,
Им по душе богатый зять.
Они велят мне отказать
Веселому ткачу.

Отец мой жаден и упрям,
Грозит: «Приданого не дам!»
Но к сердцу руку я придам —
И все отдам ткачу.

Пока вода в реке бежит,
Пока пчела в цветке жужжит
И рожь под ливнями дрожит,
Любовь моя — ткачу!

* * *

Стакан вина и честный друг.
Чего ж еще нам, братцы?
Пускай забота и недуг
В грядущей тьме таятся,

Мы ловим радости в пути, —
Пугливо наше счастье.
Оно исчезнет — и найти
Его не в нашей власти.

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Из всех ветров, какие есть,
Мне западный милей.
Он о тебе приносит весть,
О девушке моей.

Леса шумят, ручьи журчат
В тиши твоих долин.
И, как ручьи, мечты мои
К тебе стремятся, Джин.

Тебя напоминает мне
В полях цветов любовь.
И лес в вечерней тишине
Заворожен тобой.

Бубенчик ландыша в росе,
Да и не он один,
А все цветы и птицы все
Поют о милой Джин.

На Клайд-реке богат, хорош
У девушек наряд,
Но лучше Джинни ты найдешь
Красавицу навряд.

Девиц мы знаем городских,
Одетых в шелк, муслин.
Но всех прекрасней шеголих
В холщовом платье Джин.

Она милей и веселей
Ягненка на лугу.
И никаких грехов за ней
Признать я не могу.

Ее глаза яснее дня,
А грех ее один:
С такою щедростью меня
Дарит любовью Джин!

О ветер западный, повеи,
Зашелести листвою.
Пусть нагруженная с полей
Летит пчела домой.

Мою любовь ко мне верни
С холмов твоих, равнин.
Улыбкой пасмурные дни
Мне озаряет Джин.

Какие клятвы без числа
Соединили нас,
Как нам разлука тяжела
Была в рассветный час!

Кто знает души всех людей
До самых их глубин, —
Тот видит, что всего милей
Мне в этом мире Джин!

ИЗ ПОЭМЫ «СВЯТАЯ ЯРМАРКА»

Был день воскресный так хорош.
Все было лету радо.
Я шел в поля взглянуть на рожь
И подышать прохладой.

Большое солнце в этот миг
Вставало, как с постели.
Резвились зайцы — прыг да прыг —
И жаворонки пели
В тот ясный день.

Бродил я, радостью дыша
И вглядываясь в дали,
Как вдруг три женщины, спеша,
Мне путь перебежали.

На двух был черный шерстяной
Наряд — назло природе.
На третьей был наряд цветной
По моде, по погоде
В тот летний день.

Две первых были меж собой,
Как близнецы, похожи
Унылым видом, худобой
И мрачною одежей.

А третья козочкой шальной
Попрыгивала весело
И вдруг присела предо мной
И мне поклон отвесила
В тот яркий день.

Я шляпу снял и произнес:
— Я вас припоминаю,
Но извините за вопрос, —
Как звать вас, я не знаю.

С кивком задорным головы,
Смеясь, она сказала:
— Со мною заповедей вы
Нарушили немало
В досужий день!

Я — ваша Радость, я — Игра,
А это — Лицемерье,
И рядом с ней — ее сестра,
Глухое Суеверье.

Давайте в Мóхлин мы пойдем
И, если две сестрицы
Идут на ярмарку, найдем
Предлог повеселиться
Мы в этот день.

— Нет, я пойду сперва домой
И праздничную смену —
Сюртук и новый галстук мой —
Для ярмарки надену.

Поспел я к завтраку как раз,
Надел костюм воскресный.
А уж на праздник в этот час
Спешил народ окрестный
В тот шумный день.

Трусили фермеры верхом,
Шли батраки оравой.
И молодежь одним прыжком
Брала в пути канавы.

Бежали в праздничных шелках
Девиды-босоножки,
Несли сыры они в руках
И сдобные лепешки
В тот добрый день.

Монетку бросить был я рад
В тарелку с медью мелкою,
Но, уловив святоши взгляд,
Бросаю две в тарелку я.

Я в загородку заглянул.
Народ шумит, хлопочет,
Несет скамейку, доску, стул,
А кто и лясы точит
В свободный день.

Для знати выстроен навес
(Изменчива погода!).
А вот стоит вертушка Джесс,
Мигая всем у входа.

Ее подружки сели в ряд, —
Без них какая ярмарка!
А там ткачи сидят, галдят
(Из города Кильмáрнока).
Пришел их день!

Здесь кто вздыхает о грехах,
Кто в гневе шлет проклятья
Тем, кто измазал впопыхах
Их праздничные платья.

Кто сверху смотрит на других
Высокомерным взглядом,
А кто веселых щеголих
Зовет усестся рядом
В привольный день.

Но бесконечно счастлив тот,
Кто, отыскав два места,
Местечко рядышком займет
С подругой иль невестой.

Глядишь, рука его легла
За ней — на спинку стула,
Потом ей шею обняла,
А там на грудь скользнула
В тот чудный день.

Уселась публика и ждет.
Ни суеты, ни шума.
Вот Моди¹ речь держать идет,
Унылый и угрюмый.

Он целый час пугает нас
Десницею господнею.
Сам дьявол от его гримас
Сбежал бы в преисподнюю
В столь грозный день.

Толкуя нам один, другой
И третий тезис веры,
Он гневно топает ногой,
Волнуясь свыше меры.

Распутника и гордеца
Громит курносый пастырь
И жжет отступников сердца,
Как самый жгучий пластырь,
В тот страшный день.

Но вот встают сердито с мест
Земные наши судьи.
И впрямь, — кому не надоест
Такое словоблудье!

Речь произносит мистер Смит²,
Но люд благочестивый,
Уже не слушая, спешит
К холодным бочкам пива
В столь жаркий день...

¹ Моди — местный священник.

² Смит — имя местного священника.

* * *

Жена верна мне одному,
И сам я верен ей зато.
Не ставлю рожек никому,
И мне не ставит их никто.

Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что у меня взаймы возьмешь?
И я не брал ни у кого.

Я не хозяин никому,
И никому я не слуга.
А если в руки меч возьму,
Я отобью удар врага.

Так и живу день изо дня,
Тоской, заботой не томим.
Другим нет дела до меня,
И я не кланяюсь другим.

ЗИМА ПРОНЕСЛАСЬ

Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне
С тех пор, как любовь разлюбила меня.

Шиповник расцвел для проснувшихся пчел.
Поют коноплянки в честь вешнего дня.
Ех в гнездышке двое, сердца их в покое.
Моя же любовь разлюбила меня.

Был я рад, когда гребень вытачивал,
Был я рад, когда ложку долбил
И когда по котлу поколачивал,
А потом свою Кэрти любил.

И, бывало, под стук молоточка
Целый день я свищу и пою.
А едва только спустится ночка,
Обнимаю подругу мою.

Бес велел мне на Бэсси жениться,
Погубившей веселье мое...
Пусть всегда будет счастлива птица,
Что щебечет над прахом ее!

Ты вернись ко мне, милая Кэрти.
Буду волен и весел я вновь.
Что милей человеку на свете,
Чем свобода, покой и любовь?

НЭНСИ

— Мужек, не спорь со мной,
Не сердись напрасно,
Стала я твоей женой —
Не рабой безгласной!

— Признаю права твои,
Нэнси, Нэнси,
Ну, а кто ж глава семьи,
Дорогая Нэнси?

— Если ты мой властелин,
Подыму восстанье.
Будешь властвовать один, —
С тем и до свиданья!

— Жаль расстаться мне с тобой,
Нэнси, Нэнси,
Но смирюсь я пред судьбой,
Дорогая Нэнси!

— Погоди, дождешься дня:
Лягу я в могилу.
Но, оставшись без меня,
Что ты скажешь, милый?

— Небо в помощь призову,
Нэнси, Нэнси,
И авось переживу,
Дорогая Нэнси!

— Но и мертвая не дам
И тебе покоя.
Страшный призрак по ночам
Будет пред тобою!

— Я жену себе найду
Вроде Нэнси, Нэнси —
И все призраки в аду
Затрепещут, Нэнси!

СМЕРТЬ И ДОКТОР ГОРНБУК

Иные книги лгут нам сплошь.
А есть неписаная ложь.
Ты и священников найдешь,
 Что правду божью,
Впадая от восторга в дрожь,
 Мешают с ложью.

Но в том, о чем я речь веду,
От правды я не отойду,
Как в том, что черт живет в аду
 Иль в недрах Дублина.
(Ах, много — людям на беду —
 Им душ загублено!)

Хлебнул я браги вечером,
Но не был пьян, а под хмельком.
Я обходил, бредя пешком,
 Бугры, канавы
И знал, что куст манит кивком,
 А не лукавый.

Холмистый Кáмнок я узнал,
Едва лишь месяц заблистал.
Его рога считать я стал,
 Шагая шире.
Сначала три я насчитал,
 Потом — четыре...

Вослед за верным посошком
По склону я трусил шажком —
Мне путь был издавна знаком
К запруде Вилли.
Но вдруг, сорвавшись, я бегом
Бежал полмили.

Тут нечто предо мной предстало
С косою острою, чье жало
С плеча костлявого свисало
И с острогой,
Что сталью под луной сверкала,
В руке другой.

С косую сажень вышиною
Оно стояло предо мною,
Без брюха, страшное, худое,
Горбом спина,
А что за поги! Тоньше вдвое
Веретена.

Спросил я: — Друг! Узнать нельзя ли,
Должно быть, вы сегодня жали?
А мы ведь только сеять стали.
Я с вами рад
Вернуться в дом, где выпивали
Мы час назад!

— Я Смерть! — чудовище сказало, —
Но ты пока не бойся, малый!..
— Я не боюсь, хоть ты, пожалуй,
Меня убьешь.
Но я прошу: взгляни сначала
На этот пож!

Смерть отвечала мне: — Сынок,
Ты спрячь подальше свой клинок.
Подумай сам, какой в нем прок.
Его удары
Страшны не больше, чем плевков,
Для Смерти старой!

— Что ж, уговор — так уговор! —
Сказал я. — Бросим этот спор.
Присядь со мной на косогор —
Ведь ты устала —
И Расскажи, что с давних пор
Перевидала.

— О да! — сказала Смерть, садясь, —
Почти что вечность пронеслась
С тех пор, как жать я принялась
По воле божьей.
Всем в мире надо жить, трудясь.
И Смерти — тоже.

Но у меня не жизнь, а мука.
Ты слышал имя Горнбука?
Уж так хитра его наука,
Что стар и млад —
От деда дряхлого до внука —
Меня стыдят.

Бывало, под косою длинной,
Подобно травам луговины,
Народ, не знавший медицины,
Ложится сплошь...
Теперь меня с косою старинной
Не ставят в грош!

Вчера я жертву поразила
Своим копьём — с такою силой,
Что семерых бы уложила,
Пронзив, как гвоздь,
Но острее лишь притупила,
Задев о кость.

Что это, думаю, за штука?
А это — дело Горнбука!
Тут помогла его наука
Или искусство:
Копье в ребро вошло без стука —
Как бы в капусту.

Больной остался бы калекой,
Не помоги ему аптской
Или ланцетом лысый лекарь —
Ваш Горнбук.
Не раз он вырвал человека
Из цепких рук.

Он изгонял из тех заразу,
Кого и не видал ни разу,
Натужься по его приказу,
Заклей пакет,
А он понюхает и сразу
Пришлет ответ.

Есть у него, как в магазине,
Все то, что нужно медицине:
Набор ножей, spiritus vini¹,
Касторка, йод.
Он все лекарства по-латыни
Вам назовет.

Есть sal magnum — соль морская, —
Все кальции, какие знаю...
А разных трав любого края
Не перечеть.
И aqua (иль вода простая)!
Там тоже есть.

Есть и опилки, срезы, крошки
Клешни клеща, блошиной ножки
И усиков какой-то мошки,
Яд комара,
Настой желез сороконожки
Et cetera...²

Тут я воскликнул: — Бедный Джон!
Какой доход теряет он!
Коль вправду будет побежден
Любой недуг,
Кладбищенский зеленый склон
Изрежет плуг.

¹ Винный спирт (лат.).

² И так далее (лат.).

Смерть засмеялась: — Нет, не плуг
Изрежет этот мирный луг,
Которым твой владеет друг,
 А сто лопат
Все ваши кладбища вокруг
 Избороздят.

Где одного так любо-мило
В постели жизни я лишила,
Пустила кровь иль придушила
 Без долгих мук, —
Там двадцать душ загнал в могилу
 Ваш Горнбук.

Наш местный ткач — хороший малый —
Свою жену, что бредить стала,
Когда немножко захворала,
 Отвез к врачу,
И больше слова не сказала
 Она ткачу...

У парня заболел отец —
Богатый лэрд, и молодец
Послал отборных двух овец
 Врачу за средство,
Что принесет отцу конец,
 Ему — наследство.

Должно быть, от ночной простуды
Одной девчонке стало худо.
Врач сотворил над нею чудо:
 Его совет
Туда послал ее, откуда
 Возврата нет!

Таков у лекаря обычай.
За грош, не ведая приличий,
Морит людей он без различья
 День изо дня
И поровит моей добычи
 Лишить меня.

Пока терплю я поневоле.
Но разве он бессмертен, что ли?
Не избежит он общей доли.
Придет каюк —
И будет мертв, как сельдь в рассоле,
Ваш Горнбук!..

Еще бы Смерть сказала много,
Но вдруг, наполнив мир тревогой,
Часы пробили полночь строго
Из-за ветвей...
И я побрел своей дорогой,
А Смерть — своей.

Дружок мой пленен моим взором и станом.
Ему полюбились мой дом и родня.
Но, кажется, больше прельщен он приданым
И любит червонцы нежней, чем меня.

За яблочко яблоню любит мой милый,
Пчелу свою любит за будущий мед.
И так серебро его душу пленило,
Что в сердце местечка он мне не найдет.

Ему дорога не жена, а приплата.
Любовь для него — не любовь, а базар.
Хитер он, — и я уж не так простовата:
Пускай он попродае присмотрит товар!

Побегов не жди от прогнившего корня,
Зеленых ветвей — от сухого ствола.
Такая любовь ускользает проворней,
Чем тонкая, скользкая нить без узла!

НЕВЕСТА С ПРИДАНЫМ

Я пью за невесту с приданым,
Я пью за невесту с приданым,
Я пью за невесту с приданым,
С горой золотых для меня!

Долой красоты колдовское заклятье!
Не тоненький стан заключу я в объятья, —
Нужна необъятная мне красота:
Хорошая ферма и много скота.

Красивый цветок обольстит и обманет,
Чем раньше цветет, тем скорее увянет,
А белые волны пасущихся стад
И прибыль приносят, и радуют взгляд.

Любовь нам порою сулит наслаждение,
А вслед за победой идет охлаждение.
Но будят в душе неизменный восторг
Кружкí, на которых оттиснут Георг.

ПАСТУХ

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пареньком.
Меня укутал он платком,
Назвал своею милой.

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, —
Стадо гнал мой милый.

— Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
Луна глядит украдкой.

— Благодарю за твой привет,
Но у меня охоты нет
Платить слезами долгих лет
За этот вечер краткий!

— Нет, будешь ты ходить в шелках,
В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
Носить, когда устанешь.

— Ну, если так, тогда пойдем
С тобой по берегу вдвоем,
И я надеюсь, что потом
Меня ты не обманешь.

Но он ответил мне: — Пока
Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
Моей ты будешь милой!

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, —
Стадо гнал мой милый.

К ТИББИ

О Тибби, ты была горда
И важный свой поклон
Тем не дарила никогда,
Кто в бедности рожден.

Вчера же, встретившись со мной,
Ты чуть кивнула головой.
Но мне на черта нужен твой
Презрительный поклон!

Ты думала наверняка
Плевить мгновенно бедняка,
Прельщая звоном кошелька...
На что мне этот звон!

Пускай меня гнетет нужда,
Но я сгорел бы со стыда,
Когда тобой, что так горда,
Я был бы побежден.

Как ни остер будь паренек,
Ты думаешь, — какой в нем прог,
Коль желтой грязью кошелек
Набить не может он!

Зато тебе по нраву тот,
Кто состоятельным слывет,
Хотя и вежлив он, как скот,
И столько же умен.

Скажу я прямо, не греша,
Что ты не стоишь ни гроша,
А тем достатком хороша,
Что дома припасен.

С одной я девушкой знаком.
Ее и в платье простом
Я не отдам за весь твой дом,
Сули хоть миллион!

СВАДЬБА В ГОРОДКЕ МÓХЛИН

Когда был месяцев семи
Год восемьдесят пятый
И ливни спорили с людьми
За урожай несжатый, —

В то время мистер Так и Так
Отправился к невесте,
Чтобы отпраздновать свой брак
С ней и с деньгами тестя
В столь мокрый день.

Чуть солнце глянуло с небес
Сквозь полосу тумана,
Проснулась Нэлл, вскочила Бресс,
Хоть было очень рано.

Утюг шипит, комод скрипит,
Мелькает ворох кружев...
Но Муза скромность оскорбит,
Их тайны обнаружив
В столь важный день.

Но вот — природе вопреки —
Стянули их корсеты,
И очень длинные чулки
На ножки их надеты.

Осталось — это не секрет —
Им застегнуть подвязки.
А впрочем, и такой предмет
Не подлежит огласке
В столь строгий день.

Шелка упругие, шурша,
Едва дают дышать им.
И все же могут, не греша,
Они гордиться платьем.

Легко их в талии сломать,
Шумят их шлейфы сзади.
Что́ Ева-мать могла б сказать,
На пышный зад их глядя
В воскресный день?

Вот в куртке праздничной, с хлыстом —
«Гей-го!» — подъехал Санди.
И Нэлл и Бресс покинуть дом
Спешат, как по команде.

А вот Джон Трот — лихой старик.
Толст, как судья наш местный,
Он маслит, пудрит свой парик —
Да и сюртук воскресный
В столь славный день... ¹

¹ Это стихотворение так и осталось у автора незаконченным.
(Примеч. С. Маршака.)

Весной ко мне сватался парень один.
Твердил он: — Безмерно люблю, мол. —
А я говорю: — Ненавижу мужчин! —
И впрямь ненавижу, он думал...
Вот дурень, что так он подумал!

Сказал он, что ранен огнем моих глаз,
Что смерть его силы подточит.
А я говорю: пусть умрет хоть сейчас,
Умрет, за кого только хочет,
За Джинни умрет, если хочет.

Усадьбу, где полный хозяин он сам,
И свадьбу — хоть завтра — сулил он.
Но думаю: виду ему не подам,
Что дурочку сразу прельстил он,
Усадьбой и свадьбой прельстил он.

И что бы вы думали? Вдруг он исчез.
А вскоре нашел он дорожку
К моей же сестрице двоюродной — Бэсс.
Терпеть не могу эту кошку,
Глухую, поджарую кошку!

Хоть зла я была, но пошла погулять
В Дальгърнок — там день был базарный.
И вдруг предо мною явился опять,
Как призрак, дружок мой коварный,
Все тот же мой парень коварный.

Ответив негодному легким кивком,
Пройти поспешила я мимо.
Но он, ошалев, словно был под хмельком,
Назвал меня милой, любимой,
Своей дорогой и любимой.

А я, между прочим, вопрос задала,
Глуха ли, как прежде, сестрица
И где по ноге она обувь нашла...
О боже, как стал он браниться,
Как яростно стал он браниться!

Молил он скорее венчаться пойти,
А то он погибнет напрасно.
И я, чтоб от гибели парня спасти,
Сказала в ответ: — Я согласна.
Хоть завтра венчаться согласна!

КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверостиший?

**ОДА ШОТЛАНДСКОМУ
ПУДИНГУ «ХАГГИС»**

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, —
Могучий Хэггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

С полей верпнувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.
Когда ж плотнее станет брюхо,
Чем барабан,
Старик, молясь, гудит, как муха,
От пищи пьян.

Кто обожает стол французский —
Рагу и всякие закуски
(Хотя от такой нагрузки
И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.

Но — бедный шут! — от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов — мочалки,
Кулак — орех.
В бою, в горячей перепалке
Он сзади всех.

А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок, —
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.

Молю я Промысел небесный:
И в будний день, и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благость
И ниспошли родной, чудесный,
Горячий Хяггис!

О В С Я Н К А

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

Одиноким, неженатым
Не житье, а сущий рай.
А женился, так ребятам
Трижды в день овсянки дай.

Век живет со мной забота.
Не могу ее прогнать.
Чуть запрешь за ней ворота,
Тут как тут она опять.

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

ПОСЛАНИЕ ГАМИЛЬТОНУ

По поводу рождения у поэта близнецов

Рубцами хвалится боец —
Печатью молодчества.
Хвалу войне поет певец —
Проклятью человечества.

Велик не тот, кто сотню душ
Безвинных уничтожит.
Достоин чести скромный муж,
Что род людской умножит.

— Даны вам щедрые дары, —
Сказала нам природа, —
Но будьте столь же вы щедры
И множьтесь год от года.

Волью я в кровь струю огня,
Чтоб дружною четою
Вовеки жили у меня
Отвага с красотою!

Творец нехитрых этих строф
Был некий бард беспечный.
Он пел среди родных лугов
От радости сердечной.

В него влила природа-мать
Огня большую долю,
И не дерзал он нарушать
Родительницы волю.

Начертанный природой путь
Безропотно прошел он.
Нашел он родственную грудь,
Любви безмерной полон.

Он цвет любви берег весной
От яда и от града,
И щедрый урожай двойной
Порту стал наградой.

Был в сентябре вознагражден
Он за любовь и верность.
Ему подругой был рожден
Наследник — новый Бернс,

Чтоб нашу родину певец
Грядущих поколений
Воспел достойней, чем отец, —
Звучней и вдохновенней.

О гений мира и любви,
Тебя мы призываем:
Шотландский край благослови
Обильным урожаем.

Пусть крепнет древний наш народ
И славится по праву,
И Бернсов род из года в год
Плет народу славу!

ПЕСНЯ РАБА-НЕГРА

В милом знойном Сенегале
В плен враги меня забрали
И отправили сюда — за море синее.
И тоскую я вдали
От родной моей земли
На плантациях Виргинии — гинии.

На моем родимом юге
Не бывает зимней вьюги,
Ни морозов, ни снегов, ни инея.
Там шумят потоки вод
И цветы цветут весь год,
Неизвестные Виргинии — гинии.

Под ударами бича,
Иго рабское влача,
Провожу я дни в печали и унынии.
Горько вспомнить мне друзей
Вольной юности моей
На плантациях Виргинии — гинии!

Зачем терпеть в расцвете сил
Ярмо порабощенья?
К оружию, братья! Наступил
Великий час отмщенья.

Твердят: безгрешны короли,
А руки их кровавы.
Мы сами троны возвели.
Тряхнуть их — наше право!

Девизом каждый патриот
Смерть иль свободу изберет.

Пусть примет мученика чин
Епископ, саном гордый.
Для пэров хватит гильотин,
Для вас — подвязок, лорды.

Давно нас деспоты гнетут,
А судьи — их орудье.
Но и над вами будет суд,
Неправедные судьи.

Еще сегодня ваш денек.
Зато и наш не так далек!

Пусть золотой наступит век,
Былое в бездну канет,
И человеку человек
Навеки братом станет.

И нам покажет молодежь,
Достойная свободы,
Что человек везде хорош, —
Таков он от природы.

Мы всех зовем на братский пир,
И первый тост: — Свобода. Мир.

★ ★ ★

Якобиты на словах,
Вам пою, вам пою.
Якобиты на словах,
Вам пою.
Якобиты на словах,
Обличу я вас в грехах
И ученье ваше в прах
Разобью.

Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон? Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Длинный меч ли изберешь
Иль короткий вырвешь нож
Из ножен?

Героической борьбой
Что назвать? Что назвать?
Героической борьбой
Что назвать?
Героической борьбой
Звать ли распри и разбой,
Где в отца готов любой
Нож вогнать?

Хватит происков, ей-ей!
В этот век, в этот век.
Хватит происков, ей-ей,
В этот век.
Хватит происков, ей-ей.
Без непрошенных друзей
Пусть идет к судьбе своей
Человек!

ОТРЫВОК

Прощай, синева, и листва, и трава,
И солнце над краем земли,
И милые дружбы, и узы родства.
Свой жизненный путь мы прошли.

Кто волею слаб, кто судьбы своей раб, —
Трепещет, почуяв конец.
Но гибели час, неизбежный для нас,
Не страшен для гордых сердец.

ГОРЕЦ

Мой горец — парень удалой,
Широкоплеч, высок, силен.
Но не вернется он домой —
Он на изгнание осужден.

Как мне его вернуть?
О, как его вернуть?
Я все бы горы отдала,
Чтоб горца вновь домой вернуть!

Соседи мирно спят в домах,
А я брожу в тиши ночной.
Сажусь и плачу я впотьмах
О том, что нет его со мной.

Ах, знаю, знаю я, кого
Повесить надо на сосне,
Чтоб горца — друга моего —
Вернуть горам, лесам и мне!

**О ЧЕСТВОВАНИИ ПАМЯТИ
ПОЭТА ТОМСОНА**

Ты спишь в безвременной могиле,
Но, кажется, глядишь с усмешкой на устах
На тех, что голодом вчера тебя морили,
А ныне лаврами твой увенчали прах.

**НАДПИСЬ
НА АЛТАРЕ НЕЗАВИСИМОСТИ**

Кто независим, прям и горд,
В борьбе решителен и тверд,
Кому равно претит судьба
Рабовладельца и раба,
Кому строжайший приговор —
Своей же совести укор,
Тому, чья сила — правота,
Открой, алтарь, свои врата!

**НАДПИСЬ АЛМАЗОМ
НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ В ТАВЕРНЕ**

Не хвастайся, дряхлый рассудок людской.
Безумству — любовь и почет.
Сулишь ты, рассудок, уют и покой.
Безумство восторг нам дает!

**О ПЕСНЕ ДРОЗДА, КОТОРУЮ ПОЭТ
УСЛЫШАЛ В ДЕНЬ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ —
НА РАССВЕТЕ 25 ЯНВАРЯ**

Пой, милый дрозд, в глухой морозной мгле.
Пой, добрый друг, среди нагих ветвей.
Смотри: зима от песенки твоей
Разгладила морщины на челе.

Так в одинокой бедности, впотьмах
Найдешь беспечной радости приют,
Она легко встречает бег минут, —
Несут они надежду или страх.

Благодарю тебя, создатель дня,
Седых полей позолотивший гладь.
Ты, золота лишив, даришь меня
Всем, что оно не в силах дать и взять.

Приди ж, дитя забот и нищеты.
Что бог пошлет, со мной разделишь ты!

С О В А

О птица ночи! Жалобу свою
Ты изливаешь в полночь скорбным стоном —
Не оттого ль, что в северном краю
Родится холод — смерть росткам зеленым?

Не оттого ль, что, облетев, листва
Тебя лишит укромного навеса?
Иль зимних бурь страшишься ты, сова,
Ночной тоски безжизненного леса?

Твой стон летит в неслышающую тьму.
Всегда одна, зловежда и угрюма,
Ты не вверяешь в мире никому
Своих тревог, своей бессонной думы.

Пой, плакальщица ночи! Для меня
Твой грустный голос — тайная утеха.
В полночной тьме без звука и огня
Твои стенанья продолжает эхо.

Неужто лик земли не так красив,
Когда природа плачет в час ненастья?
Бедней ли сердце, горе пережив,
И от участия меньше ль наше счастье?

Нет, одинокий стон из тишины
Мне по сердцу, хоть он рожден тоскою.
Он не похож на голоса весны,
На летний щебет счастья и покоя.

Пусть днем не слышно песен из гнезда
И самый день заметно стал короче,
Умолкла трель вечерняя дрозда, —
Ты в сумраке не спишь, певица ночи.

С высокой башни где-нибудь в глуши,
Где ты ютишься в тайном закоулке,
Где лес и стены древние в тиши
На каждый звук рождают отклик гулкий, —

Твой хриплый голос для меня звучит,
Как трели соловья чете влюбленной.
Так ловит тот, кто всеми позабыт,
Унылый отзвук песни отдаленной...

**ЖАЛОБА РЕКИ БРУАР
ВЛАДЕЛЬЦУ ЗЕМЕЛЬ, ПО КОТОРЫМ
ОНА ПРОТЕКАЕТ**

I

О ты, кто не был никогда
Глухим к мольбам и стонам!
К тебе смиренная вода
Является с поклоном.

Во мне остался только ил.
Небесный зной жестокий
Ручьи до дна пересушил,
Остановил потоки.

II

Живая быстрая форель
В стремительном полете
Обречена попасть на мель,
Барахтаться в болоте.

Увы, ничем я не могу
Помочь своей форели.
Она лежит на берегу
И дышит еле-еле...

III

Я пролила немало слез
И пенилась от злости,
Когда какой-то бес принес
Порта Бернса в гости.

Он написал мне пару строк,
А сочинил бы оду,
Когда увидел бы у ног
Бушующую воду!

IV

Давно ли я у грозных скал
Бурлила и ревела,
И водопад мой бушевал,
Вскипая пеной белой.

В те дни была я глубока,
Гордилась буйной силой,
И молодежь издалека
На берег приходила...

V

Прошу, припав к твоим ногам,
Во имя прежней славы
Ты насади по берегам
Кусты, деревья, травы.

Когда придешь под сень ветвей,
Плеснет, играя, рыба
И благодарный соловей
Тебе споет: спасибо!

VI

И жаворонок в вышине
Зальется чистой трелью,
И отзовется в тишине
Щегол своей свирелью.

И зазвенят у теплых гнезд,
Проснувшись спозаранку,
Малиновка и черный дрозд,
Скворец и коноплянка.

VII

Они от бурь покров найдут
В разросшихся дубравах.
И заяц-грус найдет приют
В моих кустах и травах.

Пускай прохожего ольха
Манит своей прохладой,
А дуб укроет пастуха
От ливня и от града.

VIII

Ко мне влюбленные весной
Придут на берег тайно
И встретятся в тиши лесной
Как будто бы случайно.

Оберегая их покой,
Росы роняя слезы,
Благоуханною рукой
Прикроют их березы.

IX

И вновь придет ко мне поэт
В часы, когда сквозь ветки
На побережье лунный свет
Свои начертит клетки.

По склонам тихо он сойдет,
По шахматным полянам
Послушать гулкий рокот вод,
Окутанных туманом.

Х

Пусть елки тянутся ко мне
Своей зубчатой тенью
И видят в ясной глубине
Верхушек отраженьё.

Пускай берёз листва звенит
На каменных утесах
И мой боярышник хранит
Певцов звонкоголосых.

ХІ

Пусть, как цветы, в краю родном
Растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
И с каждым часом краше!

Греми до самых дальних дней,
Веселый клич заздравный:
За сыновей и дочерей
Моей отчизны славной!

**ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МОЕЙ ОВЦЫ,
КОТОРУЮ ЗВАЛИ МЭЙЛИ**

Пишу стихами или прозой,
А по щекам струятся слезы.
Судьбы исполнились угрозы:
 Погас мой свет.
Живут на свете овцы, козы,
 А Мэйли нет!

Моя душа тоской объята.
Я потерял не клад богатый, —
Иная, тяжкая, утрата
 Гнетет певца.
Меня любила, точно брата,
 Моя овца.

Таких друзей на свете мало.
Меня узнав за два квартала,
Она по городу бежала
 За мной вослед
И так сердечно отвечала
 На мой привет.

Она была овцою кроткой,
Ходила чинною походкой
И не валила загородки
 В чужом саду.
Грехов за век ее короткий
 Я не найду.

Ее кудрявого барашка
Кормлю я хлебом или кашкой.
Увы, он так похож, бедняжка,
На мать свою,
Что я над ним вздыхаю тяжко
И слезы лью.

Она была не нашей местной
Овцой, породы неизвестной:
Приплыл ее прапрадед честный,
Большой баран —
С ее прабабушкой совместно —
Из дальних стран.

Никто не снял с нее овчины.
Увы, единственной причиной
Ее безвременной кончины
Была петля...
И так же душишь люд невинный
Ты, конопля!

Пускай же все порты Дуна
Настроят дудки или струны.
Пусть соберутся ночью лунной
Ко мне певцы
Прославить память Мрйли юной,
Моей овцы!

МЭГГИ С МЕЛЬНИЦЫ

Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.

Был мельник хорош и в труде, и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.

Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.

Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое — важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

СВАДЬБА МЭГГИ

Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
С крысиным хвостом ей досталась кобыла.
Вот именно это она получила.

Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
У Мэгги всегда под подушкой бутылка.
В бутылку давно влюблена она пылко.

А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
Псаломщик был пьян, а священник качался
В то время, как суженый с Мэгги венчался.

А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
Жених у постели свалился с похмелья.
Вот так и окончилось это веселье!

ЗАСТОЛЬНАЯ

У женщин прав порой лукав
И прихотлив и прочее, —
Но тот, в ком есть отвага, честь, —
Их верный раб и прочее.

И прочее,
И прочее,
И все такое прочее.
Одну из тех, кто лучше всех,
Себе в подруги прочу я.

На свете чту я красоту,
Красавиц всех и прочее.
От них отпасть,
Презреть их власть —
Позор, и грех, и прочее.

Но есть одна. Она умна,
Мила, добра и прочее.
И чья вина, что мне она
Куда милей, чем прочие!

ПЕСНЯ О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Со мной жена не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.

Я в ней мечтал найти покой,
Но, видно, дал я маху.
Ах, никогда порыв благой
Не вел к такому краху.

Одну надежду я таю, —
Что ждет меня награда,
И, верно, буду я в раю,
Отбыв все муки ада!

ПЕСЕНКА О СТАРОМ МУЖЕ

О, если б ты улегся вдруг
В могилу, дряхлый мой супруг.
Твою утешил бы вдову
Веселый горец — милый друг.

На сковородке шесть яиц.
На сковородке шесть яиц.
Тебе — одно, мне — два яйца,
А три — для горца-молодца!

В горшке баранья голова.
В горшке баранья голова.
Похлебка мне, мясо — ему,
А рожки — мужу моему!

ПЕСНИ

на мотив народной песни «Покупайте веники»

Покупайте веники!
Вот хороший веник,
Веничек из вереска.
Не жалейте денег!

Мне нужна жена —
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа.

Толстая, худая —
Это все равно.
Пусть уродом будет —
По ночам темно.

Если молодая,
Буду счастлив с нею.
Если же старуха,
Раньше овдовею.

Пусть детей рожает, —
Было бы охоты.
А бездетной будет —
Меньше мне заботы.

Если любит рюмочку,
Пусть не будет пьяница.
А не любит рюмочки —
Больше мне останется!

**О ЛИСИЦЕ,
КОТОРАЯ СОРВАЛАСЬ С ЦЕНИ
И УБЕЖАЛА
ОТ МИСТЕРА ГЛЕНРИДДЕЛЯ¹**

Свободу я избрал сюжетом —
Не ту, любезную поэтам,
Язычницу с жезлом и в шлеме,
Воспетую в любой поэме
Былых времен. Совсем иной
Встает свобода предо мной.

Она мне чудится игривой
Кобылкой юной, легкогризвой.
Как яблоко, она крепка,
Как полевая мышь, гладка,
Но неумелому жокею
На всем скаку сломает шею
И, закусивши удила,
Умчится дальше, как стрела.

Теперь, перевернув страницу,
Я расскажу вам про лисицу,
Как меж родных шотландских скал
Охотник рыжую поймал
И как дала дикарка ходу
Из душной клетки на свободу.

¹ Это стилотворение автором незакончено. (Примеч. С. Маршак.)

Гленриддель, убежденный виг!
Зачем ты, изменив на миг
Своим идеям, дочь природы
Лишил священных прав свободы?
Как мог ты, преданный добру,
Бедняжку ввергнуть в конуру
И цепью приковать, как суку,
К березе, дубу или буку?

Гленриддель, честный гражданин,
Своей отчизны верный сын,
Прогуливаясь у темницы
Сидящей на цепи лисицы,
Ты день за днем, за часом час
С друзьями обсуждал не раз
Великие идеи века —
Права на вольность человека
И право женщины любой
Свободной быть, а не рабой.

Лисица чутко вам внимала.
Она наслушалась немало
О хартиях народных прав,
О судьбах королей, держав,
О якобитах, вигах, тори
И о кровавом их раздоре.

Она услышала рассказ
О том, что делалось до нас, —
Как ангелы в былые годы,
Восстав, отпали от свободы,
За что, покинув райский сад,
Попали на галеры в ад;
Как в голову пришло Немвроду
Цепями оковать свободу,
Как был закован пол мужской
Семирамидиной рукой
(Бог покарай Семирамиду
За эту тяжкую обиду!)
И как с тех пор, покинув трон,
Мужья бояться стали жен.

Лиса наслушалась историй,
Как древний Ксеркс — персидский тори —
Не знал важнее ремесла,
Чем резать глотки без числа,
Пока не объяснила Спарта
Ему, что значит «Magna Charta»;
Как диктовал указы Рим
Покорным данникам своим
И как полировал их нравы
Его огонь и меч кровавый.

Однако надо знать и честь, —
Примеров всех не перечсть, —
Но из плеяды знаменитой
Мы упомянем Билли Питта,
Что, как мясник, связав страну,
Распотрошил ее казну.

Все это слушала лисица
Как ревностная ученица.
Красноречивей сотни книг
Ей объяснил хозяин-виг,
Какой царит у нас порядок,
В чем наша слава, в чем упадок.
Она услышала, что зло
Добра немало принесло,
Поскольку жулики и плуты —
Творцы свободы пресловутой...

НИЧЕГО

С приветом я к вам посылаю
Пегаса — конька своего.
Спросите, чего я желаю,
И я вам скажу: ничего!

Простите беспечность поэта.
Дышу я — и только всего.
А шум деловитого света
Не стóбит подчас ничего.

Процентщика мучат тревоги.
Червонец — его божество.
Но вот подведет он итоги —
И что же найдет? Ничего.

Отвешивать должен поклоны
Вельможа-старик для того,
Чтоб графской добиться короны,
А что ему в ней? Ничего.

Унылая ряса пресвитера —
Заветная цель одного.
Другой добивается митры.
А суть-то одна: ничего.

Влюбленному жизни дороже
На свете одно существо.
Но вот он женился — и что же
Нашел под тряпьем? Ничего.

Рифмует поэт беспокойный
И верит: его мастерство
Торжественных лавров достойно.
А что его ждет? Ничего.

Храбрится буян, угрожая,
Но тщетно его хвастовство,
И, кроме свирепого лая,
Не жди от него ничего.

Не верит поэту девица —
Ни просьбам, ни вздохам его,
Но скоро она убедится,
Что страшного нет ничего.

Ей по сердцу ласки поэта.
Упрямец достиг своего,
А что обещал ей за это?
По правде сказать, ничего...

Священник громит за неверие
С амвона ее и его.
Но попусту бьет артиллерия —
Поправить нельзя ничего.

Прощайте! У бурного моря
Я жду корабля своего.
И, если погибну я вскоре,
Что вам эта смерть? Ничего.

Останусь готовым к услугам
До смертного дня моего —
Коль есть у вас что-нибудь, — другом,
И другом, коль нет ничего!

ДВЕ СОБАКИ

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.

Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.

Ошейник именной, с замком,
Прохожим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.

Он родовит был, словно лорд,
Но — к черту спесь! — он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган — бродячих мастеров.

У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.

А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.

Его хозяин — резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый —
Решил — кто знает, почему! —
Присвоить колли своему
Прозванье «Лѳат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.

Был этот Лѳат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.

Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.

Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,
Чтобы развлечься разговором.

А разговор они вели
О людях — о царях земли.

Цезарь

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углем, и шерстью, и пшеницей.

Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет —
И конь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Гебрга Третьего портрет.

До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, —
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг.
А что едят жильцы лачуг, —
При всем моем воображеньи
Я не имею представленья!

Люат

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копаются в земле и в глине
На мостовой и на плотине;

Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.

Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожая
Иль не найдет бедняк хозяев, —
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда...

А все ж, пока не грянет буря,
Они живут бровей не хмурия
И поглядишь, — в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.

Цезарь

Однако, Люат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ваши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов —
На землеробов, землекопов —
Глядят с презреньем, свысока,
Как мы с тобой на барсука!

Не раз, не два я видел дѣма,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Ногами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и туеядца...

Не знает счастья нищий люд.
Его удел — нужда и труд!

Л ю а т

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз —
И не боится их угроз.
Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный —
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал выше сил,
Тем без подарка отдых мил.

Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.

А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.

Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю, — так сказать, пою.

Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побег сорняков
Из почвы, семьи бедняков,

Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего — в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.
А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется — искренне вполне —
Служить народу и стране.

Цезарь

Служить стране?.. Ах ты, дворняжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повторит, что велит премьер.
Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.

Зато он будет вечерами
Блистать и в опере, и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстроскрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.

Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.

Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых

Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...

Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и унижение.
Вот каково его служенье!

Л ю а т

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы...
Порой и нас мутит лукавый.
— Эх, черт возьми! — внушает черт. —
Пожить бы так, как этот лорд!..

Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы, —
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.

Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого черта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.

Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?

Цезарь

Нет, братец, поживи в палатах —
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнурует их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.
Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле —
И отдохнет себе на воле.
Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.

Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь — томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.

Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,
Ни скачка бешеным галопом
По людным улидам и тропам...
Все напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!

Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте —
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.
А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер.

Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что, если б высказались вслух,
Затмить могли чертей и шлюх.

За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеинный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки — в чертовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновение...

Бывают, правда, исключения —
Без исключений правил нет, —
Но так устроен высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными тряхнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: — Славно, черт возьми,
Что бог не создал нас людьми!

И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

Я часто плачу по ночам
И каялась не раз,
Что верила твоим речам
И взорам лживых глаз.

Где нежный цвет девичьих щек?
А был он так румян!
Где прежний тесный поясок,
Что стягивал мой стан?

Я часто слышу злобный смех
Соседок за собой,
Хоть не один сокрытый грех
Найдется у любой.

Отец мой, вспомнив обо мне,
Ниц опускает взор.
И плачет матушка во сне,
Припомнив мой позор.

Услышав тяжкий шаг отца,
Я прятаться бегу,
И материнского лица
Я видеть не могу.

Был сладок цвет любви моей,
Но горький плод принес.
И каждый взгляд твоих очей
Мне стоил многих слез.

Пусть же радостного дня
Не будет у того,
Кто бросил в рубище меня
И сына своего!

ПРО КОГО-ТО

Моей душе покоя нет.
Весь день я жду кого-то.
Без сна встречаю я рассвет —
И все из-за кого-то.

Со мною нет кого-то.
Ах, где найти кого-то!
Могу весь мир я обойти,
Чтобы найти кого-то.

О вы, хранящие любовь
Неведомые силы,
Пусть невредим вернется вновь
Ко мне мой кто-то милый.

Но нет со мной кого-то.
Мне грустно отчего-то.
Клянусь, я все бы отдала
На свете для кого-то!

ПОДРУГА МОРЯКА

Чуть забудусь сном желанным,
Слышу гул морских валов.
Пусть мой друг за океаном
Будет счастлив и здоров.

Страх с надеждою счастливой
В сердце борются моем.
Над подушкой сиротливой
Тени шепчутся о нем.

Кто не знал тоски разлуки,
В чьей груди тревоги нет,
Счастья полный, чуждый муки
Любит солнечный рассвет.

Мне же ночь и сон милее.
Пусть не тает тьмы покров,
Чтобы слышала во сне я
Дальний плеск морских валов.

ДЭВИ

Когда в цветы румяный май
Одепет наш зеленый край,
Я выйду словно невзначай
К тебе, мой милый Дэви.

Жди за Ведьминым холмом,
Милый Дэви, стройный Дэви.
Вместе день мы проведем,
Мой милый, стройный Дэви.

Как серебро, звенит ручей,
Поет влюбленный соловей,
И веет свежестью полей,
Когда брожу я с Дэви.

Едва зардевший небосклон
Встревожит зайца чуткий сон
И по росе поскачет он, —
Иду навстречу Дэви.

Когда ж погаснет свет дневной
И сумрак ляжет пеленой,
Свои объятья мне раскрой,
Мой милый, стройный Дэви!

ПРЕДВЫБОРНАЯ БАЛЛАДА¹

Кого пошлем мы заседать
В парламенте и прочее?
Кто лучше может оправдать
Такие полномочия?

При всем при том,
При всем при том
Кого из нашей знати
Иль из народа мы пошлем
Решать дела в палате?

Вот мистер Гэрон. Кто из вас
Не знает патриота?
Кто не ходил к нему хоть раз
В открытые ворота?

При всем при том,
При всем при том
Он нам давно известен
И независимым умом,
И тем, что сердцем честен.

Достойных парней и подруг
В краю у нас немало,
Но Селькерк любит светский круг.
Как Селькерку пристало.

При всем при том,
При всем при том
К чему нам род старинный?
Не лорда в Лондон мы пошлем,
Пошлем мы гражданина!

¹ Стихи эти написаны Робертом Бернсом к выборам, во время которых боролись за место в парламенте представители тори и виггов. (Примеч. С. Маршак)

Не в званьях суть и не в чинах,
Видали мы воочию,
Что лорд в блестящих орденах
Бывает глуп и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Одно мы знаем твердо:
Что шут останется шутом
И в гордом званье лорда!

К нам едет хлыщ из-за холмов
С мощной родни богатой.
Безусый мальчик нас готов
Купить, как скот рогатый.

При всем при том,
При всем при том
Не пришлым шалопаям, —
Мы тем свой голос отдаем,
Кого давно мы знаем!

За дело Стюартов¹, друзья,
За Гэрона и прочее.
Ему мы все — одна семья —
Доверим полномочия.

При всем при том,
При всем при том
Не кошельку, не знати —
Мы голос чести отдаем
На благо всей палате!

¹ Сторонниками изгнанной династии Стюартов — «якобитами» — были во времена Бернса многие ревнители шотландской независимости. О Бернсе говорили, что он из якобитов стал якобинцем. (Примеч. С. Маршак.)

ПЛЕНИТЬСЯ МОГ БЫ Я ТОБОЙ

Плениться мог бы я тобой:
Так хороша ты и мила, —
Когда бы ты к мольбе любой
Столь благосклонна не была.

Конечно, щедрость не порок,
Но ты любовь и доброту
Даришь, как глупый ветерок,
Что всех целует на лету.

Цветок шиповника в росе
Теряет блеск и аромат,
Когда его ласкают все,
Когда руками он измят.

Еще дано тебе цвести,
Но наконец настанет срок, —
Ты будешь брошена в пути,
Как этот сорванный цветок.

ДВА ПАРНЯ

Сэнди и Джóки были соседи.
Сэнди был первым в застольной беседе.
Джоки — наследник отцовских поместий —
Мог бы понравиться каждой невесте.

Джоки женился на Мэджи богатой.
Сэнди — на Мэри без всякой приплаты.
Джоки женился на денежках тестя.
Сэнди нашел свое счастье в невесте.

Пора отчалить кораблю.
На много дней, на много лет
Умчится та, кого люблю,
И за кормою ляжет след.

Бродить я буду меж камней,
На островок глядеть в тоске.
Здесь я в слезах прәстился с ней,
Там скрылся парус вдалеке.

Как часто с этой крутизны,
Где птицы жадные кричат,
Под гул крутящейся волны
Смотреть я буду на закат.

Благословен тот райский сад,
Где Нәпси бродит в тишине
И там, где все ласкает взгляд,
Немножко помнит обо мне.

* * *

Ты не там спала, где надо,
Ты спала не там.
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

С лица румянец твой сошел
От той бессонной ночи.
И платья твоего подол
Как будто стал короче.

Попала девушка впросак.
Тебе придется тяжело.
От всякой снеди натошак
Мутит тебя, бедняжка.

Под небом ночь ты провела.
Ты пела и плясала.
Но, видно, жадная пчела
Девчонку искусала.

Ты не там спала, девчонка,
Ты спала не там,
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

* * *

Что сделала со мною мать,
Родная мать,
Родная мать.
Что сделала со мною мать
Во вторник поздней ночью:

Мне приказала лечь в кровать,
Такую мягкую кровать,
И, уложив меня в кровать,
Сказала: «Доброй ночи!»

Священник тоже подшутил —
Так подшутил!
Так подшутил!
Так надо мной он подшутил,
Сыграл со мною шутку:

Чужого парня напустил,
Большого парня напустил,
Верзилу-парня напустил
На бедную малютку!

Мои подруги и родня,
Моя родня,
Моя родня —
Одну оставили меня
Во вторник поздней ночью.

Одну оставили меня,
Не заступились за меня,
А я боялась, как огня,
Мужчины поздней ночью!

* * *

Сердца быстрое биенье
Мерит каждое мгновенье.
Так на кузнице в селенье
Молоточками куют,
В наковальню гулко бьют.

Обманул меня мой милый —
Тот, кого я так любила,
А забыть его нет силы.
Полно, сердце, не стучи,
Полно, сердце, замолчи.

* * *

Властитель ног да и сердец!
Какой в Шотландии певец
Не принесет хвалы венец
Твоей чудесной скрипке?

Был бы скучен этот свет,
Очень скучен, однозвучен,
Был бы скучен этот свет,
Скучен без улыбки!

Всю землю обойди вокруг,
Пойди на север и на юг —
Повсюду скука, милый друг,
Где нет тебя и скрипки.

Пусть нас зовет церковный причт
Или профессор — старый хрыч,
Чудесней таинства постичь,
Чем те, что знает скрипка.

САДОВНИК С ЛОПАТОЙ

Когда оденет Май в цветы
Деревья, травы и кусты,
Найдешь в саду до темноты
Садовника с лопатой.

Поят ключи зеленый луг.
Щеглы, дрозды зовут подруг.
И дышит негой все вокруг
Садовника с лопатой.

Едва багряный небосклон
Встревожит зайца чуткий сон,
Из-за кустов мы слышим звон
Садовничьей лопаты.

А только солнца шар зайдет
И полог ночи упадет,
Подруга ласковая ждет
Садовника с лопатой.

ДОМИК У РУЧЬЯ

— Куда торопишься чуть свет —
Направо или прямо? —
Она надменно мне в ответ:
— Куда послала мама!

— Где ты живешь, душа моя? —
Я продолжал упрямо.
Она сказала: — У ручья
Живу с моею мамой.

Нашел я домик у ручья,
И ночь прошла мгновенно.
А утром девушка моя
Была не столь надменна.

Пусть петуха заест хореk!
Заря еще не встала, —
Старуха-мать с постели — скок!
И нас вдвоем застала.

Она меня прогнала прочь,
Послав мне град проклятий,
И ну стегать бедняжку-дочь,
Стащив ее с кровати.

В твой тихий домик у ручья
Пришел бы я, малютка,
Когда бы матушка твоя
Спала не слишком чутко!

Побывал я между скал,
Славный парень, статный парень,
Вилли с братией видал,
Славный горский парень.

Там земли родной враги,
Славный парень, статный парень,
Заплатили нам долги,
Славный горский парень.

Так конец себе нашли,
Славный парень, статный парень,
Те, что села наши жгли,
Славный горский парень.

Греет черт сковороду,
Славный парень, статный парень,
Жарить герцога в аду,
Славный горский парень.

Заскулил кровавый пес,
Славный парень, статный парень,
Пасмешил чертей до слез,
Славный горский парень.

ПЕСЕНКА

Жила-была тетка под старою ивой,
Она джентльменам готовила пиво.
Скрóгам.

У теткиной дочки была лихорадка.
Священник дрожал от того же припадка.
Ра́ффам.

И тетка, желая прогнать лихорадку,
Обоих в одну уложила кроватку.
Скрóгам.

Больного согрел лихорадочный пыл,
И жар у больной понемногу остыл.
Ра́ффам.

* * *

Что предо мной король Луи
И Джордж с морскою силой!
Я предъявил права свои
На сердце Джинни милой.

Я избран ею в короли.
Пускай же вьются флаги.
Все государи всей земли
Передо мной — бродяги!

НА БЕРЕГУ РЕКИ ЭЙР

Спустился быстро мрак ночной,
Протяжен ветра дикий вой,
И тучи, полные дождя,
Несутся, цепью проходя.
Ушли охотники с болот,
И птицы над равниной вод
Слетелись вновь. А я с тоской
Брожу над Эйром, над рекой.

Оплакивает осень рожь,
Что полегла на нивах сплошь.
Полет зловещий ранних бурь
Смутил осеннюю лазурь.
Как страшно слышать грозный шквал
И ждать, что скоро ценный вал
Умчит, всем чувствам вопреки,
Меня от Эйр — родной реки.

Не разъяренная волна
В открытом море мне страшна,
Не смерть в бездонной глубине
Или в неведомой стране.
Но должен я, отчизна-мать,
Те узы кровные порвать,
Что в сердце раненом моем
Так прочно стянуты узлом.

И скоро будет далека
Моя родимая страна,
Места, где дорог каждый след
Любви и дружбы прежних лет.
Привет друзьям, врагам моим.
Любовь — одним и мир — другим.
Прощайте, травы, тростники
Родимой Эйр — моей реки!

* * *

У мамы тихо я росла
И так боюсь людей чужих.
О сэр, с ума бы я сошла
Наедине с одним из них!

П р и п е в:

Я так мала, я так мала.
Еще так рано стать мне дамой,
И я бы, право, не могла
На долгий срок расстаться с мамой.

Мне накануне рождества
Ночной наряд купила мать,
Но я боюсь, что кружева
Мне после свадьбы могут смять.

Побыть на свадьбе я не прочь,
Чтобы потом уйти домой.
Но так долга зимою ночь,
Что не пойду за вас зимой.

Вам лучше лета подождать,
Когда все яблони в цвету.
Вы приходите к нам опять,
Когда чуть-чуть я подрасту!

**ПОЕДЕШЬ ЛИ В ИНДИЮ,
МЭРИ?**

Поедешь ли в Индию, Мэри,
Покинув родимый кров?
Поедешь ли в Индию, Мэри,
По гребням гремящих валов?

Там зреют лимоны, маслины,
Растет ананас золотой.
Но что в этой Индии дальней
Сравнится с твоей красотой?

Клянусь я, что буду я верен
Тебе до последнего дня.
И если забуду я Мэри,
Пусть небо забудет меня.

И ты поклянись, моя Мэри,
Лилейную руку мне дай
Пред тем, как от родины милой
Умчусь я в неведомый край.

Любви нерушимая клятва
Связала невидимо нас.
И если судьба нас разделит,
Будь проклят тот день и час!

[ШЕРАМУРСКИЙ БОЙ]

— Пришел ли ты пасти овец
Со мной в тиши лесной, брат,
Иль с поля битвы ты беглец
И видел страшный бой, брат?
— Бой Шерамурский был жесток.
Кровавый пенился поток,
Нам страх сердца сжимал в комок.
Такой был гром. И напролом
В лохмотье клетчатом своем
Шотландцы мчались в бой с врагом,
Что шел из трех краев, брат.

Мундиров ярко-красных рать
Не стала наших ждать, брат.
Пустилась жать да напирать,
Стволы в лесу ломать, брат.
Аргайль великий вел солдат.
Оружья сталь слепила взгляд,
Круша людей за рядом ряд.
Враги неслись, как саранча,
Рубили, резали сплеча
И тех топтали сгоряча,
Кто медлил умирать, брат.

Но парни в юбочках, плащах
И клетчатых штанах, брат,
Сомкнули строй, посеяв страх
Во вражеских рядах, брат.

Хоть силы вражки велики,
Но задрожали их полки,
Когда слышалось: «В штыки!»
Когда клинок был обнажен
И с гневом вырван из ножен,
И дерзкий враг был поражен,
Бежал он впопыхах, брат.

Он показал такую рысь,
Какой не знал сам черт, брат.
Мы по пятам за ним гнались —
Сперва загнали в Форт, брат.
В Данблейне, поджимая хвост,
Он перебрался через мост
И полетел, стремглав, как дрозд.
Но запер Стерлинг-городок
Свои ворота на замок.
Любой солдат от страха взмок,
Хоть был недавно горд, брат...

* * *

Как мне не плакать день и ночь!
Мой друг-моряк умчался прочь,
Как мне унять тоску свою?
Он на морях с врагом в бою.
Лягу спать и встану вновь —
Он со мной — моя любовь.
Ночью сны, а мысли днем
Все о нем, всегда о нем.

На волнах и далеко,
В безбрежном море — далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
О нем, кто в море далеко.

Когда томлюсь я в летний зной
И овцы сонные со мной, —
Подо мной дрожит земля.
То друг стреляет с корабля!
Пусть в бою его шадят
Лихая пуля и снаряд.
Судьба, ты мне конец пошли,
А не тому, кто там — вдали.

Не тому, кто далеко,
В безбрежном море далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
Лишь о нем, кто далеко.

А когда ложится тьма,
И за окном ревет зима.
И не глядит луна с небес,
И буря гнет угрюмый лес,
Я слышу воли морских прибой
И обращаюсь к ним с мольбой:
О, пощадите корабли
От милой родины вдали!

На морях и далеко,
В безбрежном море далеко.
Ночью сны, а мысли днем —
О нем, кто в море далеко.

Оставьте романы!
В них только обманы.
Немало сердец уловил,
Поймав на крючок,
Что спрятан меж строк,
Безжалостный Роберт Моссгилл.

Сперва «Грандисон»
Развеял ваш сон,
А после «Том Джонс» возмутил
Покой ваш девичий,
Чтоб стать вам добычей
Таких молодцов, как Моссгилл.

* * *

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя.

Я знал любви слепую власть,
И многих мук мне стóбит страсть,
Но я любовь готов проклясть,
Пока ты не моя.

Мгновенный взор девичьих глаз
Мне сердце покорял не раз,
Но полюбил я лишь сейчас,
Красавица моя.

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя!

Наследница-дочь на охоте была,
Пеленок с собой она в лес не взяла,
А ночью ребенка в лесу родила
И в свой завернула передник.

Передник был соткан из чистого льна,
Из белого, тонкого спит полотна.
Так вот малыша завернула она
В свой тонкий голландский передник.

В ту ночь пировал в своем замке старик.
Из бочки струилось вино, как родник.
И вдруг среди ночи послышался крик
Того, кто завернут в передник.

— Какой там ребенок кричит во всю мочь
На той половине, где спит моя дочь?
Его унесите немедленно прочь.
А ну, разверните передник.

— Да, это ребенок, а я его мать.
И, значит, он будет вас дедушкой звать.
Отец его будет ваш преданный зять,
А он — ваш достойный наследник.

— Да кто он такой — из дворян, из крестьян,
Тот дерзкий, что обнял твой девичий стан?
Кому только нужен крикун-мальчуган,
Завернутый в этот передник?

— Мой будущий муж в Эдинбурге живет.
Он первым из первых в столице слывет,
Он золотом шитый наряд мне пришлет,
Узнав, кто завернут в передник.

— Послушай-ка, дочка, твои терема
И все мои башни, дворы и дома,
Амбары с мукой и с зерном закрома
Получит мой внук и наследник,
Завернутый в этот передник!

* * *

Когда деревья обнажил
Своим дыханьем север,
Осенним вечером бродил
Я над рекою Эйр.
Мне где-то встретился старик,
В пути он изнемог
И головой седой поник
Под бременем тревог.

Меня спросил он: — Пешеход,
Куда ты держишь путь?
Богатства власть тебя ведет
Иль страсть волнует грудь?
А может, ты узнать успел
Невзгоды бытия
И горько на людской удел
Ты сетуешь, как я?

Под солнцем, где простерлась гладь
Лугов, степей, болот,
Везде на чопорную знать
Работает народ.
Светил мне дважды сорок лет
Усталый луч зимы,
Пока я понял, что на свет
Для мук родились мы.

Покамест молод человек,
Он не щадит часов,
За мигом миг короткий век
Растратить он гѣтов.
Безумью предается он.
Страстям преграды нет,
Пока поймет он, что рожден
Для горестей на свет.

Умчится молодость, как дым,
И те года пройдут,
Когда полезен ты другим
И веришь сам в свой труд.
Нужда и старость — хуже нет
На всей земле четы.
Тогда увидишь, что на свет
Для мук родился ты.

* * *

Мой Джоки — славный молодец.
Никто в окрестности у нас
Так не зовет рожком овец,
Так не ведет девчонку в пляс.

Сказал он: нет синее глаз,
Нет стана тоньше моего.
О, как блажен короткий час,
Когда кругом нет никого.

Он целый день пасет овец
В грозу и ливень, в снег и зной.
Я жду: когда же наконец
Погонит стадо он домой!

И только вечером я с ним.
Меня в объятия заключив,
Клянется Джоки быть моим
И быть со мной, покуда жив.

Когда молодежь на траве среди луга
Плясала под вечер Иванова дня,
Я вновь увидала неверного друга,
И рана открылась в душе у меня.

О скорби своей не скажу я ни слова.
Меня мой любимый успел разлюбить,
Но, может быть, в мире я встречу другого.
Не мог же он сердце навеки разбить.

До света мне слезы уснуть не давали,
Лились, будто ливень из туч грозowych.
Ах, горькие слезы, без вас бы едва ли,
Любовь пережив, я осталась в живых.

Пускай серебро его блеском пленило,
Неверного друга не стану винить.
Но, если мне сердце его изменило,
Мое не могло бы ему изменить.

БРАСАВИЦЫ ДЕРЕВНИ МОХЛИН

В деревне Мохли́н есть на славу невесты,
Красавиц таких нелегко отыскать.
Их платья, походка, манеры и жесты
Парижа и Лондона носят печать.

Мисс Миллар стройнее и тоньше, чем фея.
Мисс Маркланд мила, но умнее мисс Смит.
Мисс Бетти — румяна, мисс Мортон — с приданым,
Но всех их, конечно, Джин Армор затмит.

* * *

Всеми забыта, нема,
Лишена тепла и движенья
Та, что была мотыльком
И летела на свет и тепло.

Только скудость ума
Отказать ей могла в уваженье,
Только отсутствие сердца
В любви отказать ей могло.

МИСС ФЕРРЬЕР

Порвал поэт и драматург
С язычницами узы.
Их в грош не ставит Эдинбург, —
Там есть живые музы.

Гомер прославил девять муз,
Но к черту суеверье!
Гораздо лучше девять мисс,
Прекрасных, как мисс Феррьер.

Вчера я был окутан мглой
И шел в тоске, в печали.
Закрыв туман густой, сырой
Передо мною дали.

Мой дух в унынии погряз,
Барахтался в бессилье.
Но на углу я встретил вас
И снова поднял крылья.

Я вам стихи на память шлю,
Навеянные вами.
И небеса за вас молю
И прозой и стихами!

* * *

Веселый май одел кусты.
Раскрылись свежие цветы.
В лучах зари проснулась ты,
Прелестнейшая Хлоя.

Набросив плащ, надев чулки,
Ты вышла к берегу реки,
О как шаги твои легки,
Прекраснейшая Хлоя.

Ты, как утро, хороша,
Чудо-Хлоя, прелесть-Хлоя.
Шла ты лугом, не спеша,
Чудеснейшая Хлоя.

* * *

Люблю один я городок,
А в нем люблю я дом один —
За то люблю я этот дом,
Что в нем живет малютка Джин.

Никто, никто узнать не мог,
Куда спешу я вновь и вновь.
Про это знает только бог
И только ты, моя любовь.

Ты ждешь во мраке под листвою
В полночный час, в урочный час.
Завидев нежный облик твой,
Люблю я больше во сто раз.

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

**ЭПИТАФИЯ
БЕЗДУШНОМУ ДЕЛЬЦУ**

Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело...
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!

ПОКЛОННИКУ ЗНАТИ

У него — герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...

Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях.

**НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
ШКОЛЬНОГО ПЕДАГАГА**

В крошечный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

**ПРИ ПОСЕЩЕНИИ
БОГАТОЙ УСАДЬБЫ**

Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья...

Так евнух знает свой гарем,
Не зная наслажденья.

НА ЛОРДА ГАЛЛОУЭЙ

I

В его роду известных много,
Но сам он не в почете.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте...

II

Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору —
Душе твоей под стать!

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Пусть книжный червь — жилед резного шкафа —
В порзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Прошел Джон Бушби честный путь.
Он жил с моралью в дружбе...
Попробуй, дьявол, обмануть
Такого Джона Бушби!

О ЧЕРЕПЕ ТУПИЦЫ

Господь во всем, конечно, прав.
Но кажется непостижимым,
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!

**НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
СЕЛЬСКОГО ВОЛОКНЫ**

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, слышал я,
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могила не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ОДНОЙ ОСОБЫ**

В году семьсот сорок девятом
(Точнее я не помню даты)

Лепить свинью задумал черт.

Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решение,

И вас он вылепил, милорд!

ПОТОМКУ СТЮАРТОВ

Нет, вы — не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!

**НА БЛАГОДАРСТВЕННОМ МОЛЕБНЕ
ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ**

О лицемерье, служишь ты молебны
Над прахом всех загубленных тобой.
Но разве нужен небу гимн хвалебный
И благодарность за разбой?

**ОТВЕТ «ВЕРНОПОДДАННЫМ
УРОЖЕНЦАМ ШОТЛАНДИИ»**

Вы, верные трону, безропотный скот,
Пируйте, орите всю ночь напролет.

Позор ваш — надежный от зависти щит.
Но что от презрения вас защитит?

ПРИ ПОСЕЩЕНИИ РАЗРУШЕННОГО ДВОРЦА ШОТЛАНДСКИХ КОРОЛЕЙ

Когда-то Стюарты владели этим троном
И вся Шотландия жила по их законам.
Теперь без кровли дом, где прежде был престол,
А их венец с державой перешел
К чужой династии, к семье из-за границы,
Где друг за другом следуют тупицы.
Чем больше знаешь их, тиранов наших дней,
Тем презираешь их сильнее.

ПЕРЕВОДЧИКУ МАРЦИАЛА

О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел, —
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел!..»

**ОТВЕТ НА УГРОЗУ
ЗЛОНАМЕРЕННОГО КРИТИКА**

Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!

АКТРИСЕ МИСС ФОНТЕНЕЛЬ

Эльф, живущий на свободе,
Образ дикой красоты,
Не тебе хвала — природе.
Лишь себя играешь ты!

Позабудь живые чувства
И природу приневожь,
Лги, фальшивь, терзай искусство —
Вот тогда сыграешь роль!

**К ПОРТРЕТУ
ИЗВЕСТНОЙ МИСС БЕРНС**

Полно вам шипеть, как змеи!
Всех затмит она собой.
Был один грешок за нею...
Меньше ль было у любой?

**ЯРЛЫЧОК НА КАРЕТУ
ЗНАТНОЙ ДАМЫ**

Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,
Обгоняя возки, таратайки,
Но слетишь под откос, если оси колес
Ненадежны, как сердце хозяйки!

О ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ

— Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое? —
Меня любопытная леди спросила.

Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:
— Владеет любовь электрической силой,
А золото — проводник!

**КРАСАВИЦЕ,
ПРОПОВЕДУЮЩЕЙ СВОБОДУ
И РАВЕНСТВО**

Ты восклицаешь: «Равенство! Свобода!»
Но, милая, слова твои — обман.
Ты ввергла в рабство множество народа
И властвуешь бездушно, как тиран.

**НАДПИСЬ
НА МОГИЛЕ ЭСКВАЙРА,
КОТОРЫЙ БЫЛ
ПОД БАШМАКОМ У ЖЕНЫ**

Со дней Адама все напасти
Проистекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.

**ЭПИТАФИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ЛАТЫНИ**

Тебе мы кланяемся низко,
В последний раз сказав: «Аминь!»
Грешил ты редко по-английски.
Пусть бог простит твою латынь!

МИСС ДЖИНИИ СКОТТ

**О, будь у скóттов каждый клан
Таким, как Джинни Скотт, —
Мы покорили б англичан,
А не наоборот.**

ЛОРД-АДВОКАТ

Слова он сыпал, обуян
Ораторским экстазом,
И красноречия туман
Ему окутал разум.

Он стал затылок свой скрести,
Нуждаясь в смысле здоровом,
И где не мог его найти,
Заткнул прорехи правом...

**ПРОПОВЕДНИКУ
ЛЕММИГТОНСКОЙ ЦЕРКВИ**

Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви — этой холодней.
Не церковь, а какой-то лёдник.
А в ней холодный проповедник.

Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!

ТРАКТИРЩИЦЕ ИЗ РОСЛИНА

Достойна всякого почета
Владений этих госпожа.
В ее таверне есть работа
Для кружки, ложки и ножа.

Пускай она, судьбой хранима,
Еще полвека проживет.
И — верьте! — не промчусь я мимо
Ее распахнутых ворот!

О ПЛОХИХ ДОРОГАХ

Я ехал к вам то вплавь, то вброд.
Меня хранили боги.
Не любит местный ваш народ
Чинить свои дороги.

Строку из Библии прочти,
О город многогрешный:
Коль ты не выпрямишь пути,
Пойдешь ты в ад кромешный!

**НАДПИСЬ
НА МОГИЛЕ ЧЕСТОЛЮБЦА**

Покойник был дурак и так любил чины,
Что требует в аду короны сатаны.

— Нет, — молвил сатана. — Ты зол, и даже слишком,
Но надо обладать каким-нибудь умишком!

**ЭПИТАФИЯ
ТВЕРДОЛОБОМУ ТРУСУ**

Клади земли тончайший слой
На это сердце робкое,
Но башню целую построй
Над черепной коробкою!

ХУДОЖНИКУ

Прими мой дружеский совет:
Писать тебе не надо
Небесных ангелов портрет,
Рисуй владыку ада!

Тебе известней адский лорд,
Чем ангел белокурый.
Куда живее выйдет черт,
Написанный с натуры!

**ДЕВУШКЕ
МАЛЕНЬКОГО РОСТА**

На то и меньше мой алмаз
Гранитной темной глыбы,
Чтобы дороже в сто раз
Его ценить могли бы!

**ЭПИТАФИЯ
ВЛАДЕЛЬЦУ УСАДЬБЫ**

Джемс Грив Богхéd
Был мой сосед,
И, если в рай пошел он,
Хочу я в ад,
Коль райский сад
Таких соседей полон.

НЕТЛЕННЫЙ КАПИТАН

Пред тем, как предать капитана могиле,
Друзья бальзамировать сердце решили.
— Нет, — молвил прохожий, — он так ядовит,
Что даже червяк от него убежит!

В ЗАЩИТУ АКЦИЗНОГО

Вам, остроумцам, праздным и капризным,
Довольно издеваться над акцизным.

Чем лучше ваш премьер или священник,
С живых и мертвых требующий денег
И на приход глядящий с укори́зной?
Кто он такой? Духовный ваш акцизный!

**КАПИТАНУ РИДДЕЛЮ
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ГАЗЕТЫ**

Газетные строчки
Прочел я до точки,
Но в них, к сожалению, мало
Известий столичных,
Вестей заграничных.
И крупных разбоев не стало.

Газетная братья
Имеет понятие,
Что значат известка и глина,
Но в том, что сложнее, —
Ручаться я смею, —
Она, как младенец, невинна.

И это перо
Не слишком остро.
Боюсь, что оно не ответит
На все бесконечное ваше добро...
Ах, если б у солнца мне вырвать перо —
Такое, что греет и светит!

ТРИ ВЫВЕСКИ

I

Напоминает он лицом
Ту вывеску, что над крыльцом
Гремит, блестит,
Лаская слух и взор,
И говорит:
«Здесь постоянный двор».

II

Как эта голова чиста, пуста,
Припудрена, искусно завита!
Такую видишь в лавке брадобрея.
И каждый, кто проходит перед нею,
Одни и те же говорит слова:
— Вот голова!

III

А эта голова
Могучего напоминает льва,
Но только льва довольно мирного —
Трактирного.

**СТИХИ, НАПИСАННЫЕ АЛМАЗОМ
НА ОКНЕ ГОСТИНИЦЫ**

Мы к вам пришли
Не тешить взгляд
Заводом вашим местным,
А для того,
Чтоб смрадный ад
Был местом,
Нам известным.

Мы к вам стучались
Целый час.
Привратник не ответил.
И дай нам бог,
Чтоб так же нас
Привратник ада встретил!

**ЭПИТАФИЯ
СТАРУХЕ ГРИЗЗЕЛЬ ГРИМ**

Лежит карга под камнем сим.
И не могу понять я,
Как этой ведьме Гриззель Грим
Раскрыла смерть объятья!

**ЭПИТАФИЯ
ВИЛЬЯМУ ГРЭХЕМУ, ЭСКВАЙРУ**

Склонясь у гробового входа,
— О смерть! — воскликнула природа. —
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..

**НАДПИСЬ НА ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГЕ,
КОТОРАЯ ПРЕДПИСЫВАЛА ПОЭТУ
«СЛУЖИТЬ, А НЕ ДУМАТЬ»**

К политике будь слеп и глух,
Коль ходишь ты в заплатах.
Запомни: зрение и слух —
Удел одних богатых!

**ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ
КАПИТАНА ФРЕНСИСА ГРОУЗА**

Проведав, что Френсис в объятиях смерти,
Топ-топ — прибежали к одру его черти.
Но, слыша, как стонут под грузом больного
Тяжелые ножки кровати дубовой,
Они отказались принять его душу:
Легко ли поднять эту грузную тушу!

ЗЕРКАЛО

Ты обозвал меня совой,
Но сам себя обидел:
Во мне ты только образ свой,
Как в зеркале, увидел.

**ЗНАКОМОМУ,
КОТОРЫЙ ОТВЕРНУЛСЯ
ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПОЭТОМ**

Чего ты краснеешь, встречаясь со мной?
Я знаю: ты глуп и рогат.
Но в этих достоинствах кто-то иной,
А вовсе не ты виноват!

ДЖОНСОНУ

Мошенники, ханжи и сумасброды,
Свободу невзлюбив, шипят со всех сторон.
Но если гений стал врагом свободы, —
Самоубийца он.

**ЛОРДУ, КОТОРЫЙ НЕ ПУСТИЛ
В СВОИ ПАЛАТЫ ПОЭТА
И ЕГО ДРУЗЕЙ, ИНТЕРЕСОВАВШИХСЯ
АРХИТЕКТУРОЙ**

Пред нами дверь в свои палаты
Закрыли вы, милорд.
Но мы — не малые ребята,
А ваш дворец — не торт!

ЭПИТАФИЯ САМОУБИЙЦЕ

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.
Самоубийством от хлопот
Он господа избавил.

**ЭПИТАФИЯ
КРИКЛИВОМУ СПОРЩИКУ**

Ушел ли ты в блаженный рай
Иль в ад, где воют черти, —
Впервые этот вздорный лай
Услышат в царстве смерти.

**ЭПИТАФИИ
ЦЕРКОВНОМУ СТАРОСТЕ,
САПОЖНИКУ ГУДУ**

Пусть по приказу сатаны
Покойника назначат
В аду хранителем казны, —
Он ловко деньги прячет.

**МИСТЕРУ ВИЛЬЯМУ МОЛЬ ОФ ПАНМУР,
КОТОРОГО ПОЭТ УВИДЕЛ В НОВСМ
ОЛЕГАНТНОМ ФАЭТОНЕ НА СКАЧКАХ
(БЕГАХ)**

Я согласиться должен, что бесспорно
Твой новый фартон имел успех.
Так некий вор мечтал, чтоб выше всех
Ему соорудили столб позорный.

* * *

Недаром, видимо, господь
Когда-то посулил:
Не только души, но и плоть
Восстанет из могил.

А то б вовеки не воскрес
Души лишенный Кардонесс!

Из Вильяма Блейка

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

ПЕСНЯ

В полях порхая и кружась,
Как был я счастлив в блеске дня,
Пока любви прекрасный князь
Не кинул взора на меня.

Мне в кудри лилии он вплел,
Украсил розами чело,
В свои сады меня повел,
Где столько тайных нег цвело.

Восторг мой Феб воспламенил
И, упоенный, стал я петь...
А он меж тем меня пленил,
Раскинув шелковую сеть.

Мой князь со мной играет зло.
Когда пою я перед ним,
Он расправляет мне крыло
И рабством тешится моим.

КОРОЛЬ ГВИН

Баллада

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвип
Народов северной земли
Был грозный властелин,

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля.
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гбрдред между скал,
Тирана лютый враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

С. Маршак. Вересковый мед, 1947 г.

Шмуцтитул к стихотворениям Р. Бернса
художника В. Лебедева

С. Я. Маршак у входа в дом, где умер Роберт Бернс,
г. Дамфрис, июль 1955 г.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит поднимет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьём,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед. —
Смотрите, Гóрдред-исполин
Навстречу нам идет! ...

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гóрдред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин.
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

ИГРА В ЖМУРКИ

Только снег разодевет Сусанну в меха
И повиснет алмаз на носу пастуха,
Дорога́ мне скамья пред большим очагом
Да огнем озаренные стены кругом.

Горою уголь громоздите,
А поперек бревно кладите.
И табуретки ставьте в круг
Для наших парней и подруг.

В бочонке эль темней ореха.
Любовный шепот. Взрывы смеха,
Когда ж наскучит болтовня,
Затеём игры у огня.

Девчонки шустрые ребят
Кольнуть булавкой поровят.
Но не в долгу у них ребята —
Грозит проказницам расплата.

Вот Рбджер бровью подмигнул
И утащил у Долли стул.
И вот, не ждавшая подвоха,
Поцеловала пол дуреха!
Потом оправила наряд,
На Джона бросив томный взгляд.

Джон посочувствовал девчурке.
Меж тем играть решили в жмурки
И стали быстро убирать
Все, что мешало им играть.

Платок сложила Мэг два раза
И завязала оба глаза
Косому Виллу для того,
Чтоб он не видел ничего.

Чуть не схватил он Мэг за платье,
А Мэг, смеясь, к нему в объятья
Толкнула Роджера, но Вилл
Из рук добычу упустил.

Девчонки дразнят ротозея:
«Лови меня! Лови скорее!»
И вот, измаявшись вконец,
Бедняжку Кэт настиг слепец.
Он по пятам бежал вдогонку
И в уголок загнал девчонку.

— Попалась, Кэтти? Твой черед
Ловить того, кто попадет!
Смотри, вот Роджер, Роджер близко!.. —
И Кэтти быстро, словно киска,
В погоню кинулась за ним.
(Ему подставил ножку Джим.)

Надев платок, он против правил
Глаза свободными оставил.
И, глядя сквозь прозрачный шелк,
Напал на Джима он, как волк,
Но Джим ему не дался в руки
И с ног свалил малютку Сьюки.
Так не доводит до добра
Людей бесчестная игра!..

Но тут раздался дружный крик:
«Он видит, видит!» — крикнул Дэк.
«Ай да слепец!» — кричат ребята.
Не спорит Роджер виноватый.

И вот, как требует устав,
На Роджера наложен штраф:
Суровый суд заставил плу́та
Перевернуться трижды круто.
И, отпустив ему грехи,
Вертушка Кэт прочла стихи,
Чтобы игру начать сначала.
«Лови!» — вертушка закричала.

Слепец помчался напрямик,
Но он не знал, что хитрый Дик
Коварно ждет его в засаде —
На четвереньках — шутки ради.

Он так и грохнулся... Увы!
Все наши планы таковы.
Не знает тот, кто счастье ловит,
Какой сюрприз судьба готовит...

Едва в себя слепец пришел
И видит: кровью залит пол.
Лицо ощупал он рукою —
Кровь из ноздрей бежит рекою.
Ему раскаявшийся Дик
Расстегивает воротник,
А Сэм несет воды холодной.
Но все старанья их бесплодны.
Кровь так и льет, как дождь из туч,
Пока не приложили ключ
К затылку раненого. (С детства
Нам всем знакомо это средство!)

Вот что случается порой,
Когда плутуют за игрой.
Создать для плутовства препоны
Должны разумные законы.
Ну, например, такой закон
Быть должен строго соблюден:
Пусть люди, что других обманут,
На место потерпевших станут.

Давным-давно — в те времена,
Когда людские племена
На воле жили, — нашим дедам
Был ни один закон неведом.
Так продолжалось до тех пор,
Покуда не возник раздор,
И ложь, и прочие пороки, —
Стал людям тесен мир широкий.
Тогда сказать пришла пора:
— Пусть будет честная игра!

**ИЗ КНИГ «ПЕСНИ НЕВИННОСТИ» И
«ПЕСНИ ОПЫТА»**

Из «Песен невинности»

ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

ПАСТУХ

Как завиден удел твой, пастух.
Ты встаешь, когда солнце встает,
Гонишь кроткое стадо на луг,
И свирель твоя славу поет.

Зов ягнят, матерей их ответ
Летним утром ласкают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.

СМЕЮЩЕЕСЯ ЭХО

Солнце взошло,
И в мире светло.
Чист небосвод.
Звон с вышины
Славит приход
Новой весны.
В чаще лесной
Радостный гам
Вторит весной
Колоколам.
А мы, детвора,
Чуть свет на ногах.
Играем с утра
На вешних лугах,
И вторит нам эхо
Раскатами смеха.

Вот дедушка Джон.
Смеется и он.
Сидит он под дубом
Со старым народом,
Таким же беззубым
И седобородым.

Натешившись нашей
Веселой игрой,
Седые папаши
Бормочут порой:

— Кажись, не вчера ли
На этом лугу
Мы тоже играли,
Смеясь на бегу,
И взрывами смеха
Нам вторило эхо!

А после заката
Пора по домам.
Теснятся ребята
Вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних
Скворчата в скворешнях,
Готовясь ко сну,
Хранят тишину.

Ни крика, ни смеха
Впотьмах на лугу.
Устало и эхо.
Молчит, ни гу-гу.

АГНЕЦ

Агнец, агнец белый!
Как ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
Кто он, агнец милый?
Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.
Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!

ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я — одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток.

— Взгляни на Солнце, — там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик —
Ведь только тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»

Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай: если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты, —

Я заслоню тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Был я крошкой, когда умерла моя мать.
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давеча кудри у нас новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: — Полно! Не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос!

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты — Дик, Чарли и Джим, —
В черных гробиках тесных, свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел, — рассказывал Том, —
Наши гробики отпер блестящим ключом,
И стремглав по лугам мы помчались к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем песке.

Нагишом, налегке, без тяжелых мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряды облаков.
И смеющийся ангел сказал ему: «Том,
Будь хорошим — и бог тебе будет отцом!»

В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Где ты, отец мой? Тебя я не вижу,
Трудно быстрее мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!»

Долго он звал, но отец был далеко.
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Маленький мальчик, устало бредущий
Вслед за болотным огнем,
Звать перестал. Но отец вездесущий
Был неотлучно при нем.

Мальчика взял он и краткой дорогой,
В сумраке ярко светя,
Вывел туда, где с тоской и тревогой
Мать ожидала дитя.

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех, —
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

ИЗ «КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ»

Сон, сон,
Полог свой
Свей над детской головой.
Пусть нам снится звонкий ключ,
Тихий, тонкий лунный луч.

Легким трепетом бровей
Из пушинок венчик sweй.
Обступи, счастливый сон,
Колыбель со всех сторон.

Сон, сон,
В эту ночь
Улетать не думай прочь.
Материнский нежный смех,
Будь нам лучшей из утех.

Тихий вздох и томный стон,
Не тревожьте детский сон.
Пусть улыбок легкий рой
Сторожит ночной покой.

Спи, дитя, спокойным сном.
Целый мир уснул кругом,
Тихо дышит в тишине,
Улыбается во сне...

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

По городу проходят ребята по два в ряд,
В зеленый, красный, голубой одетые наряд.
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица.
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум, невинный гул ягнят.
Ладони сложены у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных.
Внизу их пастыри сидят, заступники сирот.
Делайте жалость — и от вас ваш ангел не уйдет.

Н О Ч Ь

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут
И льют благословенье
На каждое растение,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стоп
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух
Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: «Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

ВЕСНА

Чу, свирель!
Смолкла трель...
Соловей —
Меж ветвей.
Жаворонок в небе.
Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух — на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Милый мой ягненок,
Голосок твой тонок.
Ты ко мне, дружок, прильщи,
Язычком меня лизни.
Дай погладить, потрепать
Шерстки шелковую прядь.
Дай-ка поцелую
Мордочку смешную.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня.
В сердце тихо, и тихо вокруг.

— Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли — и спать. Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.

— Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем — птицы реют кругом,
И блуждают стада по холмам.

— Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы. —
Снова топот и гам по лесам, по лугам,
А вдали отвечают холмы.

ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

С О Н

Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу: в травах меж сетей
Заблудился муравей.

Грустен, робок, одинок,
Обхватил он стебелек.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:

— Мураши мои одни.
Дома ждут меня они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой!

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
— Чей, — спросил он, — тяжкий стоп
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй до дому за ним —
Будешь цел и невредим!

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве близких вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжело стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, пленец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Из «Песен опыта»

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ ДЕВОЧКА

В будущем далеком
Вижу зорким оком,
Как от сна воспрянет
Вся земля — и станет
Кротко звать творца,
Как дитя — отца...
И бесплодный край
Расцветет, как рай!

В дебрях южной стороны,
В царстве ласковой весны
Крошка-девочка брела.
Утомилась и легла.

Ей седьмая шла весна.
Птичек слушая, она
Увлеклась и невзначай
Забрела в пустынный край.

«Сладкий сон, слети ко мне
В этой дикой стороне.
Ждет отец мой, плачет мать...
Как могу я мирно спать?

Баю-баюшки, баю...
Я одна в чужом краю.
Разве может дочка спать,
Если дома плачет мать?

Коль у мамы ноет грудь,
Мне здесь тоже не уснуть.
Если ж дома спит она,
Дочка плакать не должна...

Ты не хмурься, мрак ночной!
Полночь, сжался надо мной:
Подыми свою луну,
Лишь ресницы я сомкну!»

Сон тревогу превозмог.
Звери вышли из берлог
И увидели во мгле —
Спит младенец на земле.

Подошел к ней властный лев
И, малютку оглядев,
Тяжко прыгать стал кругом
По земле, объятой сном.

К детке тигры подошли,
Барсы игры завели...
И на землю, присмирив,
Опустился старый лев.

Он из пламенных очей
Светлых слез струил ручей,
И, склонив золотую прядь,
Стал он спящую лизать.

Львица, матери нежней,
Расстегнула платье ей,
И в пещеру — в тихий дом —
Львы снесли ее вдвоем.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Черный маленький мальчик на белом снегу.
«Чистить трубы кому?» — он кричит на бегу.
— Где отец твой и мать? — я спросил малыша.
— Оба в церкви, — сказал он, на пальцы дыша. —

Оттого, что любил я играть на лугу,
А зимою валяться в пушистом снегу,
Был я в черное платье, как в саван, одет
И пошел в трубочисты с младенческих лет.

Слышат мать и отец, что я песни пою.
И не знают, что жизнь загубили мою.
Славят бога они и попа с королем —
Тех, что рай создают на страданье моем.

МУХА

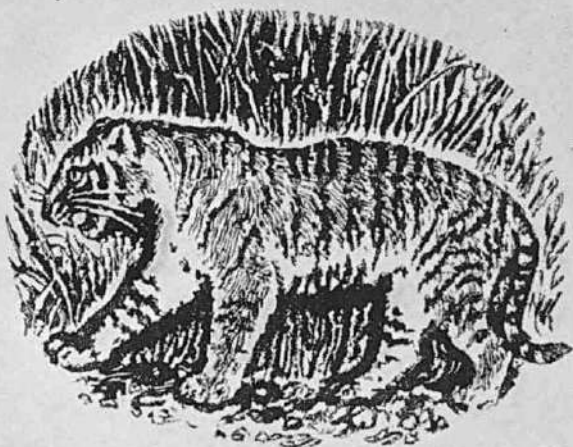
Бедняжка-муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет, —

Так пусть умру я
Или живу, —
Счастливой мухой
Себя зову.

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

С. Маршак. Избранные переводы, 1947 г.

Шмуцтитул художника В. Лебедева

Милой Софьюшке —
подарок из Лондона.

Сема и Зоя.

London, 4/III 1914

Беднотность влечёт к надежде,
Вз невольно тосковать вьшка,
Вз неспинки — мирь многоуверенный
и кельо — вь гашетки увьшка!

Если пашка вь киньки тпскай,
меркнеит вь шивви сводз небесный.

Адз колеблется, доколет
Душко гомубо вь невоит.

Малышки жаворонка ранитъ —
Аннеи нитъ вь разо не ситанейт.

Радостъ, грусть — узоръ два
Вь вивыки тиканья Божества.

Можно тосковать нитъ
Вь самой скорби разлучитъ

Такъ всегда велось око.
Такъ и быть оно должно.

Радостъ съ грустью начинаеи
Судьбою увьдаитъ нитъ.

Толкии эго, не жалудъ —
и пройдеи тернистый нитъ.

Дарственная надпись на книге стихов В. Блейка
(английское издание) с отрывком перевода из
«Прориданий невинности». Книга подарена С. Марша-
ком и его сестрой жене поэта — С. М. Маршак

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлеет огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

* * *

Есть шип у розы для врага,
А у барашка есть рога.
Но чистая лилия так безоружна,
И, кроме любви, ничего ей не нужно.

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

Л О Н Д О Н

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань и женский стон
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смирение.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доныне не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильнее
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: — Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги-школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распустившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листе румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.

ЗОЛОТАЯ ЧАСОВНЯ

Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарию,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.

Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

**ПЕСНЯ
ДИКОГО ЦВЕТКА**

Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:

— Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.

Раскрылся я, светел,
Пред самою зорькой,
Но свет меня встретил
Обидою горькой.

С Н Е Г

Зимою увидел я снежную гладь,
И снег попросил я со мной поиграть.

Играя, растаял в руках моих снег...
И вот мне Зима говорит: — Это грех!

* * *

Разрушьте своды церкви мрачной
И катафалк постели брачной
И смойте кровь убитых братьев —
И будет снято с вас проклятье.

МЕЧ И СЕРП

**Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.**

✱ ✱ ✱

Коль ты незрелым мигом овладел,
Раскаянье да будет твой удел.
А если ты упустишь миг крылатый,
Ты не уймешь вовеки слез утраты.

ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

**Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.**

**На лету целуй ее —
Утро вечности твое!**

ВОПРОС И ОТВЕТ

Расскажите-ка мне, что вы видите, дети?
— Дурака, что попался религии в сети.

БОГАТСТВО

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбудет с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

**РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА
С ПРИХОЖАНИНОМ**

- Мой сын, смирению учитесь у овец!..
- Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

* * *

К восставшей Франции мошенники Европы,
Как звери, отнеслись, а после — как холопы.

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

★ ★ ★

Я слышу зов, неслышный вам,
Гласящий: — В путь иди! —
Я вижу перст, невидный вам,
Горящий впереди.

[У Т Р О]

Ища тропинки на Закат,
Пространством тесным Гневных Врат
Я бодро прохожу.
И жалость кроткая меня
Ведет, в раскаянье стена.
Я проблеск дня слежу.

Мечей и копий гаснет бой
Рассветной раннею порой,
Залит слезами, как росой.
И солнце, в радостных слезах,
Преодолев свой тяжкий страх,
Сияет ярко в небесах.

* * *

Есть улыбка любви
И улыбка обмана и лести.
А есть улыбка улыбок,
Где обе встречаются вместе.

Есть взгляд, проникнутый злобой,
И взгляд, таящий презрение.
А если встречаются оба,
От этого нет исцеленья.

МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста — наступает весна».

Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное стбит любви и забот.

Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
И веселье продлить они были не прочь.
Мэри так же беспечно на праздник пришла,
Но друзей она больше в толпе не нашла.

Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
Кто добавил, что Мэри не знает стыда.
Будто ветер сырой налетел и унес
Депестки распустившихся лилий и роз.

«О зачем я красивой на свет рождена?
Почему не похожа на всех я одна?
Почему, одарив меня щедрой рукой,
Небеса меня предали злобе людской?»

— Будь смиренна, как агнец, как голубь, чиста,—
Таково, мне твердили, ученье Христа.
Если ж зависть рождаешь ты в душах у всех
Красотою своей, — на тебе этот грех!

Я не буду красивой, сменю свой наряд,
Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
Если ж кто предпочтет меня милой своей,
Я отвергну любовь и пошлю его к ней».

Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
«Сумасшедшая!» — крикнул мальчишка вослед.
Мэри скромный, но чистый надела наряд,
А вернулась забрызгана грязью до пят.

Вся дрожа, опустилась она на кровать,
И всю ночь не могла она слезы унять,
Позабыла про ночь, не заметила дня,
В чуткой памяти злобные взгляды храня.

Лица, полные ярости, злобы слепой
Перед ней проносились, как дьяволов рой.
Ты не видела, Мэри, луча доброты.
Темной злобы не знала одна только ты.

Ты же — образ любви, изнемогшей в слезах,
Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
Образ тихой печали, тоски роковой,
Что проводят тебя до доски гробовой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН И МАЛЮТКА МЭРИ БЭЛЛ

Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печенках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.

Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: «Любовь — великий грех!»
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.

Попал к нему в печенки и начал портить кровь.
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С тех пор, как поселился голодный дьявол в нем.

— Должно быть, — люди говорят, — в него забрался волк! —
Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.
А фея пляшет и поет — так дьявол ей смешон.
И доплясалась до того, что умер длинный Джон.

Тогда плясунья-фея покинула орех.
С тех пор малютка Мэри не ведает утех.
Ее пустым орехом сам дьявол завладел.
И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.

* * *

Мой ангел, наклонясь над колыбелью,
Сказал: «Живи на свете, существо,
Исполненное радости, веселья,
Но помощи не жди ни от кого».

* * *

Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.

О БЛАГОДАРНОСТИ

От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему суждению, — святотатство.

ВЗГЛЯД АМУРА

На перси Хлои бросил взор крылатый мальчуган,
Но, встретив Зою, он глядит укладкой на карман.

* * *

Я встал, когда редела ночь.
— Поди ты прочь! Поди ты прочь!
О чем ты молишься, поклоны
Кладя пред капищем Мамоны?

Я был немало удивлен.
Я думал, — это божий трон.
Всего хватает мне, но мало
В кармане звонкого металла.

Есть у меня богатство дум,
Восторги духа, здравый ум,
Жена любимая со мною.
Но беден я казной земною.

Я перед богом день и ночь.
С меня он глаз не сводит прочь.
Но дьявол тоже неотлучен:
Мой кошелёк ему поручен.

Он мой невольный казначей.
Я ел бы пищу богачей,
Когда бы стал ему молиться.
Я не хочу, а дьявол злится.

Итак, не быть мне богачом.
К чему ж молиться и о чем?
Желаний у меня немного,
И за других молю я бога.

Пушай дает мне злобный черт
Одежды, пиши худший сорт, —
Мне и в нужде живетсЯ славнО...
А все же, черт, служи исправно!

- Что оратору нужно? Хороший язык?
— Нет, — ответил оратор. — Хороший парик!
— А еще? — Не смутился почтенный старик
И ответил: — Опять же хороший парик.
— А еще? — Он задумался только на миг
И воскликнул: — Конечно, хороший парик!
- Что, маэстро, важнее всего в портретисте?
Он ответил: — Особые качества кисти.
— А еще? — Он, палитру старательно чистя,
Повторил: — Разумеется, качество кисти.
— А еще? — Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: — Высокое качество кисти!

**ВИЛЬЯМУ ХЕЙЛИ
О ДРУЖБЕ**

Врагов прощает он, но в том беда,
Что не прощал он друга никогда.

ЕМУ ЖЕ

Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади,
Ах, будь моим врагом, хоть дружбы ради!

МОЕМУ ХУЛИТЕЛЮ

Пусть обо мне ты распускаешь ложь,
Я над тобою не глумлюсь тайком.
Пусть сумасшедшим ты меня зовешь,
Тебя зову я только дураком.

ЭПИТАФИЯ

Я погребен у городской канавы водосточной,
Чтоб слезы лить могли друзья и днем и еженочно.

ИЗ «ПРОРОЧЕСКИХ КНИГ»

Книга Тэль

* * *

Известно ль орлу, что таится в земле?
Иль крот вам скажет о том?
Как мудрость в серебряном спрятать жезле,
А любовь — в ковше золотом?

I

В долине дщери Серафимов пасли своих овец.
Но Тэль, их младшая сестра, блуждала одиноко,
Готова с первым дуновеньем исчезнуть навсегда.
Вдоль по течению Адоны несется скорбный ропот,
И льются тихие стenanья, как падает роса.

— О ты, бегущая вода! Зачем твой лотос вянет?
Твоих детей печален жребий: мгновенный смех и смерть.
Ах, Тэль — как радуга весны, как облако в лазури,
Как образ в зеркале, как тени, что бродят по воде,
Как мимолетный детский сон, как резвый смех ребенка,
Как голос голубя лесного, как музыка вдали.
Скорей бы голову склонить, забыться безмятежно
И тихо спать последним сном и слышать тихий голос
Того, кто по саду проходит вечернею порой.

Невинный ландыш, чуть заметный среди смиренных трав,
Прекрасной девушке ответил: — Я — тонкий стебелек,
Живу я в низменных долинах; и так я слаб и мал,
Что мотылек присесть боится, порхая, на меня.

Но небо благостно ко мне, и тот, кто всех лелеет,
Ко мне приходит в ранний час и, осенев ладонью,
Мне шепчет: «Радуйся, цветок, о лилия-малютка,
О дева чистая долин и ручейков укромных.
Живи, одевшись в ткань лучей, питайся божьей манпой,
Пока у звонкого ключа от зноя не увянешь,
Чтоб расцвести в долинах вечных!» На что же ропщет Тэль?
О чем вздыхает безутешно краса долины Гар?

Цветок умолк и притаился в росистом алтаре.

Тэль отвечала: — О малютка, о лилия долин,
Ты отдаешь себя усталым, беспомощным, немым,
Ты нежишь кроткого ягненка: молочный твой наряд
С восторгом лижет он и шиплет душистые цветы,
Меж тем как ты с улыбкой нежной глядишь ему в глаза,
Сметая с мордочки невинной прилипший вредный сор.
Твой сок прохладный очищает густой янтарный мед.
Дыша твоим благоуханьем, окрестная трава
Живит кормилицу-корову, смиряет пыл коня.
Но Тэль — как облако, случайно зажженное зарей.
Оно покинет трон жемчужный, и кто его найдет?

— Царица юная долин! — промолвил скромный ландыш,—
Ты можешь облако спросить, плывущее над нами,
Зачем на утренней заре горит оно и блещет,
Огни и краски рассыпая по влажной синеве.
Слети к нам, облако, помедли перед глазами Тэль!

Спустилось облако, а ландыш, головку наклонив,
Опять ушел к своим бессчетным заботам и делам.

II

— Скажи мне, облако, — спросила задумчивая Тэль, —
Как ты не ропщешь, не тоскуешь, живя один лишь час?
Но час пройдет, и больше в небе тебя мы не найдем.
И Тэль — как ты. Но Тэль тоскует, и нет ответа ей!

Главу златую обнаружив и выплыв на простор,
Сверкнуло облако, витая над головою Тэль.

— Ты знаешь, влагу золотую прохладных родников
Пьют наши кони там, где Лува меняет лошадей.
Ты смотришь с грустью и тревогой на молодость мою,
Скорбя о том, что я растаю, исчезну без следа.
Но знай, о девушка: растаяв, я только перейду
К десятикратной новой жизни, к покою и любви.
К земле спускаясь невидимкой, я чашечек цветов
Касаюсь крыльями, и фею пугливую — росу
Молю принять меня в прозрачный, сияющий шатер.
Рыдает трепетная дева, колени преклонив
Перед светилом восходящим. Но скоро мы встаем
Соединенной, неразлучной, ликующей четой,
Чтоб вместе странствовать и пищу нести цветам полей.

— Неужто, облачко? Я вижу, различен наш удел:
Дышу я тоже ароматом цветов долины Гар,
Но не кормлю цветов душистых. Я слышу щебет птиц,
Но не питаю малых пташек. Они свой корм в полях
Находят сами. Я исчезну, и скажут обо мне:
Без пользы век свой прожила сияющая дева,
Или жила, чтоб стать добычей прожорливых червей?..

С престола облако склонилось и отвечало Тэль:

— Коль суждено тебе, о дева, стать пищей для червей,
Как велико твое значенье, как чуден твой удел.
Все то, что дышит в этом мире, живет не для себя.
Не бойся, если из могилы червя я позову.
Явись к задумчивой царице, смиренный сын Земли!

Могильный червь приполз мгновенно и лег на влажный лист,
И скрылось облако в погоне за спутницей своей.

III

Бессильный червь лежал, свернувшись, на маленьком листке.

— Ах, кто ты, слабое создание? Ты—червь? И только червь?
Передо мной лежит младенец, завернутый в листок.
Не плачь, о слабый голосок! Ты говорить не можешь
И только плачешь без конца. Никто тебя не слышит,
Никто любовью не согреет озябшее дитя!..

Но глыба влажная земли малютку услышала,
Склонилась ласково над ним и все живые соки,
Как мать младенцу, отдала. И, накормив питомца,
Смиранный взгляд спокойных глаз на деву устремила.

— Краса долин! Мы все на свете живем не для себя.
Меня ты видишь? Я ничтожна, ничтожней в мире всех,
Я лишена тепла и света, темна и холодна.
Но тот, кто любит всех смиренных, льет на меня елей,
Меня целует, и одежды мне брачные дает,
И говорит: «Тебя избрал я, о мать моих детей,
И дал тебе венец нетленный, любви моей залог!»
Но что, о дева, это значит, понять я не могу.
Я только знаю, что дано мне жить и, живя, любить.

Тэль осушила легкой тканью потоки светлых слез
И тихо молвила: — Отныне не стану я роптать.
Я знала: друг всего живого не может не жалеть
Червя ничтожного и строго накажет за него
Того, кто с умыслом раздавит беспомощную тварь.
Но я не знала, что елеем и чистым молоком
Червя он кормит, и напрасно роптала на него,
Страшась сойти в сырую землю, покинуть светлый мир.

— Послушай, девушка, — сказала приветливо земля, —
Давно твои я слышу вздохи, все жалобы твои
Неслись над кровлею моею, — я привлекла их вниз.
Ты хочешь дом мой посетить? Тебе дано спуститься
И выйти вновь на свет дневной. Перешагни без страха
Своею девственной ногою запретный мой порог!

IV

Угрюмый сторож вечных врат засов железный поднял,
И Тэль, сойдя, узнала тайны невиданной страны,
Узрела ложа мертвецов, подземные глубины,
Где нити всех земных сердец гнездятся, извиваясь, —
Страну печали, где улыбка не светит никогда.

Она бродила в царстве туч, по сумрачным долинам,
Внимая жалобам глухим, и часто отдыхала
Вблизи неведомых могил, прислушиваясь к стонам
Из глубины сырой земли... Так, медленно блуждая,
К своей могиле подошла и тихо там присела,
И услышала скорбный гул пустой, глубокой ямы:

— Зачем всегда открыто ухо для роковых вестей,
А глаз блестящий — для улыбки, таящей сладкий яд?
Зачем безжалостное веко полно жестоких стрел,
Скрывая воинов бесчисленных в засаде, или глаз,
Струящий милости и ласки, червонцы и плоды?
Зачем язык медовой пылью ласкают ветерки?
Зачем в круговорот свой ухо втянуть стремится мир?
Зачем вдыхают ноздри ужас, раскрывшись и дрожа?
Зачем горящий отрок связан столь нежною уздой?
Зачем завеса тонкой плоти над логовом страстей?..

Тэль с криком ринулась оттуда — и в сумраке, никем
Не остановлена, достигла долин цветущих Гар.

Книга «Бракосочетание неба и ада»

Рйнтра ревет, потрясая огнями
В обремененном воздухе.
Тучи голодные носятся низко
Над бездной.

Некогда, кроток душой,
По опасной тропе
Праведный шел человек,
Пробираясь долиною смерти.

Розы цветут,
Где росли только тернии,
И над степным пустырем
Поют медоносные пчелы.

Так над бездной тропа расцвела,
И река и ручей
На скалу, и на камень могильный,
И на белые груды костей
Влажной, красной земли нанесли,

И тогда отказался злодей
От привычных тропинок покоя,
Чтоб ходить по опасной тропе
И того, кто кроток душой,
Выгнать снова в бесплодные степи.

И теперь перед нами змея
Выступает в невинном смирении,
А праведный человек
Буйным гневом бушует в пустыне,
Там, где ночью охотятся львы.

Ринтра ревет, потрясая огнями
В обремененном воздухе.
Тучи голодные носятся низко
Над бездной.

МИЛЬТОН

Три отрывка из поэмы

I

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

II

Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны —
Меж тем как жаворонок ранний на земляной постели
Сидит, прислушиваясь молча, едва забрезжит свет.
Но скоро, выпорхнув из моря волнующейся ржи,
Ведет он хор веселый дня —
Трель-трель, трель-трель, трель-трель, —
Взвиваясь ввысь на крыльях света — в безмерное
пространств

И звуки эхом отдаются, стократ отражены
Небесной раковиной синей. А маленькое горло
Работает, не уставая, и каждое перо
На горле, на груди, на крыльях трепещет от прилива
Божественного тока. Вся природа,
Умолкнув, слушает. И солнце на гребне дальних гор
Остановилось и глядит на маленькую птичку
Глазами страха, удивленья, смиренья и любви.
Но вот из-под зеленой кровли свой голос подают
Все пробудившиеся птицы дневные — черный дрозд,
Малиновка и коноплянка, щегол и королек —
И будят солнце на вершине от сладостного сна.
А там уж снова соловей зальется щедрой трелью,
Защелкает на все лады с заката до утра.
И всюду — в рощах и полях — с любовью, с изумленьем
Перед гармонией его умолкнет птичий хор.

III

Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный.
Но непонятно, как из центра столь малого кружка
Исходит столько аромата. Должно быть, мы забыли,
Что в этом центре — бесконечность, чьи тайные врата
Хранит невидимая стража бессменно день и ночь.

Едва рассвет забрезжит, радость всю душу распахнет
Благоухающую. Радость до слез. Потом их солнце
До капли высушит.

Сперва тимьян и кашка

Пушистая качнутся и, вспорхнув
На воздух, начинают танец дня
И будят жимолость, что спит, объемля дуб.

Вся красота земли, развев по ветру флаги,
Ликует. И, глаза бессчетные раскрыв,
Боярышник дрожит, прислушиваясь к пляске,
А роза спит еще. Ее будить не смеет
Никто до той поры, пока она сама,
Расторгнув пред собой пурпурный полог,
Не выйдет в царственном величье красоты.
Тогда уж все цветы — гвоздика, и жасмин,
И лилия в тиши — свое раскроют небо.
Любое дерево, любой цветок, трава
Наполнят воздух весь разнообразной пляской.
Но все же в лад, в порядке строгом. Люди
Больны любовью...

АФОРИЗМЫ

ИЗ «ПОСЛОВИЦ АДА»

В пору посева учись, в пору жатвы учи, зимою пользуйся плодами.

Гони свою телегу и свой плуг по костям мертвецов.

Дорога избытка ведет к дворцу мудрости.

Расчетливость — богатая и безобразная старая дева, за которой волочится бессилие.

Тот, кто желает, но не действует, плодит чуму.

Разрезанный червь прощает свою гибель плугу.

Погрузи в реку того, кто любит воду.

Дурак видит не то самое дерево, что видит мудрый.

Тот, чье лицо не излучает света, никогда не будет звездой.

Вечность влюблена в творения времени.

У занятой пчелы нет времени для скорби.

Время безумия может быть измерено часами, но время мудрости никаким часам не измерить.

Всякая здоровая пища добывается без сети и западни.

Вспомни число, вес и меру в голодный год.

Никакая птица не залетит слишком высоко, если она летит на собственных крыльях.

Высший поступок — поставить другого впереди себя.

Если бы дурак был настойчив и последователен в своей глупости, он стал бы мудрым.

Глупость — мантия плутовства.

Стыд — мантия гордости.

Тюрьмы построены из камней закона, публичные дома — из кирпичей религии.

Гордость павлина — слава божия.

Похоть козла — щедрость божия.

Гнев льва — мудрость божия.

Нагота женщины — дело рук божьих.

Избыток скорби смеется. Избыток радости плачет.

Львиный рык, волчий вой, рев бушующего моря и разрушительный меч — частицы вечности, слишком великие для людского глаза.

Лисица винит западню, а не себя.

Радости оплодотворяют. Скорби рождают.

Пусть мужчина носит львиную шкуру, женщина — овечье руно.

Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.

Себялюбивого, улыбающегося дурака и надутого, хмурого дурака пусть считают мудрыми, чтобы они послужили розгой.

То, что ныне доказано, некогда только воображалось.

Крыса, мышь, лисица, кролик следят за корнями; лев, тигр, конь, слон — за плодами.

Водоем содержит; фонтан переполняет.

Одна мысль заполняет бесконечность.

Всегда будь готов высказать, что у тебя на уме, и негодяй будет избегать тебя.

Все, во что можно поверить, есть подобие истины.

Орел никогда не терял понапрасну так много времени, как тогда, когда согласился учиться у вороны.

Лясица промышляет для себя сама, но бог спешествует льву.

Думай утром. Действуй в полдень. Ешь вечером. Спи ночью.

Тот, кто позволил вам обмануть себя, знает вас.

Как плуг следует за словами, так бог вознаграждает молитвы.

Тигры гнева мудрее, чем клячи наставления.

Жди яда от стоячей воды!

Ты никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно.

Прислушайся к упреку дурака! Это для тебя королевский титул.

Глаза огня, ноздри воздуха, уста воды, борода земли.

Слабый храбростью силен хитростью.

Яблоня не спрашивает у бука, как ей расти, лев у коня, как ему охотиться.

Благодарный пожинает богатый урожай.

Если бы другие не были дураками, мы были бы ими.

Душа чистого наслаждения никогда не может быть за-
грязнена.

Когда ты видишь орла, ты видишь частицу гения. Поды-
ми голову!

Как гусеница кладет яйца на лучшие листья, так свя-
щенник налагает проклятие на лучшие радости жизни.

Создание маленького цветка есть работа веков.

Проклятие бодрит, благословение расслабляет.

Лучшее вино — старое, лучшая вода — свежая.

Молитвы не падают; хвалы не жнут.

Радости не смеются, печали не плачут.

Голова — возвышенное, сердце — пафос, половая сфе-
ра — красота, руки, ноги — пропорции.

Что воздух птице, что вода рыбе, то презрение — пре-
зренному.

Ворона хотела бы, чтоб все на свете было черным, со-
ва — чтобы все было белым.

Если бы лев слушался совета лисы, он был бы хитрым.

Усовершенствование создает прямые дороги, но кривые дороги без усовершенствования есть дороги гения.

Лучше убить ребенка в колыбели, чем питать неосуществленные желания.

Где нет человека, природа бесплодна.

Истину нельзя рассказать так, чтобы ее поняли; надо, чтобы в нее поверили.

Довольно! — или слишком много.

ИЗ «ПРОРИЦАНИЙ НЕВИННОСТИ»

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка¹.

Если птица в клетке тесной—
Меркнет в гнев свод небесный.

Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе.

Дому жребий безысходный
Предвещает пес голодный.

Конь, упав в изнеможенье,
О кровавом молит мщенье.

Залц, пульей изувечен,
Мучит душу человечью.

Мальчик жаворонка ранит —
Ангел петь в раю не станет.

Петух бойцовый на дворе
Пугает солнце на заре.

¹ Мною переведена большая часть двустиший Вильяма Блейка, озаглавленных «Прорицания невинности». Точный порядок их не установлен. В разных английских изданиях они печатаются в различной последовательности. Это дает и мне право расположить их в том порядке, который представляется мне наиболее естественным и разумным. — С. М.

Львиный гнев и волчья злоба
Вызывают тень из гроба.

Лань, бродя на вольной воле,
Нас хранит от скорбной доли.

Путь летучей мыши серой —
Путь души, лишенной веры.

Крик совы в ночных лесах
Выдает безверья страх.

Кто глаз вола наполнил кровью,
Вовек не встретится с любовью.

Злой комар напев свой летний
С каплей яда взял у сплетни.

Гад, шипя из-под пяты,
Брызжет ядом клеветы.

Взгляд художника ревнивый —
Яд пчелы трудолюбивой.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Принца шелк, тряпье бродяги —
Плесень на мешках у скряги.

Радость, скорбь — узора два
В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь —
И пройдешь свой долгий путь.

Дело рук — топор и плуг,
Но рукам не сделать рук.

Каждый знает, что ребенок
Больше, чем набор пеленок.

Та слеза, что наземь канет,
В вечности младенцем станет.

Лай, мычанье, ржанье, вой
Плещут в небо, как прибой.

Ждет возмездья плач детей
Под ударами плетей.

Тряпки нищего в отрепья
Рвут небес великолепье.

Солдат с ружьем наперевес
Пугает мирный свод небес.

Медь бедника дороже злата,
Которым Африка богата.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава.

Смеющимся над детской верой
Сполна воздастся той же мерой.

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.

Кто веру детскую щадит,
Дыханье смерти победит.

Игрушкам детства — свой черед,
А зрелый опыт — поздний плод.

Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Отвечая на сомненье,
Сам теряешь разумеенье.

Сильнейший яд — в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.

Литая сталь вооруженья —
Людского рода унижение.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы.

Там, где в почете честный труд,
Искусства мирные цветут.

Сомненьям хитрого советчика
Ответьте стрекотом кузнечика.

Философия хромая
Ухмыляется, не зная,

Как ей с мерой муравьиной
Сочетать полет орлиный.

Не ждите, что поверит вам
Не верящий своим глазам.

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья.

Не грех, коль вас волнуют страсти,
Но худо быть у них во власти.

Для всей страны равно тлетворны
Публичный дом и дом игорный.

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.

Каждый день на белом свете
Где-нибудь родятся дети.

Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.

Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,

Потому что смертный глаз
В заблуждение вводит нас.

Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.

Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.

**ИЗ КНИГИ
«ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»**

Христос, которого я чту,
Враждебен твоему Христу.

С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.

Твой — друг всем людям без различья,
А мой слепым читает притчи.

Что ты считаешь райским садом,
Я назову крошечным адом.

Сократ милотов идеал
Народным бедствием считал.

И был Кайафа убежден,
Что благодетельствует он.

Мы смотрим в Библию весь день:
Я вижу свет, ты видишь тень.

Уж так ли кроток был Христос?
В чем это видно, — вот вопрос.

Ребенком он покинул дом.
Три дня искали мать с отцом.

Когда ж нашли его, Христос
Слова такие произнес:

— Я вас не знаю. Я рожден
Отцовский выполнить закон.

Когда богатый фарисей,
Явившись втайне от людей,

С Христом советоваться стал,
Христос железом начертал

На сердце у него совет
Родиться сызнова на свет.

Христос был горд, уверен, строг.
Никто купить его не мог.

Он звал хитро, ведя беседу,
— Я духом нищ — за мною следуй!

Вот путь единственный на свете,
Чтоб не попасть корысти в сети.

Предать друзей, любя врагов, —
Нет, не таков завет Христов.

Он проповедовал учтивость,
Смиренье, кротость, но не лъстивость.

Он, торжествуя, крест свой нес.
За то и был казнен Христос.

Антихрист, лъстивый Иисус,
Мог угодить на всякий вкус,

Не возмущал бы синагог,
Не гнал торговцев за порог

И, кроткий, как ручной осел,
Кайафы милость бы обрел.

Бог не писал в своей скрижали,
Чтобы себя мы унижали.

Себя унизив самого,
Ты унижаешь божество...

Ведь ты и сам — частица вечности.
Молись своей же человечности.

Из Вильяма Вордсворта

ЛЮБИ

I

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведal власть,
Доверю свой рассказ.

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.
А конь мой весело бежал —
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомой крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит,

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
«Что, если Люси умерла?» —
Сказал я в первый раз.

II

Среди пешоженных дорог,
Где ключ студеный бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет.

III

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона —
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

IV

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

КУКУШКА

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты — птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
И твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты — звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь, —
Все дальше и милей.

Я и сейчас люблю бывать
В твоём лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг.
Он — твой волшебный дом.

АГАСФЁР

Многопенные потоки,
Пробежав скалистый путь,
Ниспадают в дол глубокий,
Чтоб умолкнуть и заснуть.

Стая туч, когда смиритсЯ
Гнев грозы и гул громов,
Шлемом сумрачным ложится
На зубчатый ряд холмов.

День и ночь косуля скачет
По скалам среди высот,
Но ее в ненастье прячет
От дождя укромный грот.

Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон.

Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле, —
Рад он пристани родимой
На незыблемой скале.

Робкий страус до заката
По пескам стремит свой бег,
Но и он спешит куда-то
В сень родную — на ночлег...

Без конца моя дорога,
Цель все так же впереди,
И кочевника тревога
День и ночь в моей груди.

ЗЛАТООКИ

Я шел неведомой тропой,
Как тучка в небе, одинокий.
И вдруг у ног моих толпой
Зашелестели златооки.
В тени листвы у синих вод,
Нарядный, зыбкий хоровод.
Как звезд бесчисленных огни
Сверкают, в путь сливаясь млечный, —
Над краем озера они
Бежали цепью бесконечной
И все, качая головой,
Плясали резвый танец свой.
Кружились волны невдали
В лучах, но блеском и задором
Их златооки превзошли...
Глядел я долгим, жадным взором,
Не зная сам, как много дал
Мне их неожиданный карнавал.
Как часто, часто с этих пор,
Когда грущу я одинокий,
Вдруг ослепят духовный взор,
Дрожа, волнуясь, златооки.
Вновь сердце радости полно
И пляшет с ними заодно!

Из Самюэля Тейлора Кольриджа

Л Ь Ю Т И

Я над рекой блуждал всю ночь,
Милый призрак гнал я прочь.
Нет, образ Льюти, не зови,
В душе у Льюти нет любви!

Сиянье зыбкое луны
И звезды дрожащий след
Колебала грудь волны,
Но сильнее падал свет
На белеющий утес,
Скрытый сумраком ветвей...
Так белел меж темных кос
Лоб возлюбленной моей...

Нет, лживый призрак, не зови.
В душе у Льюти нет любви!

Я видел: медленно к луне
Тучка бледная плыла.
Вот просветлела в вышине
И, тая в радужном огне,
Лик луны заволокла.

О, как теперь напоена
Янтарным пламенем она!

Так Льюти я иду с тоской
И, встретив, радуюсь минуте
И бледной мертвенной щекой
Я пью румянец нежный Льюти...

Нет, лживый призрак, не зови —
В душе у Льюти нет любви!

Но тучка дальше плыть должна.
Зачем так скоро, о, побудь!
Но, видно, тучка не вольна,
И снова, пепельно-бледна,
Она плывет в далекий путь...

Так медленно отходит прочь
Все печальней,
Все бледней.
Она скользит в глухую ночь,
Как души мертвых в мир теней.

Так суждено мне без тебя,
О Льюти, в скорби изнемочь,
Томясь, тоскуя и любя!

Там — высоко во тьме ночной —
Я вижу дымку, пар сквозной
Бледней тончайших облаков —
Как бы зефиров легкий рой,
Резвясь на воле почью яспой,
Унес вуалевый покров
С груди покойницы прекрасной.

Ведь девы также умирали
От нежной страсти и печали...

Нет, лживый образ, не зови —
В душе у Льюти нет любви!

Чу, с обрыва ком за комом
Вниз летит при каждом шаге,
Будто гул, рожденный громом,
Глухо тонет в сонной влаге,

Два стройных лебедя в тиши
Проснулись, зыбля камыши.

О птицы снежные, как пышно
Скользите вы в лучах луны, —
Как будто музыке неслышной
Движенья плавные верны.

Всю ночь блуждайте вы вдвоем
В лучах луны, а спите днем!

Я знаю сад, где Лютя спит.
Беседка милую таит.
В саду жасмины пахнут сладко,
Над ложем свищет соловей.
О голос ночи, мне б украдкой
На миг проникнуть в глубь ветвей,
Как ты, незримый гость ночей!
Там дышат груди молодые,
Вздываясь тихо в сладком сне,
Как эти лебеди речные
На тихо зыблемой волне!

Нет, лживый призрак, не зови —
В душе у Лютя нет любви!

О, если б Лютя снился сон,
Что я лежу пред ней, безгласный,
Ее жестокостью сражен,
Но все ж, как призраки, прекрасный.

Я рад бы смерти, чтоб во сне
Вздохнула Лютя обо мне...

Из Джорджа Гордона Байрона

ПЕСНЬ ГРЕЧЕСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

О Греция, восстань!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь.

С презреньем сбросьте, греки,
Турецкое ярмо,
Кровью вражеской навеки
Смойте рабское клеймо!

Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Элады прежних дней.

Пусть встает на голос горна
Копьеносцев древних рать,
Чтоб за город семигорный
Вместе с нами воевать.

Спарта, Спарта, к жизни новой
Подымайся из руин
И зови к борьбе суровой
Вольных жителей Афин.

Пуškai в сердцах воскреснет
И нас объединит
Герой бессмертной песни,
Спартанец Леонид.

Он принял бой неравный
В ущелье Фермопил
И с горсточкою славной
Отчизну заслонил.

И, преградив теснины,
Три сотни храбрецов
Омыли кровью львиной
Дорогу в край отцов.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пуškai за нами следом
Течет тиранов кровь.

СТАНСЫ

Кто драться не может за волю свою,
Чужую отстаивать может.
За греков и римлян в далеком краю
Он буйную голову сложит.

За общее благо борись до конца,
И будет тебе воздаянье.
Тому, кто избегнет петли и свинца,
Пожалуют рыцаря званье.

РАССТАВАНИЕ

Помнишь, печалась,
Склонясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой.
В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час.

Был этот ранний
Холодный рассвет
Началом страданий
Будущих лет.
Удел твой — бесчестье.
Молвы приговор
Я слышу — и вместе
Мы делим позор.

В толпе твое имя
Тревожит любой.
Неужто родными
Мы были с тобой?
Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.

Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я также таю.
Коль будет свиданье
Дано нам судьбой,
В слезах и в молчанье
Встречусь с тобой!

ИЗ «ЕВРЕЙСКИХ МЕЛОДИЙ»

* * *

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит,
И легкий смех, как всплеск морской, —
Всё в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой,
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

* * *

Ты плачешь — светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.

Ты улыбулась — пред тобой
Сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.

* * *

Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.

Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд.
Пускай погас последний луч —
В душе горит закат.

СОЛНЦЕ БЕССОННЫХ

Бессонных солнце — скорбная звезда,
Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нем темнее кажется нам ночь.
Ты — память счастья, что умчалось прочь.

Еще дрожит бывшего смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далек!..

* * *

Не бродить нам вечер целый
Под луной вдвоем,
Хоть любовь не оскудела
И в полях светло, как днем.

Переживет ножны клинок,
Душа живая — грудь.
Самой любви приходит срок
От счастья отдохнуть.

Пусть для радости и боли
Ночь дана тебе и мне, —
Не бродить нам больше в поле
В полночь при луне.

О СЛАВЕ

Перед тобою — Марциал.
Его сатиры ты читал.
Тебе доставил он забаву.
Воздай же честь ему и славу,
Доколе жив еще поэт.
В посмертной славе толку нет!

НА ПОСЕЩЕНИЕ ПРИНЦЕМ-РЕГЕНТОМ КОРОЛЕВСКОГО СКЛЕПА

Клятвопреступники нашли здесь отдых вечный:
Безглавый Карл и Генрих бессердечный.
В их мрачном склепе меж надгробных плит
Король некоронованный стоит,
Кровавый деспот, правящий державой,
Властитель бессердечный и безглавый.

Подобно Карлу, верен он стране,
Подобно Генриху — своей жене.
Напрасна смерть! Бессилен суд небес!
Двойной тиран в Британии воскрес.
Два изверга извергнуты из гроба —
И в регенте соединились оба!

ТОСТ ЗА ДВОИХ

Да здравствует король —
Храни его, о боже.
И дерзкий претендент
Да процветает тоже!

Я пью за них двоих,
Не зная, кто ж на троне:
Законный ли король
Иль претендент в короне.

**НА СМЕРТЬ ПОЭТА
ДЖОНА КИТСА**

Кто убил Джона Китса?
— Я, — ответил свирепый журнал,
Выходящий однажды в квартал. —
Я могу поручиться,
Что убили мы Китса!

Кто стрелял в него первый?
— Я, — сказали в ответ
Бэрро, Саути и Мильмен, священник-поэт. —
Я из критиков первый
Растерзал ему нервы!

**ЭПИГРАММА
НА ВИЛЬЯМА КОББЕТА**

Твои, Том Прйи, он вырыл кости,
Но, бедный дух, имей в виду:
К нему ты здесь явился в гости —
Он навестит тебя в аду.

НА САМОУБИЙСТВО БРИТАНСКОГО МИНИСТРА КЕСТЛЕРИ

1

О Кестлери, ты — истый патриот.
Герой Катон погиб за свой народ,
А ты отчизну спас не подвигом, не битвой —
Ты злейшего ее врага зарезал бритвой!

2

Что? Перерезал глотку он наемни?
Жаль, что свою он полоснул последней!

3

Зарезался он бритвой, но заранее
Он перерезал глотку всей Британии.

ЭПИТАФИЯ МИНИСТРУ ПИТТУ

Два слова «ложь» и «ложе» так похожи —
Об этом говорит судьба иных вельмож.
В парламенте преподносил он ложь,
В аббатстве он покойся на ложе.

В ДЕНЬ МОЕЙ СВАДЬБЫ

Новый год... Все желают сегодня
Повторений счастливого дня.
Пусть повторится день новогодний,
Но не свадебный день для меня.

ЭКСПРОМТ

Озарен ее взглядом,
Мир окажется садом,
Снова рай мы увидим земной.

Будет новая Ева —
У запретного древа.
Кто откажется быть Сатаной!

Из Перси Биши Шелли

З И М А

Тоскует птица о любви своей
Одна в лесу седом.
Шурша, крадется ветер меж ветвей,
Ручей затянут льдом.

В полях живой травинки не найдешь.
Обнажены леса.
И тишину колеблет только дрожь
От мельничного колеса.

ЛЕТО И ЗИМА

I

Был ослепительный июньский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи
Плавучих гор — серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.

Все радовалось: лес, река и нивы.
Поблескивали в роще листья ивы.
И шелестела в тишине едва
Дубов столетних плотная листва...

II

Была зима — такая, что с ветвей
Комочком белым падал воробей.
Закованные в ледяные глыбы,
В речных глубинах задыхались рыбы.
И до сих пор не замерзавший ил
В озерах теплых, сморщившись, застыл.

В такую ночь в печах пылало пламя,
Хозяин с домочадцами, с друзьями
Сидел и слушал, как трещит мороз...
Но горе было тем, кто гол и бос!

МУЖАМ АНГЛИИ

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать
В шелк и бархат вашу знать,
Отдавать ей кровь и мозг,
Добывать ей мед и воск?

Пчелы Англии, зачем
Создавать оружие тем,
Кто оставил вам труды,
А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,
Мир, любовь, семейный круг,
Хлеб насущный, теплый дом,
Заработанный трудом?

Кто не сеет — жатве рад,
Кто не ищет — делит клад,
И мечом грозит не тот,
Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,
Тките ткань для тех, кто гол,
Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

Вы, подвальные жильцы,
Лордам строите дворцы,
И ваши цепи сотней глаз
Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,
Усердный плотник ладит гроб,
И белый саван шьет швея
Тебе, Британия моя!

ИЗ ДЖОНА КИТСА

С. Маршак. Вересковый мед, 1947 г.

Шмуцтитул к стихотворениям Д. Китса художника В. Лебедева

Осень (Д. Ките)

Гравюра художника В. Фаворского

— Ты слышишь Азиолы тихий зов?
Она блуждает в тишине лесов, —
Сказала Мэри. Мы сидели с ней,
Не зажигая свеч.

А я, предположив, что речь
Идет о некой путнице докучной,
Спросил: — Кто это Азиола? — И меня
Обрадовало то, что кличкой звучной
Не женщину зовут, чья болтовня
Нарушить бы могла покой наш краткий.
А Мэри, отгадав мои догадки,
Произнесла с улыбкою слова:
— Нет, это просто серая сова.

Из Джона Китса

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листе,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участием в летнем торжестве,
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуту или две.

Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. В полях метет метель,
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забившись где-то в щель,

И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

СЛАВА

Дикарка-слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждет ее, — тот честь ее порочит!

Она — цыганка. Нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Порт влюбленный! Заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простиись учтиво — и рабой
Она пойдет, быть может, за тобой!

**СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ШОТЛАНДИИ,
В ДОМИКЕ РОБЕРТА БЕРНСА**

Прожившему так мало бренных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.

Ячменный сок волнует кровь мою.
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И все же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

О С Е Н Ь

Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником,
Как переполнить сладостью плоды,
Чтобы они, созрев, сгибали ствол,
Распарить тыкву в ширину гряды,
Заставить вновь и вновь цвести сады,
Где носятся рои бесчисленных пчел, —
Пускай им кажется, что целый год
Продлится лето, не иссякнет мед!

Твой склад — в амбаре, в житнице, в дупле.
Бродя на воле, можно увидеть
Тебя сидящей в рыге на земле,
И веялка твою взвевает прядь.
Или в полях ты убираешь рожь
И, опьянев от маков, чуть вздремнешь,
Щадя цветы последней полосы,
Или снопы на голове несешь
По шаткому бревну через поток.
Иль выжимаешь яблоч терпкий сок
За каплей каплю долгие часы...

Где песни вешних дней? Ах, где они?
Другие песни славят твой приход.
Когда зажжет полосками огни
Над опустевшим жнивьем небосвод,

Ты слышишь: роем комары звенят
За ивами — там, где речная мель,
И ветер вдаль несет их скорбный хор.
То донесутся голоса ягнят,
Так выросших за несколько недель,
Малиновки задумчивая трель
И ласточек прощальный разговор!

* * *

Четыре разных времени в году.
Четыре их и у тебя, душа.
Весной мы пьем беспечно, на ходу
Прекрасное из полного ковша.

Смакуя летом этот вешний мед,
Душа летает, крылья распустив.
А осенью от бурь и непогод
Она в укромный прячется залив.

Теперь она довольствуется тем,
Что сквозь туман глядит на ход вещей.
Пусть жизнь идет неслышная совсем,
Как у порога льющийся ручей.

Потом — зима. Безлика и мертва.
Что делать! Жизнь людская такова.

* * *

Чему смеялся я сейчас во сне?
Ни знаменьем небес, ни адской речью
Никто в тиши не отозвался мне...
Тогда спросил я сердце человечье:

Ты, быющее, мой вопрос услышь, —
Чему смеялся я? В ответ — ни звука.
Тьма, тьма кругом. И бесконечна мука.
Молчат и бог и ад. И ты молчишь.

Чему смеялся я? Познал ли ночью
Своей короткой жизни благодать?
Но я давно готов ее отдать.
Пусть яркий флаг изорван будет в клочья.

Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильней.

СОНЕТ О СОНЕТЕ

Уж если суждено словам брести
В оковах тесных — в рифмах наших дней,
И должеп век свой коротать в плену
Сонет певучий, — как бы нам сплести
Сандалии потоньше, понежней
Порзии — для ног ее босых?
Проверим лиру, каждую струну,
Подумаем, что можем мы спасти
Прилежным слухом, зоркостью очей.
Как царь Мидас ревниво в старину
Хранил свой клад, беречь мы будем стих.
Прочь мертвый лист из лавровых венков!
Пока в неволе музы, мы для них
Гирлянды роз сплетем взамен оков.

С О Н Е Т

Тому, кто в городе был заточен,
Такая радость — видеть над собою
Открытый лик небес и на покое
Дышать молитвой, тихой, точно сон.

И счастлив тот, кто, сладко утомлен,
Найдет в траве убежище от зноя
И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времен.

И, возвращаясь к своему крыльцу,
Услышав соловья в уснувшей чаще,
Следя за тучкой, по небу скользящей,

Он погрустит, что к скорому концу
Подходит день, чтобы слезой блестящей
У ангела скатиться по лицу.

ДЕВОНШИРСКОЙ ДЕВУШКЕ

Девушка с фермы, куда ты идешь
И что ты несешь в корзинке?
Ты — сельская фея, ты сливок свежее.
Не дашь ли хлебнуть мне из крынки?

Люблю я, мой друг, зеленый твой луг
И склоны с блуждающим стадом.
Но быть бы вдвоем нам в местечке укромном,
Два бьющихся сердца — рядом!

Завешу я шалью твоей деревцо,
И, лежа в лесу на опушке,
Мы будем смотреть маргаритке в лицо
С душистой зеленой подушки!

[ЧИТАЯ ЧАПМЕНОВСКОГО ГОМЕРА]

Не по одной я странствовал земле,
И многим царствам отдал я поклон.
Я обошел на быстром корабле
Те острова, где правил Аполлон.
И слышал о краях, где правил он —
Слепец с глубокой думой на челе.
Но только Чапмен в ясном хрустале
Мне показал Гомеров небосклон.

Из Альфреда Теннисона

У МОРЯ

Бей, бей, бей
В берега, многошумный прибой!
Я хочу говорить о печали своей,
Непокойное море, с тобой.

Счастлив мальчик, который бежит по песку
К этим скалам навстречу волне.
Хорошо и тому рыбаку,
Что поет свою песню в челне.

Возвращаются в гавань опять
Корабли, обошедшие свет.
Но как тяжело о мертвой руке тосковать,
Слышать голос, которого нет.

Бей, бей, бей
В неподвижные камни, вода!
Благодатная радость потерянных дней
Не вернется ко мне никогда.

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА

У мельника славные дочки.
И так мне одна дорога, дорога,
Что я бы хотел ее щечки
Коснуться, как эта серьга.

Меня бы укрыла волнистая прядь,
И милую шейку я мог бы ласкать.

Вокруг ее нежного стана
Хотел бы я быть пояском,
Чтоб сердце ее непрестанно
Со мной говорило тайком.

И знал бы я, верно ли бьется оно,
То нежной печали, то счастья полно.

И я бы хотел ожерельем
На белой груди ее стать,
Чтоб с грустью ее и весельем
Вздыматься и падать опять.

И я бы мечтал об одном, об одном —
Чтоб снять забывали меня перед сном.

ОРЕЛ

Вцепившись в голый горный склон
Когтистыми руками, он
Стоит, лазурью окружен.

Он видит, вдаль вперив свой взор,
В морщинах волн морской простор,
И громом падает он с гор.

Из Роберта Браунинга

В АНГЛИИ ВЕСНОЙ

Быть сегодня в Англии —
В этот день апреля!
Хорошо проснуться в Англии
И увидеть, встав с постели,
Влажные ветви па вязах и кленах
В маленьких, клейких листочках зеленых,
Слышать, как зяблик щебечет в саду
В Англии — в этом году!

А после апреля — в начале мая
Ласточки носятся не уставая.
И там, где цветет над оградой груша,
Цветом своим и росой осыпая
Поле, поросшее клевером, — слушай
Пенье дрозда. Повторяет он дважды
Песню свою, чтобы чувствовал каждый,
Что повторить он способен мгновенье
Первого, вольного вдохновенья.

И пусть еще хмурится поле седое,
В полдень проснутся от света и зноя
Лютики — вешнего солнца подарки.
Что перед ними юг этот яркий!

ФЛЕЙТИСТ ИЗ ГАММЕЛЬНА

I

Гаммельн — в герцогстве Брауншвейг,
С Ганно́вером славным в соседстве.
С юга его омывает река
Вёзер, полна, широка, глубока.
Приятней нигде не найдешь уголка.
Но многие слышали в детстве,
Что пять веков тому назад
Испытал этот город не бурю, не град,
А худшее из бедствий.

II

Крысы

Различных мастей, волосаты и лысы,
Врывались в амбар, в кладовую, в чулан,
Копченья, соленья съедали до крошки,
Вскрывали бочонок и сыпались в чан,
В живых ни одной не оставили кошки,
У повара соус лакали из ложки,
Кусали младенцев за ручки и ножки,
Гнездились, презрев и сословье и сан,
На донышках праздничных шляп горожан,
Мешали болтать горожанам речистым
И даже порой заглушали орган
Неистовым писком,
И визгом,
И свистом.

III

И вот повалила толпа горожан
К ратуше, угрожая.
— Наш мэр, — говорили они, — болван,
А советники — шалопаи!
Вы только подумайте! Должен народ
Напрасно нести непомерный расход,
Безмозглых тупиц одевая
В мантии из горносталя!

А ну, поломайте-ка голову, мэр,
И, ежели вы не предложите мер,
Как справиться с грызунами,
Ответите вы перед нами!
Обрюзгших и пухлых лентяев долой
С насиженных мест мы погоним метлой!

При этих словах задрожали
Старшины, сидевшие в зале.

IV

Молчало собрание, как будто печать
Навеки замкнула уста его.
— Ах! — вымолвил мэр. — Как хочу я бежать,
Продав этот мех горностаевый!
Устал я свой бедный затылок скрести.
Признаться, друзья, я не вижу пути
От крыс и себя и сограждан спасти...
Достать бы капкан, западню, крысоловку?..

Но что это? Шарканье ног о циновку,
Царапанье, шорох и легонький стук,
Как будто бы в дверь постучали: тук-тук.

— Эй, кто там? — встревоженный мэр прошептал,
От страха бледнея, как холст.
А ростом он был удивительно мал
И столь же немислимо толст.

При этом не ярче блестел его взгляд,
Чем устрица, вскрытая месяц назад.
А впрочем, бывал этот взор оживленным
В часы, когда мэр наслаждался зеленым
Из черепахи вареным бульоном.

Но звук, что на шорох крысиный похож,
В любую минуту вгонял его в дрожь.

V

— Ну что же, войдите! — промолвил он строго,
Стараясь казаться повыше немного.

Тут незнакомец в дверь вошел.
Двухцветный был на нем камзол —
Отчасти желтый, частью красный,
Из ткани выцветшей атласной.

Высоко голову он нес.
Был светел цвет его волос,
А щеки выдубил загар.
Не молод, но еще не стар,
Он был стройней рапиры гибкой.
Играла на губах улыбка,
А синих глаз лукавый взор
Подчас, как бритва, был остер.

Кто он такой, какого рода,
Худой, безусый, безбородый,
Никто вокруг сказать не мог.
А он, перешагнув порог,
Свободно шел, и люди в зале
Друг другу на ухо шептали:

— Какая странная особа!
Как будто прадед наш из гроба
Восстал для Страшного суда
И тихо движется сюда —
Высокий, тощий, темнолицый —
Из разрисованной гробницы!

VI

И вот не спеша подошел он туда,
Где мэр и старшины сидели,
И с низким поклоном сказал: — Господа,
Пришел толковать я о деле.
Есть у меня особый дар:
Волшебной силой тайных чар
Вести повсюду за собою
Живое существо любое,
Что ходит, плавает, летает,
В горах иль в море обитает.
Но чаще всего за собой я веду
Различную тварь, что несет нам беду.
Гадюк, пауков вызываю я свистом,
И люди зовут меня пестрым флейтистом.

И тут только каждому стало заметно,
Что шея у гостя обвита двухцветной
Широкою лентой, а к ней-то
Подвешена дудка иль флейта.
И стало понятно собравшимся в зале,
Зачем его пальцы все время блуждали,
Как будто хотели пройтись поскорее
По скважинам дудки, висевшей на шее.

А гость продолжал: — Хоть я бедный дударь,
Избавил я хана татарского встарь
От злых комаров, опустившихся тучей.
Недавно Низама я в Азии спас
От страшной напасти — от мыши летучей.
А если угодно, избавлю и вас —
Из Гаммельна крыс уведу я добром
За тысячу гульденов серебром.

— Что тысяча! Мы вам дадим пятьдесят! —
Прервал его мэр, нетерпением объят.

VII

Флейтист порог переступил,
Чуть усмехнувшись — оттого,
Что знал, как много тайных сил
Дремало в дудочке его.

Ее продул он и протер.
И вдруг его зажегся взор
Зелено-синими огнями,
Как будто соль попала в пламя.

Три раза в дудку он подул.
Раздался свист, пронесся гул.
И гул перешел в бормотанье и ропот.
Почудился армий бесчисленных топот.
А топот сменился раскатами грома.
И тут, кувыркаясь, из каждого дома
По лестницам вверх и по лестницам вниз —
Из всех погребов, с чердаков на карниз
Градом посыпались тысячи крыс.

Толстые крысы, худые, поджарые,
Серые, бурые, юные, старые, —
Всякие крысы любого размера:
Крупный вор и жулик мелкий,
Молодые кавалеры —
Хвост трубой, усы как стрелки, —
Крысы-внуки, крысы-деды,
Сыроеды, крупоеды, —
Все неслись за голосистой
Дудкой пестрого флейтиста.

Прошел квартал он за кварталом.
А крысы вслед валили валом,
Одна другую обгоняя.
И вдруг бесчисленная стая
Танцующих, визжащих крыс
Низверглась с набережной вниз
В широкий, полноводный Везер...

Одна лишь смелая, как Цезарь,
Часа четыре напролет
Плыла, разбрызгивая воду.
И, переплыв, такой отчет
Дала крысиному народу:

— Едва лишь флейта зазвучала,
Как нам почудилось, что сало
Свиное свежее скребут
И яблоки кладут под спуд.

И плотный круг сдвигают с бочки,
Где заготовлены грибочки,
И нам отпирают таинственный склад,
Где сыр и колбасы струят аромат,
Вскрываются рыбок соленых коробки,
И масла прованского чмокают пробки.
На тех же бочонках, где масло коровье,
Все обручи лопнули — ешь на здоровье!

И голос, приятнее в тысячу раз
Всех ангельских арф и лир,
Зовет на великое празднество нас:
«Радуйтесь, крысы! Готовится пир
Всех ваших пирушек обильней.
Отныне навеки становится мир
Огромной коптильней-солильной.

Всем, кто хочет, можно, дескать,
Чавкать, хрупать, лопать, трескать,
Наедаться чем попало
До отказа, до отвала!»

И только слышались эти слова,
Как вдруг показалась громада —
Прекрасная, гладкая голова
Сверкающего рафинада.
Как солнце, она засияла вблизи,
И шепот раздался: «Приди и грызи!»
Но поздно!.. Уже надо мною
Катилась волна за волною...

VIII

Экая радость у граждан была!
Тах они били в колокола,
Что расшатали свои колокольни.
Не было города в мире довольней.
Мэр приказал: — До ночной темноты
Все вы должны приготовить шесты.
Норы прочистить, где крысы кишели.
Плотники! Плотно заделайте щели,

Чтобы не мог и крысенок пролезть,
Духу чтоб не было мерзостной твари! —
Вдруг появился флейтист на базаре.
— Тысячу гульденов, ваша честь!

IX

— Тысячу гульденов? — Мэр городской
Ошеломлен был цифрой такой.
Было известно ему, что казна
В городе Гаммельне разорена.
Столько рейнвейна и вин заграничных
На торжествах и обедах публичных
Выпили дружно мэр и старшины...

Тысяча гульденов? Нет, половины
Хватит на то, чтоб напоить вином
Бочку, огромную с высохшим дном!

Можно ли тысячу гульденов даром
Бросить бродяге с цыганским загаром,
Дать проходимцу, который притом
В город явился, одетый шутом?..

Мэр подмигнул музыканту: — Мы сами
Видели нынче своими глазами —
Крысы погибли в реке, как одна,
И не вернутся, конечно, со дна.

Впрочем, мой друг, городская казна
Что-то за труд заплатить вам должна,
Скажем — на добрую пинту вина.
Это совсем неплохая цена
За то, что минутку
Дули вы в дудку.
А тысячу мы посулили вам в шутку.
И все же, хоть после бесчисленных трат
Бедный наш город стал скуповат, —
Гульденов мы вам дадим пятьдесят!

Х

Весь потемнел владелец дудки.
— В своем ли, сударь, вы рассудке?
К чему вся рта болтовня!
Довольно дела у меня.
К обеду я спешу отсюда
В Багдад, где лакомое блюдо
Готовит мне дворцовый повар.
С ним у меня такой был сговор,
Когда я вывел из притонов
Под кухней стаю скорпионов.
Я с ним не спорил о цене.
Но вы свой долг отдайте мне!
А если со мною сыграли вы шутку,
Звучать по-иному заставляю я дудку!..

XI

— Да как ты смеешь, — крикнул мэр, —
Мне ставить повара в пример!
Как смеешь, клоун балаганный,
Грозить нам дудкой деревянной.
Что ж, дуй в нее, покуда сам
Не разорвешься пополам!

XII

Снова на улицу вышел флейтист,
К флейте устами приник,
И только издал его гладкий тростник
Тройной переливчатый, ласковый свист,
Каких не бывало на свете, —

Послышалось шумное шарканье, шорох
Чьих-то шагов, очень легких и скорых.
Ладонки захлопали, ножки затопали,
Звонких сандалий подошвы зашлепали,
И, словно цыплята бегут за крупой,
Спеша и толкаясь, веселой толпой
На улицу хлынули дети.

Старшие, младшие,
Девочки, мальчики
Под флейту плясали, вставая на пальчики.

В пляске
Качались кудрей их колечки,
Глазки
От счастья свестились, как свечки.

С криком и смехом,
Звонким и чистым,
Мчались ребята
За пестрым флейтистом...

XIII

Мэр и советники замерли, словно
Их превратили в стоячие бревна.
Ни крикнуть они, ни шагнуть не могли,
Будто внезапно к земле приросли.
И только следили за тем, как ребята
С пляской и смехом уходят куда-то
Вслед за волшебником с дудкой в руке.
Вот уже с улицы Главной к реке
Манит ребят говорливая дудка.
Мэр и старшины лишились рассудка.
Вот уже Везера волны шумят,
Пересекая дорогу ребят...

Руки тряслись у старшин от испуга,
Свет в их глазах на мгновенье померк...
Вдруг повернула процессия с юга
К западу — к склонам горы Коппельберг.

От радости ожили мэр и старшины:
Могут ли дети дойти до вершины!
Их остановит крутая гора,
И по домам побежит детвора.

Но что это? В склоне открылись ворота —
Своды глубокого, темного грота.
И вслед за флейтистом в открывшийся вход
С пляской ушел шаловливый народ.

Только последние скрылись в пещере,
Плотно сомкнулись гранитные двери.

Нет, впрочем, один из мальчишек не мог
Угнаться за всеми — он был хромоног.
И позже, когда у него замечали
Близкие люди улыбку печали,
Он отвечал, что с той самой поры,
Как затворились ворота горы
И чудная дудка звучать перестала,
Скучно в родном его городе стало...

Он говорил: — Не увидеть
Мне никогда страны счастливой,
Куда от нас рукой подать,
Но где земля и камни живы,
Где круглый год цветут цветы
Необычайной красоты.
Где воробьи простые краше,
Чем яркие павлины наши,
Где жала нет у мирных пчел,
Где конь летает, как орел,
Где все вокруг не так, как дома,
А ново, странно, незнакомо...
И только показалось мне,
Что в этой сказочной стране
Я вылечу больную погу,
Скала закрыла мне дорогу,
И я, по-прежнему хромой,
Один, в слезах, побрел домой...

XIV

О горе Гаммельну! Богатый
Там начал думать над цитатой,
Что, как верблюду нелегко
Пролезть в игольное ушко,
Так и богатым в рай небесный
Не проползти тропинкой тесной...
Напрасно мэр гонцов и слуг
Послал на сотни верст вокруг

С такою трудною задачей:
Где б ни был этот шут бродячий,
Найти его и обещать
Вознаграждение любое,
Коль в город он придет опять
И приведет детей с собою...

Когда же мэр в конце концов
Узнал от слуг и от гонцов,
Что и флейтист исчез без вести,
И детвора с флейтистом вместе,
Созвал он в ратуше совет
И предложил издать декрет:

«Пусть ведают стряпчие и адвокаты:
Там, где в бумагах проставлены даты,
Должно добавить такие слова:
«Столько-то времени от рождества
И столько-то времени с двадцать второго
Июля — то есть со дня рокового,
Когда отцвела, не успевши расцвести,
Надежда народа всего городского —
В году от рождества Христова
Тысяча триста семьдесят шесть».

А путь последний детворы —
От набережной до горы —
Старшины города и мэр
Потомкам будущим в пример
Иль в память совести нечистой
Назвали Улицей Флейтиста.

Ни двор заезжий, ни трактир
Здесь нарушать не смеют мир.

Когда ж случится забрести
На эту улицу флейтистам
И огласить окрестность свистом, —
Дай бог им ноги упести!

А на колонне против скал,
Где некогда исчезли дети,
Их повесть город начертал
Резцом для будущих столетий.

И живописец в меру сил
Уход детей изобразил
Подробно на стекле узорном
Под самым куполом соборным.

Еще сказать я должен вам:
Слышал я, будто в наше время
Живет в одной долине племя,
Чужое местным племенам
По речи, платью и обрядам,
Хоть проживает с ними рядом.

И это племя в Трансильвании
От всех отлично оттого,
Что предки дальние его,
Как нам поведало предание,
Когда-то вышли на простор
Из подземелья в сердце гор,
Куда неведомая сила
Их в раннем детстве заманила...

XV

Тебе ж, мой мальчик, на прощанье
Один совет поберегу:
Давая, помни обещанье
И никогда не будь в долгу
У тех людей, что дуют в дудку
И крыс уводят за собой, —
Чтоб ни один из них с тобой
Не мог сыграть плохую шутку!

Из Данте Габриэля Россетти

БАЛЛАДА

Джон с войны пришел домой
Изнуренный и больной.

— В нашем доме радость, Джон:
Сын женой твоей рожден.

— Рад я, мать, но обо мне
Не спеши сказать жене.

Я устал, хочу я спать.
На полу стели мне, мать!

Лишь полночный грянул звон,
Душу богу отдал Джон...

— Что за стук, о мать моя,
Там за дверью слышу я?

— Дочка, плотник к нам пришел.
Чинит лестницу и пол.

— Что за пенье, мать моя,
Там за дверью слышу я?

— То церковный причт и хор
Мимо нас идут в собор.

— А теперь хочу я знать,
Отчего ты плачешь, мать.

— Дочка, горю не помочь.
Джон скончался в эту ночь.

— Мать, на кладбище вели
Отвести еще земли.

Нужно место нам двоим
С третьим — мальчиком моим!

Из Роберта Льюиса Стивенсона

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Шотландская баллада

Из вереска напиток
Забит давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистам берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли,
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

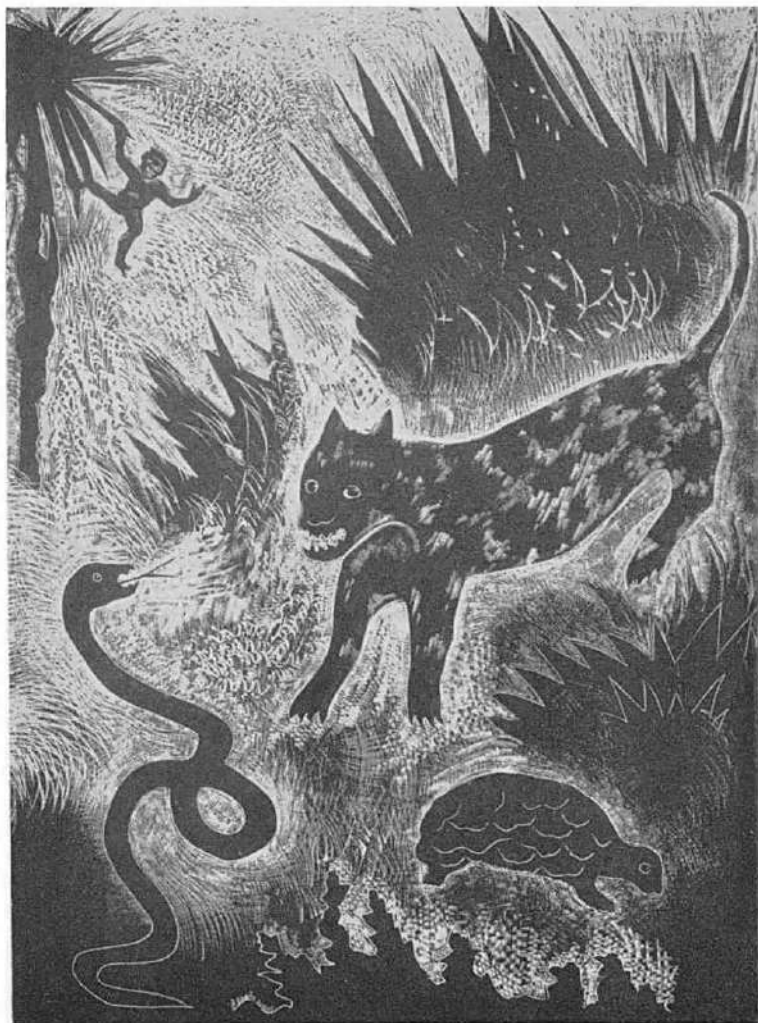
И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

ИЗ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

С. Маршак. Вересковый мед, 1947 г.

Шмуцтитул художника В. Лебедева

«На далекой Амазонке...» (Р. Киплинг)

Гравюра художника Д. Штеренберга

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробыный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
А я научу шотландцев
Готовить старинный мед!..

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

Из А. Э. Хаусмена

КТО ЭТОТ ГРЕШНИК?

Кто этот грешник юный в наручниках стальных,
И чем он так разгневал попутчиков своих?
Видно, вправду он виновен, если терпит град угроз...
Нет, ведут его в темницу за преступный цвет волос.

Человечество позорит непристойный этот цвет.
За него могли повесить поколения прежних лет.
От петли иль живодерни вряд ли ноги бы унес
Тот, кому дала природа ненавистный цвет волос.

Не жалея сил и денег, красил голову злодей
Или волосы под шляпой скрыть пытался от людей.
Но с него сорвали шляпу, и тотчас же на допрос
Был доставлен нечестивец, скрывший цвет своих волос.

Верно, ждут его в неволе невеселые деньки.
Там для рук его довольно приготовлено пеньки.
Иль долбить он будет камень в зной палящий и в мороз,
Лихом бога поминая за проклятый цвет волос.

Из Редьярда Киплинга

* * *

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

* * *

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт,
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, —

Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,
Пятьдесят вест!

* * *

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, —
Все знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Даю им отдых от забот —
Пушай не устают.
Они прожорливый народ —
Пушай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг, —
И всем покоя нет!

Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,

Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разгладят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

Кошка чудесно поет у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвет, догоняя меня,
Пробку с продетой веревкой.

Все же с тобою мы делим досуг,
Бинки послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),

Кошка, царапаясь, рвется из рук,
Фыркает, воеет, мяучит.
Бинки — мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши колени.
Только вы ляжете, кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь,
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь —
Значит, он друг настоящий!

* * *

Я — маленькая обезьянка,
Разумное существо.
Давай убежим на волю,
Не возьмем с собой никого!

В коляске приехали гости.
Пусть мама подаст им чай.
Уйти мне позволила няня,
Сказала: — Иди, не мешай!

Давай убежим к поросятам,
Взберемся с тобой на забор
И с маленьким кроликом будем
Оттуда вести разговор.

Давай все, что хочешь, папа,
Лишь бы только мне быть с тобой.
Исследуем все дороги,
А к ночи вернемся домой.

Вот твои сапоги, вот шляпа,
Вот трубка, табак и трость.
Бежим поскорее, папа,
Пока не заметил гость!

**ПЕСНЬ ДАРЗИ, ПТИЧКИ-ПОРТНЯЖКИ,
В ЧЕСТЬ ХРАБРОЙ МАНГУСТЫ
РИККИ-ТИККИ-ТАВИ**

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я — портной.
Домик из листьев я шью.
Здесь, на земле,
В небесах, над землею,
Шью я, и вью, и пою!

Радуйся, нежная мать, —
В битве убийца убит.
Пой свою песню опять, —
Недруг в могилу зарыт.
Злой кровопийца,
Таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз,
Тикки — бесстрашный герой,
Рик-Тикки-Тикки,
Герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей,
Трель вознеси к небесам.
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.

Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым,
Клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

О ВСАДНИКЕ И КОНЕ

Ни шпорой, ни плетью коня не тронь,
Не надо вступать с ним в спор.
Но может в пути минута прийти —
И почувствует взнузданный конь
Хлыста остроту, и железо во рту,
И стальные колесики шпор.

Е С Л И . . .

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова —
Без прежних сил — возобновить свой труд,

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вповь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» —

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, —
Земля — твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты — человек!

ТОММИ АТКИНС

Хлебнуть пивца я захотел и завернул в трактир.
— Нельзя! — трактирщик говорит, взглянув на мой мундир.
Девчонки мне смотрели вслед и фыркали в кулак.
Я усмехнулся, вышел вон, а сам подумал так:

«Солдат — туда, солдат — сюда! Солдат, крадись, как вор.
Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» — когда играют сбор.
Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.
«Любезный Аткинс, в добрый путь», — когда играют сбор».

Явился трезвого трезвей я в театральный зал.
Но пьяный щеголь сел на стул, где я сидеть желал.
Назад спровадили меня — под самый небосвод.
Но если пушки загремят, меня пошлют вперед!

Солдат — туда, солдат — сюда! Гони солдата вон!
Но если надо на войну, — пожалуйста в вагон.
В вагон пожалуйста, друзья, пожалуйста в вагон.
Но если надо на войну, пожалуйста в вагон!

Пускай вам кажется смешным грошовый наш мундир.
Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир.
И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.

Солдат — такой, солдат — сякой, бездельник и буян!
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан,
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он — храбрец, когда в строю зальется барабан.

Мы — не шеренга храбрецов и не толпа бродяг.
Мы — просто холостой народ, живущий в лагерях.
И, если мы подчас грешим — народ мы холостой, —
Уж извините: в лагерях не может жить святой!

Солдат — такой, солдат — сякой, но он свой помнит долг,
И, если пули засвистят, — в огонь уходит полк.
В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк,
Но, если пули засвистят, в огонь уходит полк!

Сулят нам лучший рацион и школы — черт возьми! —
Но научитесь, наконец, нас признавать людьми.
Не в корме главная беда, а горе наше в том,
Что в этой форме человек считается скотом.

Солдат — такой, солдат — сякой, и грош ему цена.
Но он — надежда всей страны, когда идет война.
Солдат — такой, солдат — сякой! Но как бы не пришлось
Вам раскусить, что он не глуп и видит все насквозь!

БАЛЛАДА О ЦАРИЦЕ БУ́НДИ

Он умирал, Удái Чанд,
Во дворце на крутом холме.
Всю ночь был слышен гонга звон.
Всю ночь из дома царских жен
Долетал приглушенный, протяжный стон,
Пропадая в окрестной тьме.

Сменяясь, вассалы несли караул
Под сводами царских палат,
И бледной светильни огонь озарял
Ульварскую саблю, тонкский кинжал,
И пламенем вспыхивал светлый металл
Марвáрских нагрудных лат.

Всю ночь под навесом на крыше дворца
Лежал он, удушьем томим.
Не видел он женских заплаканных лиц,
Не видел опущенных черных ресниц
Прекраснейшей Бунди, царицы цариц,
Готовой в могилу за ним.

Он умер, и факелов траурный свет,
Как ранняя в небе заря,
С башен дворца по земле пробежал —
От речных берегов до нависших скал.
И женщинам плакать никто не мешал
О том, что не стало царя,

Склонившийся жрец завязал ему рот.
И вдруг в тишине ночной
Послышался голос царицы: — Умрем,
Как матери наши, одеты огнем,
На свадебном ложе, бок о бок с царем.
В огонь, мои сестры, за мной!

Уж тронули нежные руки засов
Дворцовых дверей резных.
Уж вышли царицы из первых ворот.
Но там, где на улицу был поворот,
Вторые ворота закрылись, — и вот
Мятеж в голубятне затих.

И вдруг мы услышали смех со стены
При свете встающего дня:
— Э-гей! Что-то стало невесело тут!
Пора мне покинуть унылый приют,
Коль дом погибает, все крысы бегут.
На волю пустите меня!

Меня не узнали вы? Я — Азизун.
Я царской плясуньей была.
Покойник любил меня больше жены,
Но вдовы его не простят мне вины!.. —
Тут девушка прыгнула вниз со стены.
Ей стража дорогу дала.

Все знали, что царь больше жизни любил
Плясунью веселую с гор,
Молился ее плосконосым божкам,
Дивился ее прихотливым прыжкам
И всех подчинил ее тонким рукам —
И царскую стражу, и двор.

Царя отнесли в усыпальню царей,
Где таятся под кровлей гробниц
Драгоценный ковер и резной истукан.
Вот павлин золотой, хоровод обезьян,
Вот лежит перед входом клыкастый кабан,
Охраняя останки цариц.

Глашатай усопшего титул прочел,
А мы огонь развели.
«Гряди на прощальный огненный пир,
О царь, даровавший народу мир,
Властитель Люни и Джейсульмир,
Царь джунглей и всей земли!»

Всю ночь полыхал погребальный костер,
И было светло, как днем.
Деревья ветвями шуршали, горя.
И вдруг из часовни одной, с пустыря,
Женщина бросилась к ложу царя,
Объятому бурным огнем.

В то время придворный на страже стоял
На улице тихих гробниц.
Царя не однажды прикрыл он собой,
Ходил он с царем на охоту и в бой,
И был это воин почтенный, седой
И родич царицы цариц.

Он женщину видел при свете костра,
Но мало он думал в ту ночь,
Чего она ищет, скитаясь во мгле
По этой кладбищенской скорбной земле,
Подходит к огню по горячей золе
И снова отходит прочь.

Но вот он сказал ей: — Плясунья, сними
С лица этот скромный покров.
Царю ты любовницей дерзкой была,
Он шел за тобою, куда ты звала,
Но горестный пепел его и зола
На твой не откликнется зов!

— Я знаю, — плясунья сказала в ответ, —
От вас я прощенья не жду.
Творила я очень дурные дела,
Но пусть меня пламя очистит от зла,
Чтоб в небе я царской невестой была.
Другие пусть воют в аду!

Но страшно, так страшно дыханье огня,
И я не решусь никогда!
О воин, прости мою дерзкую речь:
Коль ты запятнать не боишься свой меч,
Ты голову мне согласишься отсечь? —
И воин ответил: — Да.

По тонкому, длинному жалу меча
Струилась полоскою кровь,
А воин подумал: «Царица-сестра
С почившим супругом не делит костра,
А та, что блудницей считалась вчера,
С ним делит и смерть и любовь!»

Ворочались бревна в палящем огне,
Кипела от жара смола.
Свистел и порхал по ветвям огонек
Голубой, как стального кинжала клинок.
Но не знал он, чье тело, чье сердце он жег...
Это Бунди-царица была.

ПЕХОТА В АФРИКЕ

В ногу, в ногу, в ногу, в ногу — мы идем по Африке.
Сотни ног, обутых в буцы, топают по Африке.
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Восемь, семь, пятнадцать миль, — тридцать нынче пройдено.
Десять, три, четырнадцать, — двадцать семь вчера прошли.
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Думай, думай, думай, думай, — думай хоть о чем-нибудь
Или станешь идиотом от такого топота.
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Считай, считай, считай, считай, патроны пересчитывай.
А если зазеваешься, — тебя раздавят тысячи.
Буцы, буцы, буцы, буцы втопчут в пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Голод, боль, бессонницу — все ты можешь вынести.
Но нельзя, нельзя, нельзя слышать, как без устали
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Днем еще туда-сюда — все же ты в компании.
Но когда кругом ни зги, только слышишь сапоги —
Только буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Сорок дней я был в аду и скажу по совести,
Там не жарят, не пекут, — там все то же, что и тут:
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

**НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СОЛДАТА —
БЫВШЕГО КОНТОРЩИКА**

Не плачьте, — сделала борьба
Свободным робкого раба.

И, став свободным, он открыл
В себе источник новых сил.

И силы отдал он свои
Товариществу и любви.

И, жизнь за дружбу положив,
Он пал, но вечно будет жив.

МАШИНЫ

Человек из-под земли нас откопал
И расплавил в огненной печи,
Дал нам блеск, и форму, и закал,
По размеру обстрогал и обточил.

Дайте воду нам и уголь в срок.
Смажьте маслом — и пустите в ход.
Выполнять мы будем свой урок
Дни и ночи, дни и ночи напролет.

Мы толкаем,
Тянем,
Гоним
И везем,
Ткем,
Печатаем
И строим —
Вместо вас,
Пилим
Доски
И взрываем
Чернозем,
Слышим,
Видим —
Без ушей
И глаз.

Мы послушны человеку, но заметь:
Нам чужда ошибка или ложь.

Ни прощать мы не умеем,

Ни жалеть —

За один случайный промах

Ты умрешь!

* * *

Не было краше Балкиды-царицы
В мире во все времена,
Но, как с подругой, могла сговориться
С бабочкой легкой она.

Был повелитель могучий и славный —
Азии царь Соломон.
Но с мотыльками, как с равными равный,
Часто беседовал он.

Сладко подумать о том, что когда-то
Два властелина земли
С бабочкой легкой, плясуньей крылатой,
В рощах беседы вели!

Из Вильяма Йейтса

СКРИПАЧ ИЗ ДУННИ

Когда я на скрипке играю,
Вся улица пляшет со мной.
Двоюродный брат мой — священник.
Священник и брат мой родной.

Но я не завидую братьям:
Им старый молитвенник мил,
А я себе песенник славный
На ярмарке сельской купил.

Когда постучимся мы трое
В день Судный у райских ворот,
Привратник нам всем улыбнется,
Но первым меня позовет.

Кто праведен сердцем, тот весел,
Коль скорбный не выдался час.
А веселые любят скрипку,
А веселые любят пляс.

СТАРАЯ ПЕСНЯ, ПРОЦЕТАЯ ВНОВЬ

Я ждал в саду под ивой, а дальше мы вместе пошли.
Ее белоснежные ножки едва касались земли.

— Любите, — она говорила, — легко, как растет листва. —
Но я был глуп и молод и не знал, что она права.

А в поле, где у запруды стояли мы над рекой,
Плеча моего коснулась она белоснежной рукой.

— Живите легко, мой милый, как растет меж камней трава. —
Но я был молод, и горько мне вспомнить ее слова.

Из Т.-С. Элиота

МАКАВИТИ

Макавити — волшебный кот. У нас его зовут
Незримой Лапой, потому что он великий плут.
В тупик он ставит Скотланд-Ярд¹, любой патруль, пикет...
Где был он миг тому назад — его и духу нет!

Макавити, Макавити, таинственный Макавити!
Законы наши соблюдать его вы не заставите.
Презрел он тяготения всемирного закон.
На месте преступления ни разу не был он.
Его преследуй по пятам, беги наперерез,
Иди по крышам, чердакам — Макавити исчез!

Он ярко-рыж, высок и худ, угрюмый кот-бандит,
Глаза ввалились у него, но в оба он глядит.
Морщины мыслей и забот на лбу его легли,
Усы не чесаны давно, и воротник в пыли.
Он так и вьется на ходу змеей среди кустов.
Вам кажется, что он уснул, а он к прыжку готов!

Макавити, Макавити, таинственный Макавити,
Он дьявол в образе кота, его вы не исправите.
У вас на крыше, на дворе встречает он рассвет,
Но на месте преступления никогда злодея нет!

¹ Скотланд-Ярд — штаб английской полиции.

По виду он — почтенный кот от лап до бакенбард,
И оттиска его когтей не сделал Скотланд-Ярд.
Но если ночью совершен на окорок палет,
Стекло разбито в парнике, дымят недостает,
Ограблен сейф, иль певчий дрозд погиб во цвете лет, —
Там без него не обошлось... Но там его уж нет!

А если в министерстве исчезнет договор
Или в Адмиралтействе чертеж похитит вор,
И вы найдете чей-то след у входа в кабинет, —
Искать его — напрасный труд: злодея нет как нет!

В секретном департаменте, наверно, скажут вам:
«Да тут не без Макавити... Но где теперь он сам?..»
Он отдыхает в тишине и лижет рыжий хвост
Иль смертности мышей и крыс учитывает рост.

Макавити, Макавити, единственный Макавити!
Его вы не отравите, его вы не удавите!
Он двадцать алиби подряд представит на суде,
Как доказательство того, что не был он нигде.

Я знаю множество других разбойников-котов,
Но я уверен, убежден и присягнуть готов,
Что все коты, которых ждет и ловит Скотланд-Ярд,
На побегушках у него, а он — их Бонапарт!

Из Эдварда Лира

ЭДВАРД ЛИР О САМОМ СЕБЕ

Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он — ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало.
Он привез их из множества стран.
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные.
Кот его называется Фосс.
Тело автора — шарообразное,
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: — Англича-
нин в халате бежал из больницы!

Он рыдает, бродя в одиночку
По горам, среди каменных глыб,
Покупает в аптеке примочку,
А в ларьке — марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети,
И не любит он пить рыбий жир...
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек — мистер Лир!

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Щипцы для орехов сказали соседям —
Блестящим и тонким щипцам для конфет:
— Когда ж, наконец, мы кататься поедем,
Покинув наш тесный и душный буфет?

Как тяжело томиться весною в темнице,
Без воздуха, света, в молчанье глухом,
Когда кавалеры и дамы в столице
Одно только знают, что скачут верхом!

И мы бы могли гарцевать по дороге,
Хоть нам не случалось еще до сих пор.
У нас так отлично устроены ноги,
Что можем мы ездить без седел и шпор.

— Пора нам, — вздохнули щипцы для орехов, —
Бежать из неволи на солнечный свет.
Мы всех удивим, через город проехав!
— Еще бы! — сказали щипцы для конфет.

И вот, нарушая в буфете порядок,
Сквозь шелку пролезли щипцы-беглецы,
И двух верховых, самых быстрых лошадок
Они через двор провели под уздцы.

Шарахнулась кошка к стене с перепугу,
Цепная собака метнулась за ней.
И мыши в подполье сказали друг другу:
— Они из конюшни уведут коней!

На полках стаканы зазвякали звонко.
Откликнулись грозным бряцаньем ножи.
От страха на голову стала солонка.
Тарелки внизу зазвенели: — Держи!

В дверях сковородка столкнулась с лоханью,
И чайник со свистом понесся вослед
За чашкой и блюдцем смотреть состязанье
Щипцов для орехов — щипцов для конфет.

И вот по дороге спокойно и смело,
Со шелканьем четким промчались верхом
Щипцы для орехов на лошади белой,
Щипцы для конфет на коне вороном.

Промчались по улице в облаке пыли,
Потом — через площадь, потом — через сад...
И только одно по пути говорили:
— Прощайте! Мы вряд ли вернемся назад!

И долго еще отдаленное эхо
До нас доносило последний привет
Веселых и звонких щипцов для орехов,
Блестящих и тонких щипцов для конфет...

КОТ И СОВА

Кот и Сова,
Молодая вдова,
Отправились по морю в шлюпке,
Взяв меду в дорогу
И денег немного
(Чтоб за морем делать покупки).

Сова, поглядев на луну,
На волну,
Запела под звон гитары:
«Ах, милый мой Кот, ты хорош
И пригож.
Давай обручимся — нигде не найдешь
Такой восхитительной пары,
Такой, такой,
Такой, такой,
Такой восхитительной пары».

«Голубушка! — Кот
В ответ ей поет. —
Как ваше прекрасно лицо!
На вас, моя птица,
Хочу я жениться,
Но где бы найти нам кольцо?»

И ночи и дни
Скитались они,
Покуда в прибрежном лесу,
У края земли,
Свинью не нашли
С кольцом обручальным в носу,
В носу, в носу,
В носу, в носу,
С кольцом обручальным в носу.

— Продашь ли колечко иль дашь нам без денег? —
Свинья отвечала: — Продам! —
И этим кольцом обручил их священник —
Индюк, оказавшийся там.

В тот день они ели
Бисквит, карамели,
А вечером, счастья полны,
Рука в руке,
На прибрежном песке
Плясали при свете луны,
Луны, луны,
Луны, луны,
Плясали при свете
Луны...

УТКА И КЕНГУРУ

Прокрякала Утка: — Мой друг Кенгуру,
Какой же ты сильный и ловкий!
Ты скачешь и в холод, и в дождь, и в жару,
Не зная в пути остановки.
А мне надоел этот илистый пруд,
Где жалкие слизи и жабы живут.
Неужто я, света не видя, умру?
Возьми меня в путь, Кенгуру!

Тебя я не буду тревожить никак, —
Добавила вкрадчиво Утка, —
Я буду молчать и скажу только «кряк»,
Коль станет особенно жутко.
Увижу я бурного моря прибой
И чаек свободных игру...
Возьми же меня поскорее с собой,
Любезнейший Кенгуру!

— Мне надо, — промолвил в ответ Кенгуру, —
Обдумать твое предложение.
Быть может, оно нам послужит к добру,
Но есть и одно возражение:
Меня ты прости, но учесть мы должны,
Что лапки твои чересчур холодны,
И если схвачу ревматизм,
То это не будет сюрпризом!

Прокрякала Утка: — О нет, пустяки!
Я знала, что очень ты зябкий,
И, видишь, надела тройные носки
Из шерсти и пуха на лапки.
Купила и плащ, чтоб не стыть на ветру
 Ни мне, ни тебе, Кенгуру!

— Ну что ж, я готов тебя в спутницы взять.
Смотри, как луна чиста!..
Но чтоб равновесья в пути не терять,
Садись-ка на кончик хвоста.

И вот они оба пустились в галоп
Вдоль горных дорожек и вьющихся троп,
По желтым пескам и лесному ковру —
 Утка и Кенгуру.

В СТРАНУ ДЖАМБЛЕЙ¹

В решете они в море ушли, в решете,
В решете по седым волнам.
С берегов им кричали: — Вернитесь, друзья! —
Но вперед они мчались — в чужие края —
В решете по крутым волнам.

Колесом завертелось в воде решето...
Им кричали: — Побойтесь греха!
Возвратитесь, вернитесь назад, а не то
Суждено вам пропасть ни за что, ни про что!.. —
Отвечали пловцы: — Чепуха!

Где-то, где-то вдали
От знакомой земли,
На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете.

Так неслись они вдаль в решете, в решете,
В решете, словно в гоночной шлюпке.
И на мачте у них трепетал, как живой,
Легкий парус — зеленый платок носовой
На курительной пенковой трубке.

¹ Джамбли — от английского слова «jumble» путаница.
(Примеч. С. Маршак)

И матросы, что с ними встречались в пути,
Говорили: — Ко дну они могут пойти,
Ведь немислимо плыть в темноте в решете,
В этой круглой дыравой скорлупке!

А вдали, а вдали
От знакомой земли —
Не скажу, на какой широте, —
Острова зеленели, где Джамбли живут,
Синерукие Джамбли над морем живут.

И неслись они вдаль в решете.

Но проникла вода в решето, в решето,
И, когда обнаружилась течь,
Обернули кругом от колен до ступни
Промокашкою розовой ноги они,
Чтоб от гриппа себя уберечь,
И забрались в огромный кувшин от вина
(А вино было выпито раньше до дна),
И решили немного прилечь...

Далеко-далеко,
И доплыть нелегко
До земли, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете...

По волнам они плыли и ночи и дни,
И едва лишь темнел небосклон,
Пели тихую лунную песню они,
Слыша гонга далекого звон:

«Как приятно нам плыть в тишине при луне
К неизвестной, прекрасной, далекой стране.
Тихо бьется вода о борта решета,
И такая кругом красота!..»

Далеко-далеко,
И доплыть нелегко
До страны, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете...

И приплыли они в решете, в решете
В край неведомых гор и лесов...
И купили на рынке гороха мешок,
И ореховый торт, и зеленых сорок,
И живых дрессированных сов,

И живую свинью, и капусту кочан,
И живых шоколадных морских обезьян,
И четырнадцать бочек вина Ринг-Бо-Ри,
И различного сыра — рокфора и бри, —
И двенадцать котов без усов.

За морями — вдали
От знакомой земли —
Есть земля, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут...

И неслись они вдаль в решете!

И вернулись они в решете, в решете
Через двадцать без малого лет.
И сказали друзья: — Как они подросли,
Побывав на краю отдаленной земли,
Повидав по дороге весь свет!

И во славу пловцов, что объехали мир,
Их друзья и родные устроили пир
И клялись на пиру: — Если мы доживем,
Все мы тоже туда в решете поплывем!..

За морями — вдали
От знакомой земли —
На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете!

КОМАР ДОЛГОНОГ И МУХА

1

Папаша Комар Долгоног,
В костюм серо-бурый одетый,
У моря бродил в стороне от дорог
В прекраснейший полдень лета.

Навстречу — мистер Зум-зум-зум,
Без умолку жужжащий,
Одетый в праздничный костюм,
Как зеркало, блестящий.

Пока часов протяжный бой
Их не позвал к обеду,
Они вели между собой
Приятную беседу.

Потом на золотом песке
Играли мирно в бильбоке.

2

Комар Долгоног, оглядевшись вокруг,
У друга спросил наконец:
— Почему никогда, уважаемый друг,
Не ездите вы во дворец?

Ведь так богат у вас наряд,
Как зеркало, блестящий,
Что двор, наверно, был бы рад
Вас принимать почаще.

Средь мрамора и хрусталя
Вы увидали б короля.
А рядом королева
Сидит на троне слева.

Сияет золотом их трон.
Она — в зеленом, в красном — он.

3

— Нет, — Зум-зум-зум сказал в ответ, —
Бывать я там не мог.
Я вам открою свой секрет:
Все горе — из-за ног!

Богат и пышен мой наряд,
Да ноги коротки.
Об этом в свете говорят
Все злые языки.

И, если я пойду в чертог,
Мне не простят коротких ног.
Король и королева
Сойдут с ума от гнева.

И, верно, скажет мне король:
«Ты, Муха, выйти вон изволь!»

4

— Мой друг, — немного погрустив,
Промолвил Зум-зум-зум, —
Прошу я: спойте мне мотив,
Какой придет на ум.

Бывало, слушать вашу трель
Любили окунь и макрель,
И краб, клешнями шевеля,
Пел вместе с вами: «Тру-ля-ля!»

Вы пели так, как ни одно
Земное существо.
Но не поете вы давно.
Скажите, отчего?

Хоть ради праздничного дня
Вы спойте нынче для меня!

5

— Мой друг, — ответил Долгоног, —
От вас не утаю,
Какое множество тревог
Терзает грудь мою.

Уж столько лет я петь не мог
Из-за ужасно длинных ног.
И эти ноги — целых шесть! —
Мне не дают ни лечь, ни сесть.

Шесть длинных ног — и там и тут —
Все время, кажется, растут.
Как на ходулях, я стою.
Вот отчего я не пою.

Мне пенье не идет на ум,
Любезный мистер Зум-зум-зум!

6

Тут мистер Комар Долгоног
И мистер Зум-зум-зум
Присели рядом на песок
Морской послушать шум.

И оба думали, полны
Тревоги и тоски:
То ноги чересчур длинные,
То слишком коротки!

Один не мог попасть в чертог
Из-за своих коротких ног.
Другой же песню спеть не мог
Из-за ужасно длинных ног...

Кругом царит такой сумбур.
Все в этом мире чересчур!

7

Мистер Комар Долгоног
И мистер Зум-зум-зум
К воде со всех пустились ног
Без цели, наобум.

Они вскочили в утлый бот,
Столкнув его легко,
И понеслись вдвоем вперед,
Далёко-далеко!..

Они приплыли невзначай
В Громбулианский славный край
И там на золотом песке
Играют мирно в бильбоке.

Пока протяжный бой часоз
Не возвестит: обед готов!

ПОББЛ, У КОТОРОГО НЕТ НА НОГАХ ПАЛЬЦЕВ

У Поббла Без Пальцев Ног
Были пальцы в былые года.
Но в ответ
На совет,
Чтоб он пальцы берег,
Отвечал он всегда:
— Ерунда!

А тетя Джобиска,
В сырую погоду
Давая племяннику
Хинную воду,
Клялась, что никто бы
Придумать не мог
Лекарства полезней
Для Поббловых ног.

Поббл Без Пальцев Ног,
Едва он немного подрос,
Бристольский канал
Пересек
Поперек,
Фланелью укутав нос.

От леди Джобиски он знал, что вода
Ногам никогда не приносит вреда
И тот, кто от холода нос уберег,
Навек не расстанется с пальцами ног.

В пути он все время повязку хранил,
А если встречал корабли,
«Динь-динь-дили-динь» — в колокольчик звонил,
Чтоб сбоку его обошли.

И каждый морской капитан, адмирал,
Увидев плывущего Поббля, кричал:
— Плывет он за рыбой для киски
Почтеннейшей леди Джобиски!

И вот уж близка его цель —
Почти переплыл он канал.
Как вдруг мимоходом цветную фланель
Дельфин с его носа сорвал.

Он на ноги бросил испуганный взгляд,
Где было на каждой минуту назад
Пять розовых пальцев, уложенных в ряд,
И замер в тоске и тревоге,
Увидев беспалые ноги.

И никто никогда не узнал —
И не сможет узнать, вероятно, —
Кто начисто пальцы ему обкорнал
Так быстро и так аккуратно:

Акула, чьи зубы кинжала острей,
А может, русалка — жилища морей,
А может быть, краб или вобла
Насытились пальцами Поббля...

Поббля Без Пальцев Ног
Уложили заботливо в барку,
А потом понесли
(Ведь ходить он не мог)
По тропинке к Джобискину парку.

И тетя от счастья, что он не погиб,
Устроила завтрак из жареных рыб —
Из тех, что в Бристольском канале
К племяннику в руки попали.

И Побблу сказала: — Конечно, беда,
Что пальцев своих ты лишен навсегда.
Но, если ты ноги без пальцев сберег,
Куда это лучше, чем пальцы без ног!

ЧИКИ-РИКИ — ВОРОБЕЙ

Чики-Рики — воробей
Отдыхал в тени ветвей,
А жена его для крошек
Суп готовила из мошек,
Для полдюжины ребят,
Желторотых воробьят.
И над ними тихо-тихо
Пела песню воробьях:
 Твики-вики-вики-ви,
 Чики-рики-твики-ти,
 Спики-бики-би!

Воробьях шепчет мужу:
— Милый друг, в такую стужу
Мне все ночи напролет
Спать твой кашель не дает.
И чихаешь ты ужасно.
Мне давно уж стало ясно,
Что тебе во время сна
Шапка теплая нужна!
 Чики-вики-мики-ти,
 Бики-вики-тики-ми,
 Спики-чипи-ви!

Ты не стар, но и не молод,
И тебе опасен холод.
Надо, надо не забыть
Завтра шапку раздобыть.

Воробей ответил: — Верно!
Ты заботлива безмерно,
И тебе желаю я
Счастья, уточка моя!
Витчи-битчи-литчи-би!
Твики-мики-вики-би!
Тики-тики-ти!

О тебе, в постели лежа,
Я сегодня думал тоже —
Как ужасно ты храпишь,
И чихаешь, и сопишь.
Воробьи — народ незябкий,
Но нельзя нам спать без шапки.
Полетим с тобой вдвоем,
Капор в городе найдем.
Витчи-китчи-китчи-ви.
Спики-вики-мики-би,
Чипи-випи-чи.

Купим в Лондоне сапожки
На твои босые ножки,
Купим платье мы с тобой,
Шарф небесно-голубой,
Теплый капор самый модный,
Как у дамы благородной!
Джики-вики-бики-ти,
Чики-бики-вики-би,
Твики-витчи-ви!

Утром оба, встав с постели,
В город Лондон полетели.
Опустились на момент
На старинный Монумент.
А потом на Пикадилли
Платье с обувью купили,
Воробью купили шляпу,
Воробихе — модный капор.
Зики-вики-мики-би,
Витчи-витчи-митчи-ки,
Рики-тики-ви!

Увидав отца и мать,
Дети начали кричать:
— Как нарядны мама с папой!
Как идут обоим шляпы!

Воробей сказал: — О да!
Мы одеты хоть куда,
Можем в этаким уборе
Красоваться на заборе
И чирикать:

Чики-чи!

Чиви-чиви-бики-би!

Чики-рики-ми!

СКАЗКА О ПЕЛИКАНАХ

Мы — король с королевой
Пели-канов.
Не найдете нигде вы
Таких великанов.
Таких, похожих
На ласты, ног
И сложных
Кожаных
Ртов и щек.

Плѳскин!
Плѳскин!
Когда и где
Прекраснее птицы
Плескались в воде?
Плѳскин!
Плѳскин!
Плѳшкин!
Кряк!
Так будет вчера,
И сейчас было так!

Мы любим Нил,
Мы на Ниле живем,
На Нильских утесах
Мы дремлем вдвоем,

Мы ловим рыбешку
В дневные часы,
А вечером смотрим
С песчаной косы.

И едва только солнце
Сойдет с вышины,
И станут прибрежные
Скалы черны,
И зардеет река
От закатных огней,
И шнырять будут ибисы
Быстро над ней, —
Крыло в крыло
Мы становимся в ряд,
И пляшем,
И скачем,
И топаем в лад.
И, наши огромные клювы раскрыв,
Мы песню поем на такой мотив:

Плóфскин!
Плáфскин!
Когда и где
Так радостно птицы
Плескались в воде?
Плóфскин!
Плáмскин!
Плóшкин!
Кряк!
Так будет вчера,
И сейчас было так!

Прошлогодней весной
Нашу дочь юных лет,
Пеликанью принцессу,
Мы вывезли в свет.
И на этот бал
Оказать ей честь
Прилетели все птицы,
Какие есть.

Цапля, и чайка,
И жирный баклан,
И птица фламинго
Из жарких стран,
Косяк журавлей,
И гусей табун,
И тысячи уток
С болот и дюн.

Все хором поздравили
Дэлл, нашу дочь,
И ели,
И пили,
И пели всю ночь.
И гул голосов до утра долетал
До ближних песков и далеких скал:

Плóфскин!
Плáфскин!
Когда и где
Прекраснее птицы
Плескались в воде?
Плóфскин!
Плáмскин!
Плóшкин!
Кряк!
Так будет втера,
И сейчас было так!

Но средь множества птиц
Из лесов и полей
Величавее всех
Был король журавлей.
Был широк его шаг,
И высок его рост,
И красив его фрак,
И хорош его хвост.
Кружева прикрывали
Ступни его ног,
Чтоб никто разглядеть
Его пальцев не мог.

(Хоть для света всего
Уж давно не секрет,
Что меж пальцев его
Перепонки нет!..)

И едва лишь увидел
Он дочь нашу Дэлл,
Как влюбился
И сердцем ее завладел.
Он влюбился
В ее ковыляющий шаг
И креветок венки
На ее волосах.
Преподнес он ей в дар
Крокодилье яйцо
И на лапку надел
Из кораллов кольцо.

И вот наша дочь
С королем-журавлем
Далеко, далеко
Улетели вдвоем.
В дальний путь
Провожало их множество птиц —
Лебедей и гусей,
Журавлей и синиц.
Унесли они прочь
Из родимой земли
И, как длинное облако,
Скрылись вдали...

Плѹфскин!
Плѹфскин!
Когда и где
Прекраснее птицы
Плескались в воде?
Плѹфскин!
Плѹмскин!
Плѹшкин!
Кряк!
Так будет вчера,
И сейчас было так!

Мы с побережья
Смотрели им вслед полчаса,
До тех пор пока слышались
Их голоса.
Где-то в сумерках летних
Исчезли они,
И на желтых песках
Мы остались одни...

Часто-часто с тех пор
Летом в лунную ночь
На прибрежных песках
Вспоминаем мы дочь.
Улетела она,
Неизвестно куда,
И, должно быть, не встретиться
Нам никогда...

Плóфскин!
Плáфскин!
Когда и где
Печальнее птицы
Плескались в воде?
Плóфскин!
Плáмскин!
Плóшкин!
Кряк!
Так будет вчера,
И сейчас было так!

Из Льюиса Кэрролла

БАЛЛАДА О СТАРОМ ВІЛЬЯМЕ

— Папа Вільям, — сказал любопытный малыш, —
Голова твоя белого цвета,
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?

— В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами.

— Ты старик, — продолжал любопытный юнец. —
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?

— В ранней юности, — сыну ответил старик, —
Натирался я мазью особой,
По два шиллинга банка — один золотник.
Вот, не купишь ли банку на пробу?

— Ты немолод, — сказал любознательный сын, —
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.

— В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!

— Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?

— Нет, довольно! — сказал возмущенный отец. —
Есть границы любому терпению.
Если новый вопрос ты задашь, наконец, —
Сосчитаешь ступень за ступенью!

МОРСКАЯ КАДРИЛЬ

Говорит треска улитке: — Побыстрей, дружок, иди.
Мне на хвост дельфин наступит, — он плетется позади.
Видишь, крабы, черепахи мчатся к морю мимо нас.
Нынче бал у нас на взморье, ты пойдешь ли с нами в пляс?
Хочешь, можешь, можешь, хочешь

ты пуститься с нами в пляс?

Можешь, хочешь, хочешь, можешь

ты пуститься с нами в пляс?

Ты не знаешь, как приятно, как занятно быть треской,
Если нас забросят в море и умчит нас вал морской!
— Ох! — улитка пропищала. — Далеко забросит нас!
Не хочу я, не могу я, не хочу я с вами в пляс.
Не могу я, не хочу я, не могу пуститься в пляс!

— Ах, что такое далеко? — ответила треска. —
Где далеко от Англии, там Франция близка.
За много миль от берегов есть берега опять.
Не робей, моя улитка, и пойдем со мной плясать.
Хочешь, можешь, можешь, хочешь

ты пойти со мной плясать?

Можешь, хочешь, хочешь, можешь

ты пойти со мной плясать?

Из А.-А. Мильна

**БАЛЛАДА О КОРОЛЕВСКОМ
БУТЕРБРОДЕ**

Король,
Его величество,
Просил ее величество,
Чтобы ее величество
Спросила у молочницы:
Нельзя ль доставить масла
На завтрак королю.

Придворная молочница
Сказала: — Разумеется,
Схожу,
Скажу
Корове,
Покуда я не сплю!

Придворная молочница
Пошла к своей корове
И говорит корове,
Лежащей на полу:

— Велели их величество
Известное количество
Отборнейшего масла
Доставить к их столу!

Ленивая корова
Ответила спросонья:
— Скажите их величествам,
Что нынче очень многие
Двуногие-безрогие
Предпочитают мармелад,
А также пастилу!

Придворная молочница
Сказала: — Вы подумайте! —
И тут же королеве
Представила доклад:

— Сто раз прошу прощения
За это предложение.
Но если вы намажете
На тонкий ломтик хлеба
Фруктовый мармелад,
Король, его величество,
Наверно, будет рад!

Тотчас же королева
Пошла к его величеству
И, будто между прочим,
Сказала невпопад:
— Ах да, мой друг, по поводу
Обещанного масла...
Хотите ли попробовать
На завтрак мармелад?

Король ответил:
— Глупости! —
Король сказал:
— О боже мой! —
Король вздохнул: — О господи! —
И снова лег в кровать.

— Еще никто, — сказал он, —
Никто меня на свете
Не называл капризным...
Просил я только масла
На завтрак мне подать!

На это королева
Сказала: — Ну, конечно! —
И тут же приказала
Молочницу позвать.
Придворная молочница
Сказала: — Ну, конечно! —
И тут же побежала
В коровий хлев опять.

Придворная королева
Сказала: — В чем же дело?
Я ничего дурного
Сказать вам не хотела.
Возьмите простокваши,
И молока для каши,
И сливочного масла
Могу вам тоже дать!

Придворная молочница
Сказала: — Благодарствуйте! —
И масло на подносе
Послала королю.
Король воскликнул: — Масло!
Отличнейшее масло!
Прекраснейшее масло!
Я так его люблю!

— Никто, никто, — сказал он
И вылез из кровати.
— Никто, никто, — сказал он,
Спускаясь вниз в халате.
— Никто, никто, — сказал он,
Намылив руки мылом.
— Никто, никто, — сказал он,
Съезжая по перилам, —
Никто не скажет, будто я
Тиран и сумасброд
За то, что к чаю я люблю
Хороший бутерброд!

НЕПОСЛУШНАЯ МАМА

Джеймс Джеймс
Мёррисон Мёррисон,
А попросту —
Маленький Джим,
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше,
Чем мама за ним.

Джеймс Джеймс
Говорил: — Дорогая,
Помни, что ездить одна
В город
До самого
Дальнего края
Ты без меня не должна!

Но очень упряма
Была его мама.
(Так люди о ней говорят.)
Упрямая мама
Надела упрямо
Свой самый
Красивый наряд.

«Поеду, поеду, —
Подумала мама, —
И буду к обеду
Назад!»

Король
Объявление велел написать
И вывесить
Там, где надо:
«Пропала,
Ушла
Иль украдена мать,
И тем, кто сумеет
Ее отыскать,
Сто золотых награда!»

Искали-искали
Пропавшую маму,
Искали три ночи,
Три дня.
Был очень
Английский король озабочен,
И свита его,
И родня.

Английский король
Говорил королеве:
— Ну кто же из нас виноват,
Что многие мамы
Ужасно упрямы
И ездят одни, без ребят?

Я знаю, —
Сказал он, —
Ту площадь в столице,
Где мой расположен дворец.
Но в нашей столице
Легко заблудиться,
Попав
В отдаленный конец!

Джеймс Джеймс
Моррисон Моррисон,
А попросту —
Маленький Джим,
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше, чем мама за ним.

Он очень скучал
По уехавшей маме.
— Но чья, — говорил он, — вина,
Что бедная мама
Решила упрямо
Куда-то поехать одна?..

Но вот отыскалась
Пропавшая мама.
С дороги
Пришла от нее телеграмма,
В которой писала она:

«Целую, здорова,
И — честное слово —
Не буду я ездить
Одна!»

ГОП-ГОП!

Мой Робин не ходит,
Как люди, —
Топ-топ, —
А мчится вприпрыжку,
Галопом —
Гоп-гоп!

Он мчится вприпрыжку,
Галопом — гоп-гоп!
И если гуляем мы вместе,
Напрасно в пути
Я кричу ему: «Стоп!» —
Не может стоять он на месте.

А если бы Робин
Не прыгал в пути,
Шагов десяти
Он не мог бы пройти
И скоро бы снова
Пустился в галоп —
Гоп!
Гоп!
Гоп!

У О К Н А

Вот две капли дождевые
На стекле. Они жевые.

Кто скорей домчится вниз,
Та получит первый приз.

Каждой капле дал я имя:
Это — Джонни, это — Джимми.

Первым в путь пустился Джим.
Джон покуда недвижим.

Джим немножко тяжелее,
Но за Джона я болею.

С места сдвинулся и он.
Поторапливайся, Джон!

Джим вперед летит без страха.
Джон ползет, как черепаха.

Но и Джим застрял в пути —
Должен муху обойти.

Джон догнал в дороге Джима
И спокойно мчится мимо,

Но и Джим неутомим —
Нажимает снова Джим,

Вниз несется что есть духу,
Палетел опять на муху.

Джон его и обогнал.
Молодец! Я так и знал.

Но исчез он, словно не был...
Тут и солнце вышло в небо!

ВЕЖЛИВОСТЬ

Когда я родных
И знакомых встречаю,
Я кланяюсь,
Шляпу сорвав с головы,
И вежливо
Всем на вопрос отвечаю:
— Большое спасибо.
Прекрасно. А вы?

Но знаете,
Взрослые дяди и тети,
Я мог бы счастливее
Жить-поживать,
Когда бы любезный
Вопрос «Как живете?»
Никто мне при встрече
Не стал задавать!

МАЛЕНЬКИЙ ТИМ

У Тимофея-Тима
На ножках десять пальцев.
Чулки на десять пальцев
Натягивает Тим,
Наденет и сапожки,
И новые галошки, —
И весь десяток пальцев
Гулять уходит с ним.

У Тима-Тимофея
На ручках десять пальцев,
И делают все пальцы,
Что им прикажет Тим.
Он сунет их в перчатки
На меховой подкладке, —
И десять пальцев в прятки
Зимой играют с ним.

У Тимофея-Тима
Два синих-синих глаза.
Они всегда смеются,
Когда смеется Тим.
А если мальчик болеет
Иль чем-то недоволен,
То сразу
Оба глаза
Заплачут вместе с ним.

У Тима Тимофея
На ручках десять пальцев,
На ножках десять пальцев,
А голова одна.
Когда, зевая сладко,
Ложится он в кроватку, —
На мягкую подушку
Ложится и она.

ХВОСТЫ

У льва есть хвост — могучий, длинный,
А у осла есть хвост ослиный.
У кошки хвост и у коня,
Но нет у вас и у меня.

Когда я буду именинник,
Куплю я хвостик за полтинник.
Мне продавец измерит рост
И подберет отличный хвост.

Скажу я льву, киту, верблюду:
— Я вам завидовать не буду.
Смотрите, — с нынешнего дня
Завелся хвост и у меня!

ПРИМЕЧАНИЯ

В творческой биографии С. Я. Маршака большое место занимает работа над переводами многонационального фольклора, произведений зарубежных поэтов и стихов писателей советских национальных республик.

Свою работу над переводами английской литературы Маршак начал еще будучи студентом. В автобиографии-предисловии к сборнику избранных стихов в серии «Библиотека советской поэзии» (1964), вспоминая о своем пребывании в студенческие годы в Англии, он писал: «...больше всего подружила меня с английской поэзией университетская библиотека», где «я впервые узнал то, что переводил впоследствии, — сонеты Шекспира, стихи Вильяма Блейка, Роберта Бернса, Джона Китса, Роберта Браунинга, Киплинга... Переводить стихи я начал в Англии, работая в нашей тихой университетской библиотеке. И переводил я не по заказу, а по любви...»

Такое отношение к переводимому материалу определило и метод перевода. Маршак пришел к убеждению, что прежде всего в переводе, говоря его словами, «нельзя рабски следовать за подлинником, нельзя попадать в плен к особенностям, к строю чужого языка». Сохранившиеся в архиве поэта варианты переводов дают возможность познакомиться с процессом его работы над ними. Как правило, первоначальный вариант по своим формальным признакам (количество стрóf, стихотворных строк в стрóфе, размер произведения и т. д.) более близок к тексту оригинала. Сличая автографы, можно совершенно точно установить, что, делая иногда десятки вариантов перевода того или иного стихотворения, Маршак стремился к одному — «верно выразить мысль и чувство» оригинала. И только тогда, когда это ему «удавалось, оказывалось, что и форма для данного произведения найдена верно».

Маршак считал, что важнее всего передать подлинный облик переводимого поэта. Верно отразить его эпоху и национальный колорит его произведений, волю, душу, характер, темперамент писателя. Вместе с тем опыт поэта приводил к выводу, что, работая над переводом, следует одинаково избегать как «порочной точности, так и столь же недопустимой, преступной вольности, поскольку читатель должен быть уверен, что поэт-переводчик донес до него подлинные мысли и чувства переводимых поэтов, не утерев ничего главного, основного, существенного». Во многих письмах и статьях, как бы подводя итог своей многолетней работы, Маршак последовательно утверждал принципиальное для него положение — когда переводишь стихи, следует смотреть не только в книгу, откуда переводишь, но и в окружающую жизнь, и в себя. Поэт-переводчик должен как бы перевоплотиться в автора и, во всяком случае, влюбиться в него, в его манеру и язык, сохраняя при этом верность своему языку и даже своей поэтической индивидуальности.

Маршак подчеркивал, что хороший переводчик невольно и неизбежно отражает и свою эпоху, и себя самого.

Таков был незыблемый принцип Маршака-переводчика. И об этом свидетельствуют его переводы, высоко оцененные и читателями и критикой.

Маршак не прерывал своей работы над переводами английских поэтов с 1913 года и до конца жизни, и каждый раз, готовя к изданию очередной сборник своих переводов, открывал их произведениями английской литературы. И в настоящем Собрании сочинений сохранена эта традиция прижизненных изданий.

В III том Собрания сочинений вошли переводы С. Я. Маршака из английских и шотландских писателей в соответствии с хронологией их жизни и творчества, начиная с XVI века и кончая XX веком¹.

Исключение сделано для писателей XVI—XVII веков, Тёрбервилла (1540—1598), де Вера (1550—1604) и Донна (1573—1631), переводы из которых помещены вместе и после переводов из Шекспира (1564—1616), а также для Лира, Кэрролла и Мильна: произведения этих поэтов даны в конце раздела, в соответствии с расположением произведений в III томе прижизненного издания «Сочинений» С. Маршака.

¹ В составлении настоящего тома принимали участие члены комиссии по литературному наследию С. Я. Маршака — В. М. Жирмунский, И. С. Маршак,

Том представляет собой, по сравнению с предшествующими изданиями, наиболее полное собрание поэтических переводов из английской литературы. В него включены широко известные переводы, неоднократно печатавшиеся при жизни автора, а также не опубликованные им, сохранившиеся в архиве.

Переводы каждого поэта располагаются в соответствии с последним изданием, в котором принимал участие С. Я. Маршак. Не опубликованное при жизни помещается в конце каждого раздела.

Тексты даются по последним прижизненным публикациям, иные случаи оговариваются особо.

В примечаниях, кроме библиографических данных, приводятся наиболее характерные варианты отдельных переводов из первоначальных публикаций и автографов. Остальные случаи авторской правки не оговариваются.

Ниже дается список принятых в примечаниях сокращений.

Сочинения, тт. 1, 3, 4 — С. Маршак, Сочинения в четырех томах, Гослитиздат, М. 1957—1960.

«Избранные переводы», 1959 — С. Маршак, Избранные переводы, Детгиз, М. 1959.

«Избранные переводы», 1946 (1947) — С. Маршак, Избранные переводы, Гослитиздат, М. 1946 (на обл. 1947).

«Английские баллады и песни», 1941, 1944 — Маршак С. Я., Английские баллады и песни, «Советский писатель», М. 1941, Гослитиздат, 1944 (подписано к печати 25/VIII 44 г.).

«Роберт Бернс», 1950 и т. д. — Роберт Бернс в переводах С. Маршака, Гослитиздат, 1950, 1957 и т. д.

«Сатирические стихи» — Маршак С. Я., Сатирические стихи, «Советский писатель», М. 1964.

«Сонеты», 1948 и т. д. — Сонеты Шекспира в переводах Маршака, «Советский писатель», М. 1948, 1949, 1955.

«Сонеты», 1960 и т. д. — Сонеты Шекспира в переводах С. Я. Маршака, Гослитиздат, М. 1960, 1963, 1964.

«Северные записки», 1915, 1916 — ежемесячный литературно-политический журнал «Северные записки», 1915, № 10; 1916, № 3.

«Сказки» — С. Маршак, Сказки, песни, загадки, «Детская литература», М. 1966.

В том случае, когда ссылки даются на сборники и статьи С. Я. Маршака, имя автора не указывается.

Упоминаемые в примечаниях автографы хранятся в архиве С. Я. Маршака.

Письма С. Я. Маршака цитируются по 8-му тому настоящего Собр. соч.

ИЗ АНГЛИЙСКИХ И ШОТЛАНДСКИХ ПОЭТОВ

Из Вильяма Шекспира

Вильям Шекспир (1564—1616) — величайший английский драматург эпохи Возрождения. Широко известны и лирические произведения Шекспира. Особенно знаменит цикл его сонетов, созданный, предположительно, между 1592 и 1600 годами.

Первые переводы шекспировских сонетов появились на русском языке еще в прошлом веке. Отдельные сонеты переводили И. Мамуна, Н. Холодковский, Валерий Брюсов, Борис Пастернак и др. Два полных перевода всего цикла сделаны были Н. Гербелем и М. И. Чайковским.

Заслуга С. Я. Маршака в том, что он, по определению А. Фадеева, сделал сонеты Шекспира «фактами русской поэзии».

«Мне лично выпало на долю счастье и большая ответственность, — писал сам Маршак в незаконченной работе о Шекспире, — перевести на русский язык лирику Шекспира, его сонеты» (Новый мир, 1964, № 9). По свидетельству Маршака, он начал работать над сонетами «с первых же дней после окончания войны и работал несколько лет» (Письмо А. Г. Кравцову 20/XII 1962 г.). Судя по многим высказываниям поэта, ему казалось, что сила и страстность поэзии Шекспира особенно близка советскому читателю середины XX века:

«Революционные эпохи резко отличаются от тех, когда люди едва замечают замедленный ход истории... Вот почему нам легче понять Шекспира, чем нашим отцам и детям. Нам довелось увидеть собственными глазами и ощутить всем своим существом крутые повороты истории» («Новый мир», 1964, № 9).

«Не все сонеты раскроются перед вами сразу, — писал Маршак в письме Алле Лаказо, — но вы почувствуете, сколько в них благородства, веры в человека, в любовь» (20/XII 1963 г.). «Вероятно, вы найдете в этих сонетах — может быть, не во всех сразу — отклик на Ваши собственные чувства и мысли. Как Вы увидите, Шекспир, которому в этом году исполняется четыреста лет, кажется нам современником. Так переключаются его чувства с нашими. Сонеты Шекспира — это книга для долгого вдумчивого чтения» (Письмо Н. Г. Вострецово, 27/I 1964 г.).

И в переводах сонетов и других стихотворений Шекспира Маршак, как всегда, стремился не к буквализму, а к сохранению «единства мысли, чувства, настроения». Для него самое важное, «передано ли в переводе основное стремление поэта, его завещание, его воля?» (Письмо В. С. Рудину, 23/II 1952 г.).

По поводу перевода сонетов Маршак снова напоминает свой важнейший принцип: «Фотографировать или копировать стихи, написанные на другом языке, нельзя и не стоит. Можно создать новые — русские — стихи, сохраняющие мысли, чувства, мелодию оригинала. Только тогда строки поэтического перевода могут войти в русскую поэзию» (в том же письме В. С. Рудину). Здесь Маршак поясняет, почему он не стремился в точности воспроизводить сложные метафоры ренессансного стиля: «Я адресую сонеты читателю XX века, и мне очень важно, чтобы до него дошел весь внутренний жар, таящийся в оригинале, и то удивительное сочетание глубокой мысли и простодушия, которое заключено во многих строчках Шекспира...

*Не в передаче стилистических архаизмов я видел свою задачу, а в сохранении того живого, что уцелело в сонетах до наших дней, что, конечно, переживает нас, наших детей и внуков»*¹.

В таком восприятии Шекспира как современника и заключается секрет успеха переводов Маршаком шекспировских сонетов, которые вышли отдельными изданиями, а также в собраниях сочинений великого драматурга.

Сонет — сложная поэтическая форма, предъявляющая поэту строгие формальные требования. Английский сонет, как итальянский, считающийся классическим, состоит из четырнадцати стихов, только построен в виде трех четверостиший (первые два не связаны между собой единой рифмой) и, как правило, одного завершающего двустихия. Написан чаще всего пятистопным ямбом.

В 90-е годы XVI столетия сонет был весьма распространенной в Англии литературной формой, тогда и создан шекспировский лирический цикл. Сонеты носят явно автобиографический характер, в них — эмоциональная реакция поэта на события личной и общественной жизни, его душевный опыт, переданный в поэтических образах.

В сонетах отразились и дружеские и любовные отношения поэта, и раздумья над жестокими противоречиями жизни.

Первые 26 сонетов обращены к другу, вероятно, к графу Саутгемпτονу (ему же посвящены две поэмы, «Венера и Адонис» и «Лукреция»). В 17-ти из них поэт уговаривает друга жениться и «восстановить» себя в потомстве. Основной темой этих сонетов становится «бренность жизни», мотив, распространенный в поэзии эпохи Возрождения. Этой теме посвящены сонеты — 2, 5, 6, 9, 11, 13, 15.

¹ Курсив С. Маршака.

Уже в переводах этих первых сонетов видно, что Маршак, адресуя их читателям иной страны и иного времени, сознательно отказывается от поэтики, присущей английской поэзии XVI века, считая ее архаичной для современного восприятия (см. письмо В. С. Рудину 23/II 1952 г.). Например, английской поэзии свойственны развернутые метафоры, которые логически вбирают в себя все стихотворение. Маршак часто, оставляя метафору, не развертывает ее (см. прим. к сонету седьмому).

В письме к К. Чуковскому 23/X 1963 года Маршак отмечал, что в сонетах чуть ли не над каждым стихом можно поставить музыкальные обозначения «allegro», «andante» и т. д., и он сохраняет и передает музыкальный строй оригинала.

На примере первого сонета Маршак объясняет, почему он иной раз смягчает грубоватость и «натуралистичность» Шекспира: «Первоначально я перевел это место грубее, чем впоследствии:

Жалея этот мир, не пожирай
Ему принадлежащий урожай.

Потом я решил, что при необходимой в русском переводе экономии места важнее сохранить понятие «by the grave»:

Жалея мир, земле не предавай...

Кроме того, русские слова «обжора», «пожирай» грубее английского «glutton» (Письмо В. С. Рудину 23/II 1952 г.).

Сонеты.

Сонеты печатаются по юбилейному изданию «Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака», «Художественная литература», М. 1964, при подготовке которого С. Маршак существенно переработал отдельные сонеты.

Сонет 1. — Впервые в «Сонетах», 1948¹.

Сонет 2. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

В письме З. И. Лейбман Маршак писал: «Переводя сонеты Шекспира, я делал по десять — двадцать вариантов каждого сонета» (14/II 1963 г.). Один из последних автографов-вариантов второго сонета сохранился на полях конспекта статьи о Шекспире английского литературоведа А. Л. Роуза (The Times Literary Supplement, 17.9.1963):

На смену мне прекрасный сын растет,
Моя бывшая свежесть в нем жива,
В нем оправданье жизни и отчет (расчет)).

¹ Данные о первых публикациях подготовлены библиографом Е. А. Яновской.

Сонет 3. — Впервые в «Сонетах», 1948.

В письме Рудину (23/II 1952 г.) Маршак приводит перевод этого сонета как пример вынужденного «смягчения» Шекспира: «В стихах

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь,—

я не сохраняю понятия «womb» потому, что по-русски это будет звучать еще натуралистичнее (матка, чрево, недра). Английское слово «womb» встречается чаще и при этом нередко в символическом смысле. Да к тому же «нетронутая новь» соответствует всему контексту... Кстати, во многих случаях я грубость подлинника сохранил. Но не забывайте, что мы живем не в XVI веке, не в эпоху Ренессанса, когда дицинная откровенность была присуща светской беседе».

Сонет 4. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 5. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

Сонет 6. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 7. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10, под номером 27.

Перевод представляет собой характерный пример, когда Маршак снимает развернутую метафору. У Шекспира жизнь человека уподобляется катящемуся от восхода к закату солнцу. Маршак же сравнивает жизнь с солнцем, приглашая человека быть наблюдателем.

Сонет 8. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонеты 9, 10. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 11. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 12. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 13. — Впервые в «Сонетах», 1948. В издании 1964 года внесены изменения. Конец второй строфы и последнее двустишие в публикациях с 1948 по 1963 год читаются по-иному:

Пускай по праву перейдет она
К наследнику прямому твоему.

О, пусть, когда настанет твой конец,
Звучат слова: — «Был у меня отец!»

Сонет 14. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 15. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 16. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 17. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10. На этом сонете заканчивается тема, в разработке которой Шекспир проявил поистине неиссякаемую фантазию и изобретательность,—

это тема «недолговечности жизни, продления жизни в своих потмах». Маршак в письме к К. И. Чуковскому отмечает, что, несмотря на материальную зависимость Шекспира от графа Саутгемптона, «в самых комплиментарных стихах нет и тени подобию-страстия. А лучшие сонеты полны гордости, достоинства, презрения к судьбе и к случайным ее баловням» (31/X 1963 г.).

Сонет 18. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

С 18 по 99 сонет можно, условно, сказать, что они посвящены другу и дружбе, которую Шекспир считает самым высоким и прекрасным чувством и ставит даже выше любви. Тема дружбы нередко перерастает в сонетах в преклонение перед Человеком — венцом природы.

Сонет 19. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 20 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Маршак писал в письме К. И. Чуковскому (31/X 1963 г.): «...в одной строфе известного сонета (20-го) я исправил две строчки, сделав их откровеннее и грубее.

У меня было.

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Она меня с тобою разлучила,
А женщин осчастливила она.

Две последние строчки я хочу заменить такими:

Она тебя приметей наделила,
Что мне в тебе нисколько не нужна.

Я был рад, когда нашел слово «примета». Раньше я пробовал перевести это «one thing to my purpose nothing» более вещественно, но получалось слишком уж похабно».

Сонет 21. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 22. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 23 — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

Сонет 24. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Один из самых стилистически сложных сонетов. По поводу своего перевода Маршак пишет Рудневу: «Как перевести слово «perspective» в 24-м сонете? Толкования, высказываемые различными комментаторами, зыбки и ненадежны. А в том случае, когда слова толкуются по-разному и ни одно из толкований не кажется достаточно убедительным и победительным, вернее всего брать простое, буквальное значение слова. Пусть уж лучше оно останется *не раскрытым* до конца, чем истолковано *неверно*. Мне кажется, что сложный, полный поэтической игры, смысл 24-го сонета

мой перевод в какой-то степени передает» (курсив С. Маршака) (23/II 1952 г.).

Сонет 25 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Ряд исследователей усматривают в сонете прямой намек на падение могущественного временщика, порта и военачальника, сэрра Уолтера Раллей, что было политической сенсацией 1592 года.

Сонет 26. — Впервые в «Сонетах», 1943.

У Шекспира этот сонет оказывается как бы рубежом настроения лирического героя: безоблачная радость, любованье другом, упоение миром и совершенством человека сменяется чувством обиды, ревностью и сетованиями на непрочность красоты человеческих отношений.

На полях конспекта статьи Роуза о Шекспире есть вариант последних трех стихов, более близкий к оригиналу: в стихе «Моей судьбе, безвестной и убогой», слово «судьба» заменено на «любовь», как в оригинале, и дальше:

Тогда любовь я покажу свою,
А до тех пор в душе ее таю (тени себя таю).

Сонет 27. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 28. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонеты 29, 30. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 31. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 32. — Впервые с первой строкой «О, если ты, мой друг, переживешь...» в журнале «Знамя», 1943, кн. 4.

Сонет 33. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 34. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 35 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 36 — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Сонеты 37, 38 — Впервые в «Сонетах», 1948

Сонет 39. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонеты 40, 41 и 42. — Впервые в «Сонетах», 1948.

В этих сонетах со всей очевидностью звучит тема ревности. Любимый друг обольстил возлюбленную поэта, измена друга тяжело поразила Шекспира, судя по содержанию сонетов, тяжелее, чем неверность возлюбленной (см. также примеч. к сонетам 66 и 127).

Сонет 43. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 44. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10, под номером 144.

Сонет 45. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 46. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3,

Сонет 47 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 48. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 49. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Сонеты 50 и 51. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 52. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 53. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 54. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 55. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 56. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Сонет 57. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 58. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1, под номером 68.

Сонет 59. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 60. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 61. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонеты 62, 63 — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Сонет 64. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 6.

Сонет 65. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 66. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Один из самых знаменитых сонетов, общее звучание которого перекликается с идейной проблематикой высоких трагедий Шекспира. После 26 сонета тема разочарования все сильнее звучит в лирике Шекспира. Горечь утраты друга и возлюбленной постепенно перерастает в философское осмысление несовершенства окружающей жизни; переходы от отчаянья к надежде все больше уступают место раздумью над жестокими законами бытия. Гамлетовская тема с особой силой звучит в этом сонете.

«Между сонетами и драматургией Шекспира, несомненно, есть общее, — писал Маршак Л. Е. Ковалевой. — На мой взгляд, больше всего общего у сонетов с Гамлетом» (8/II 1963 г.).

Сонет 67. — Впервые с первой строкой «Спроси, зачем он дышит и живет...» в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонеты 68, 69, 70 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонеты 71, 72. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Перевод 72 сонета являет собой редкий случай, когда Маршак меняет строй сонета. Вместо трех четверостиший с перекрестными рифмами и двустипия с парной рифмой, он дает здесь два четверостишия и два трехстишия. В трехстишиях рифмовка сложная: первый и третий стих первого трехстишия рифмуются с первым и третьим стихом второго; так же рифмуются между собой вторые стихи трехстиший. Такое построение свойственно сонету итальянскому, а не английскому.

Сонет 73. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонеты 74, 75. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 76 — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

Сонет 77. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 78. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонеты с 78 по 86 объединены общей новой темой: поэт страдает оттого, что его друга воспевают другие поэты и, очевидно, соответственно пользуются его покровительством. Если считать, что сонеты обращены к графу Саутгемпτονу, то известно, что он покровительствовал драматургу и поэту Томасу Нэшу, возможно, что соперником Шекспира был и Джордж Чэпмен.

Сонет 79. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Имеется автограф 1963 года первой строфы, написанный на полях конспекта статьи Роуза:

Когда к тебе взывал я, одинокий,
О помощи, ты жаловал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки,
Когда звучат стихи сильнее моих.

Сонет 80 — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

В автографе 1963 года, на полях конспекта статьи Роуза, имеется вариант второй строфы, более близкий к оригиналу:

Но океан души твоей широк,
А так как он качает наравне
С могучим судном маленький челнок,
Дерзнул я появиться на волне.

Сонет 81. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

В этом сонете Шекспир обращается к другу, в его словах звучит гордость и за любимого человека, который будет жить в его стихах, и за собственный поэтический дар, который может сделать имя друга бессмертным. В оригинале буквально сказано — «таким высоким свойством обладает мое перо» («Such virtue hath my pen»).

Сонеты 82, 83. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонеты 84, 85. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 86. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет заключает собой небольшой цикл сонетов-жалоб на соперника-поэта. По некоторым толкованиям, в сонете содержится намек на Кристофера Марло, в частности на его последнюю трагедию «Доктор Фауст».

Сонеты 87, 88 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 89. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1, под номером 39.

Сонет 90. — Впервые с первой строкой «Коли разлюбишь, — разлюби теперь...» в журнале «Знамя», 1947, кн. 6.

Начиная с этого сонета, поэтическая условность и изысканность языка первых сонетов сменяется у Шекспира живой речью, вместо пышных метафор — лаконичная простота. Считая этот стиль более близким для восприятия современного читателя, Маршак полностью сохраняет поэтику оригинала (см. общее примеч. к разделу «Из Вильяма Шекспира», а также примеч. к сонету 130).

Сонет 91. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

Сонет 92. — Впервые в «Сонетах», 1948.

При переводе сонетов, адресованных то другу, то любимой женщине, Маршак, так же как и другие переводчики, столкнулся с определенной трудностью. Фразеология дружеских и любовных излияний в поэзии XVI века довольно близка, в английском языке отсутствуют родовые окончания, и часто невозможно установить, в каком роде стоит прилагательное или глагол, то есть к кому обращен сонет — к мужчине или к женщине. Маршак большей частью обходит эту трудность при помощи прямого обращения «ты», «тебе». Однако в первых публикациях некоторых сонетов он предпочел адресовать слишком пылкие стихи любимой женщине. Но в конце 1963 года, после чтения статей шекспироведа Роуза, он вновь задумался над правильностью найденного решения. «Никак не могу решить, стоит ли переадресовать два-три любовных сонета, которые Роуз считает явно относящимися к Саутгемптону. Ведь в английском языке родовых окончаний нет, а по-русски определенность в обозначении пола может придать сонетам ложный — уайльдовский — оттенок» (письмо К. Чуковскому 31/X 1963 г.).

И все-таки Маршак решил изменить сонеты. Исправления внесены в сонеты 92, 104, 106, 109.

В 92 сонете, в изданиях «Сонетов», 1948 и 1963 гг., второй стих первой строфы: «Моей ты будешь до последних дней...»

Сонет 93 — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонеты 94, 95, 96 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонеты 97, 98. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонеты 99, 100. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 101. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 102. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 103. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 104. — Впервые с первыми строками: «Ты не меняешься с течением лет. // Такой же ты была, когда впервые...» в журнале «Новый мир» 1945, №11—12 (см. также примечание к сонету 92).

Сонет 105. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 106. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12. В журнальной публикации и в издании «Сонетов», 1948, имеется разночтение с изданием 1964 года в третьей строфе:

В любой строке к своей прекрасной даме
Порт мечтал тебя предугадать,
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами.

См. также примечание к сонету 92.

Сонеты 107, 108. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 109. — Впервые в «Сонетах», 1948, с последней строкой «Ты в нем одна. Другого счастья нет...».

Сонет 110. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 111. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 6.

Сонеты 112, 113, 114, 115. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 116. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

По поводу этого сонета Маршак в беседе со Ст. Рассадным о поэтическом мастерстве говорил о бессознательной «музыкальной теме» любого поэтического произведения. Эта музыкальность проявляется в аллитерациях, которые порой не сразу замечает и сам поэт. О своих аллитерациях в 116 сонете он пишет:

«...Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?

...Слышите, здесь уже повторяются два звука, «ме». И дальше:

...Не меркнувший во мраке и тумане...
Определяет место в океане...
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках...

Все это, конечно, получилось невольно, но теперь мне кажется, что этот тон стихам зададо слово «измена», о которой и идет в сонете речь» («Вопросы литературы», М. 1964, № 9).

Сонет 117. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 118. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Сонет 119. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 120. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 1.

Сонет 121. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 122. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 123. — Впервые в книге «Избранные переводы», 1946—1947.

Сонет 124. — Впервые в журнале «Знамя», 1948, кн. 3.

Сонет 125. — Впервые в «Сонетах», 1948.

По сравнению с первым изданием стихотворение подверглось переработке. В прежних изданиях:
второй стих первого четверостишия:

Держать венец над троном властелина...

первый стих третьего четверостишия:

Нет, лишь твоих даров я буду ждать...

первый стих двестишестого:

Прочь, искуситель! Чем душе трудней...

Сонет 126 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Перевод сонета в соответствии с оригиналом состоит из шести двестишестых с парными рифмами.

Сонет 127. — Впервые в «Сонетах», 1948.

С 127 по 152 сонет в лирическом цикле у Шекспира появляется новое лицо — жестокая и своенравная возлюбленная, которая становится между поэтом и его другом.

Сонет 128. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонет 129. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 130. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

На примере этого сонета особенно ясно видно, как изменился строй, поэтика шекспировской лирики, как далеко отошел он от условной вычурности первых сонетов.

Сонет 131. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 132. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонеты 133, 134, 135, 136, 137. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 138 — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Сонет 139. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

Сонеты 140, 141, 142 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 143. — Впервые в журнале «Новый мир», 1945, № 11—12.

Сонеты 144, 145 — Впервые в «Сонетах», 1948.

Сонет 146. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

По поводу этого сонета Маршак в беседе с Ст. Рассадным («Вопросы литературы», М. 1964, № 9) высказал предположение, что в перевод 146 сонета «проникло множество «д» — вероятно, связанных с самим словом «душа»... Маршак утверждал, что поэт «должен чувствовать возраст слова, должен отличать коренные слова от жаргонных и временных наслоений, общенародные от кастовых, кружковых. Он должен чувствовать вкус и температуру слова». И далее: «146 сонет начинается в подлиннике так: «Моя

душа — центр этой греховной земли». В Англии слово «центр» вошло в обиход чуть ли не со времен римского завоевания, со времен Цезаря. В нашем же языке оно все еще остается не вполне усвоенным, холодноватым терминологическим. Для того чтобы перевести эту строчку Шекспира, я должен был оторваться от слова «центр» и найти другое. В конце концов получилось следующее:

Моя душа, ядро земли греховной. .

Сонет 147. — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 10.

Сонеты 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154. — Впервые в «Сонетах», 1948.

Разные стихотворения. Помимо лирического цикла сонетов перу Шекспира принадлежат две поэмы «Венера и Адонис» (1592) и «Лукреция» (1593). Кроме того, в ткань пьес, трагедий и комедий им вводились песни — своего рода лирический комментарий к тому, что происходит на сцене или за сценой. Песни эти, веселые и грустные, насмешливые или нарочито-нелепые, как бы откликаются на все события, действия, определяют настроения и оценивают обстановку. Особенно в этом смысле интересны песенки шутов. Как писал Маршак в статье «Шут короля Лира» (1940), «по существу... самый взрослый персонаж в трагедии — именно шут, видящий подоплеку всех отношений и трезво их оценивающий».

Эти лирические отступления, веселые прибаутки, в которые облекается жизненная мудрость, и привлекли Маршака, так же как блистательный по выразительности и богатству красок переведенный им отрывок из поэмы «Венера и Адонис».

Конь. Из поэмы «Венера и Адонис». — Впервые в журнале «Знамя», 1947, кн. 1.

Маршак перевел фрагмент из поэмы «Венера и Адонис», написанной на модный в то время античный сюжет. Шекспир использовал миф о безнадежной страсти богини Венеры к прекрасному Адонису, известный поэту в переложении римского писателя Овидия. Но, в отличие от многих сочинений своих современников, Шекспир не ограничился благозвучием стиха, хитросплетением красивых образов, навешанных классическими образцами. Его описания природы, людей, животных, предметов сочны, полнокровны, полны жизни и движения. Одним из самых знаменитых по яркости и динамичности и является описание коня, привлечшее Маршака.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Песня о рогах. Из комедии «Как вам это понравится». — Впервые в «Избранных переводах», 1946—1947.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Весенняя песня Из комедии «Как вам это понравится». — При жизни Маршака не печаталась.

Печатается по автографу.

Песня Балгазара. Из комедии «Много шума из ничего». — Впервые в «Избранных переводах», 1946—1947.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Песенка из «Зимней сказки». — Впервые в «Избранных переводах», 1946—1947.

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

Песенки бродячего торговца из «Зимней сказки». — При жизни Маршака не печатались.

Печатаются по автографу.

Песни Офелии Из трагедии «Гамлет». — Впервые в «Избранных переводах», 1946—1947.

Печатаются по Сочинениям, т. 3.

Песни шута Из трагедии «Король Лир» — цикл из 12 песенок.

Впервые в «Балладах и песнях английского народа», Детгиз, М. 1942. Иные случаи оговариваются особо.

По словам Маршака, работа над переводом песенок шута из трагедии «Лир», «сделанная по предложению Малого театра в Москве и Большого драматического в Ленинграде, доставила немало забот, но и немало радости».

О том, чем интересны и почему трудны для перевода эти песенки, Маршак написал в небольшой статье 1940 года под названием «Шут короля Лира»:

«Переводить эти песенки нелегко. Меткость и ясность суждений, продиктованных народным здравым смыслом, сочетается в них с причудливой нарочито-дурашливой формой. Философское, этическое и даже политическое содержание песенок шута почти всегда замаскировано, упрятано в загадку, в пословицу, в шутку, как будто бы простодушную и ребячливую... Для того, чтобы перевести его стихотворные реплики, нужно сначала раскрыть, расшифровать подчас загадочный смысл подлинника, а потом вновь замаскировать его, облечь в уклончивую, игривую форму прибаутки.

Пословица, поговорка трудно поддается переводу. Они своеобразны и сопротивляются пересадке на чужую почву. Буквальный перевод — слово за слово — может их убить.

Для каждой шутки, для каждой пословицы, для каждой присказки нужно найти в своем языке равноценную шутку, пословицу, присказку. Только тогда перевод будет точен не в школьном, а в поэтическом смысле этого слова. Только тогда в нем можно будет узнать подлинник.

В этом-то и заключается сложность перевода песенок шута.

Мне хотелось сохранить в переводе и предельную лаконичность подлинника, и его свободную непринужденность, которая заставляет верить в то, что каждая реплика шута рождается тут же на сцене, как острое словцо, сказанное вовремя и к месту, как счастливая импровизация...

Живую и разнообразную импровизацию, врывающуюся в текст трагедии Шекспира, мне хотелось донести до советского зрителя, не утратив ее непосредственности и остроты.

В поисках того варианта, который был бы наиболее выразителен и более всего соответствовал бы требованиям театра, я переводил каждую из песенок шута по три, по четыре раза».

«Показывай меньше того, что имеешь». — Впервые с первой строкой «Звени поменьше кошельком» в «Балладах и песнях английского народа», 1942.

Второй вариант, ставший каноническим, впервые опубликован в Сочинениях, т. 3.

Печатается по этому изданию.

«Тот, кто решился по кускам...»

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«Для дураков печальный день...»

Печатается по «Английским балладам и песням», 1944.

«Они заплакали от счастья...» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

«Тот, кто крошек не сберег...»

Печатается по «Английским балладам и песням», 1944.

«Вскормил кукушку воробей »

По поводу этой песенки Маршак пишет в статье «Шут короля Лира» (1940): «Шут не лезет за словом в карман. Не задумываясь, он бросает как будто бы первые, пришедшие ему на язык слова, но эти слова бьют метко, клеймят беспощадно. В его песенках редко можно найти прямое обращение к тому или иному герою трагедии, но и сценическим персонажам, и зрителям совершенно ясно, кого имеет в виду шут, когда в присутствии неблагоприятной королевской дочери он произносит насмешливые стихи:

Вскормил кукушку воробей —

и т. д.».

Печатается по «Сатирическим стихам».

«Лиса-плутовка и дочка короля...»

Печатается по тексту первой публикации.

«Отцов саноных и богатых...»

Печатается по Сочинениям, т. 3.

«Кто служит только для того..»

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«Штаны нужны, — даю вам слово...» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

«Тот, кто в несчастье владеет собой...»

Печатается по «Английским балладам и песням», 1944.

«Когда откажется священник...»

По поводу этого стихотворения Маршак пишет в статье «Шут короля Лира» (1940): «А иной раз реплики шута направлены не против персонажей трагедии, находящихся тут же на сцене или за кулисами, а метят дальше и шире. Голос шута становится громким и патетичным.

Тогда-то будет Альбион
До основания потрясен...»

В архиве имеется второй вариант перевода:

Когда попы не станут лгать, а будут жить правдиво,
А пивовар не станет лить воды в бочонок пива,

Когда не будет важный лорд учиться у портного,
А постарается найти учителя иного,

Когда укажет ростовщик, куда он прячет клад,
И будут рыцарей штаны без дырок и заплат,

Когда не будет клевета гулять по белу свету,
Когда закон клеветника потребует к ответу,

И жарить будет на кострах священный наш синклит
Не вольнодумцев, а повес, кутил и волокит,

Когда щадить не станет суд преступников сановных,
Не станет правых осуждать, оправдывать виновных,

Тогда-то будет Альбион
До основания потрясен.

Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

Печатается по «Английским балладам и песням», 1944.

Песни шута. Из комедии «Двенадцатая ночь».

Две из них «Поспеши, смерть, поспеши...» и «Когда я был зелен и мал...» — впервые в «Избранных переводах», 1946—1947.

Печатаются по «Избранным переводам», 1959,

Третья песня «Где ты прячешь взор свой милый...» при жизни Маршака не публиковалась.

Печатается по автографу.

Песенка из «Антония и Клеопатры». — Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

Надгробный плач. — Впервые в «Избранных переводах», 1946—1947. Отрывок из поэмы «Феникс и голубка».

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Из поэтов эпохи английского Возрождения

Джордж Тёрбервилл (1540—1598?) — «Ты смотришь светлыми глазами...»

Эдвард де Вер (1550—1604) — «Будь я на троне, мне бы льстила власть...»

Джон Донн (1573—1631), выдающийся представитель английского барокко — «Смерть, не гордись, когда тебя зовут...»

Печатаются впервые, по автографам.

Из Эдмунда Уоллера

Эдмунд Уоллер (1606—1687) — поэт эпохи английской буржуазной революции. Для его лирики характерна простота классического стиха.

Поис. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

Из Джона Мильтона

Джон Милтон (1608—1676) — великий английский поэт XVII века, участник английской буржуазной революции, автор философской и религиозной лирики и знаменитой поэмы «Потерянный и возвращенный рай».

О слепоте. Сонет. — Впервые в «Английских балладах и песнях», 1944.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

О Шекспире. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 25.

Дословный перевод названия оригинала «Эпитафия замечательному драматическому порту В. Шекспиру». Стихотворение без имени автора было опубликовано как вступление к изданию Шекспира 1632 года. Известно как первое печатное произведение Мильтона.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из Джонатана Свифта

Джонатан Свифт (1667—1745) — великий английский писатель эпохи Просвещения. Автор многочисленных сатирических памфлетов, философской сатирической повести «Путешествие Гулливера», лирических стихотворений.

Критики — Впервые в «Литературной газете», 1945, 27 октября. Перевод отрывка из стихотворного сатирического трактата «О поэзии. Рапсодия» (см. Свифт Д., Памфлеты, М. 1955).

Печатается по «Избранным переводам», 1947.

Из Роберта Бернса

Роберт Бернс (1759—1796) — великий шотландский народный поэт-демократ. На его творчество оказали влияние события французской революции 1789 года, оно проникнуто духом общественного протеста. Бернс обличает привилегированные классы, воспеваает труд и мирную жизнь простых людей. Революционный характер его творчества особенно сказывается в сатирах на сильных мира сего.

Маршака издавна привлекала жизнерадостная, ироничная и мудрая поэзия Бернса. В статье «Бессмертной памяти» Маршак писал о своей работе над Бернсом:

«Я счастлив, что на мою долю выпала честь дать моим современникам и соотечественникам наиболее полное собрание переводов из Бернса. Более двадцати лет посвятил я этому труду и до сих пор еще считаю свою задачу незавершенной... Много чудесных часов и дней провел я за этой работой...»

«Веселая и простая мудрость Бернса, — сказал Маршак в своей речи на юбилейной сессии в Шотландии, — его гордая независимость, его сыновняя верность своей стране, уважение к честному труду, наконец, умение любить, быть другом и находить счастье даже в несчастье — все это сделало шотландского поэта родным и близким для миллионов наших читателей».

Переводы печатаются по изданию «Роберт Бернс», 1963. Иные случаи оговариваются особо.

Честная бедность — Впервые в журнале «Крокодил», 1938, № 20. Одно из наиболее резких обличительных стихотворений Бернса, созданных в годы французской революции (1789) под впечатлением книги американского революционного публициста Томаса Пейна «Права человека». Стихотворение Бернса с новым

общественным содержанием написано на мотив известной в то время песни с таким же припевом «При всем при том..» Оно получило большое распространение в списках. Его называли «Марсельезой простых людей».

Жон Ячменное Зерно. — Впервые в журнале «Знамя», 1943, № 4. Одно из ранних, самых знаменитых стихотворений Бернса; написано на основе старинной народной баллады.

Старая дружба. — Впервые под названием «Застольная» в «Литературной газете», 1938, 15 августа.

Был честный фермер мой отец. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

В архиве сохранился вариант перевода стихотворения, его размер, семистопный ямб, повторяет размер оригинала:

Был земледельцем мой отец в округе пограничной.
Детей он с детства научил вести себя прилично
Учил он честь свою ценить превыше положенья,
Кто может чести изменить, не стоит уваженья.

Маленькая баллада. — Впервые в журнале «Огонек», 1946, № 29.

Робин. — Впервые в «Литературной газете», 1938, 15 августа. Первое четверостишие в оригинале служит припевом, повторяется в переводе дважды. Стихотворение автобиографическое: в уста гадалки Бернс вкладывает описание черт своего характера.

В горах мое сердце. — Впервые в «Литературной газете», 1938, 15 августа.

Лучший парень. — Впервые в «Литературной газете», 1938, 15 августа.

Горная (Верхняя) и долинная (Нижняя) Шотландия все время упоминаются в стихах Бернса, как и вообще в произведениях шотландских писателей. Малоизвестная северная, горная часть Шотландии особенно тесно связана с борьбой Шотландии за национальную независимость.

Брюс — шотландцем. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Р о б е р т Б р ю с — шотландский король XIV века, одержавший победу над войсками англичан в 1314 году. В его уста Бернс вкладывает свои свободолюбивые идеи.

У о л л е с — национальный герой Шотландии.

Шотландская слава. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Дерево свободы. — Впервые в «Литературной газете», 1939, 20 июля. Гимн свободе, символом которой явилась возникшая во время революции во Франции традиция сажать так называемые

«деревья свободы». Стихотворение при жизни Бернса опубликовано не было из цензурных соображений и сохранилось в списках.

В окончательной редакции перевода Маршак зачеркнул последнюю строфу, которая сохранилась в черновом автографе в трех вариантах:

Вариант первый, близкий к дословному переводу оригинала:

Пуškai не правятсѧ скотам
Плоды земли французской,
Я туфли с ног своих отдам,
Чтоб ѧесть их на закуску.

Второй вариант:

Со мною вместе пожелаѧ,
Чтобы они росли, брат,
И приносили урожай
В садах родной земли, брат!

Третий вариант:

Итак, помолимсѧ вдвоем,
Чтобы они росли, брат,
И были слаще с каждым днем
В садах родной земли, брат!

Макферсон перед казнью. — Впервые в журнале «Молодая гвардия», 1939, № 4.

Оригинал является переработкой старинной народной песни о пирате и воине Макферсоне, казненном в 1700 году; народная фантазия наделила его сказочной силой и храбростью.

Возвращение солдата. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Джон Андерсон. — Впервые в «Литературной газете», 1938, 15 августа. В разных изданиях имеются разночтения в первом стихе: «Джон Андерсон, когда с тобой...», «Джон Андерсон, мой друг, Джон».

Любовь — Впервые в «Избранных переводах», 1946 (1947). Оригинал представляет собой обработку народной песни.

«Пробираясь до калитки.» — Впервые под названием «Джеппи» в книге «Английские баллады и песни», 1941.

«Давно ли цвел зеленый дол...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

Конец лета. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

«Ты меня оставил, Джеми...» — Впервые под названием «Песня» в журнале «Красная новь», 1941, № 4.

В автографах сохранился вариант второй строфы, близкий к дословному переводу оригинала.

Ты меня покинул, Джеми,
Ты меня покинул,
Навсегда покинул, Джеми,
Навсегда отринул.

Счастливы ты с другою, Джеми,
Мне же нет покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою!

«Где-то в пещере, в прибрежном краю.» — Впервые под названием «Где-то в пещере» в журнале «Молодая гвардия», 1939, кн. 8.

В переводе выпущены строки, где сказано, что обманутый влюбленный будет ждать смерти.

Расставание. — Впервые под названием «Прощание» в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

За полем ржи. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

Поцелуй — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Над рекой Афтон. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1957.

Здравный тост. — Впервые без названия в журнале «Новый мир», 1946, № 6. Печаталось также под названием «Молитва перед обедом» и «Застольная».

Экспромт, прочитанный Бернсом на званом обеде у лорда Селькирка, где ему предложили произнести молитву.

«Наш Вилли пива наварил.» — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Подруга угольщика. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Я пью твоё здоровье! — Впервые под названием «Прощание» в журнале «Новый мир», 1952, № 4.

Новогодний привет старого фермера его старой лошади. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 4. Печаталось также под названием «Новогодний привет (старый фермер своей лошади)».

Финдлей. — Впервые с подзаголовком «Из Роберта Бернса» в журнале «Крокодил», 1939, № 18. Печаталось также под названием «Кто к нам стучится?».

Шела О'Нил. — Впервые в «Литературной газете», 1939, 20 июля.

Счастливы вдовец. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Ода к зубной боли. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Песня («Растет камыш среди реки...»). — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

«...Нет ни души живой вокруг...» — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

В черновом автографе имеется иной вариант перевода стихотворения:

— Ушла твоя старуха-мать,
А на дворе темно.
Позволь с тобою поболтать,
Залезть в твое окно.

Со мною рядом посиди
У жаркого огня,
И в зимний вечер на груди
Ты обогрей меня!

— Нет, если хочешь ты залезть
Ко мне через окно
И у огня со мной присесть,
Когда вокруг темно, —

Благодарю тебя за честь,
Но помни уговор:
Ко мне одна дорога есть —
Через церковный двор!

Ночной разговор. Ее ответ. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1. Все четыре строфы у Бернса начинаются одинаковым стихом.

Мельник. — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

Девушки из Тарболтона. — Впервые в книге «Литературная Москва», сб. I, Гослитиздат, 1956. В оригинале называется «Семья Роналдсов из Беналса». Название, выбранное Маршаком, у Бернса относится к другому стихотворению, высмеивающему тех же жадных и заносчивых девушек.

Мое счастье. — Впервые в журнале «Новый мир», 1962, № 4.

Пойду-ка я в солдаты. — Впервые в книге «Литературная Москва», сб. I, Гослитиздат, 1956.

«Вина мне пинту раздобудь...» — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Песня («Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли...»). — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8. В оригинале — четыре строфы без повторения в конце произведения первой строфы.

Белая куропатка. — Впервые в журнале «Огонек», 1955, № 42.

Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом. — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

«Скалистые горы, где спят облака...» — Впервые под названием «В горах» в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня. — Впервые в журнале «Новый мир», 1953, № 9.

Горной маргаритке, которую я примял своим плугом. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Ответ на письмо. — Впервые под названием «Послание» в журнале «Новый мир», 1952, № 11. Стихотворение обращено к миссис Скотт, богатой образованной женщине, которая писала стихи и занималась живописью.

Мой парень. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 4.

Счастливая дружба. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11. В белом автографе есть строфа, не попавшая в печатный текст:

Нет у нас шелков и меха,
Нет и золота в ларце,
Но зато такого смеха
Не слышали во дворце!

За тех, кто далёко. — Впервые под названием «Тост» в журнале «Новый мир», 1952, № 4. Стихотворение посвящено сочувствующим идеям Французской революции и борцам за национальную независимость Шотландии.

Чарли — Чарльз Стюарт, потомок шотландских королей, живший в изгнании.

Стихотворение переведено не полностью: из сорока стихотворных строк переведено двадцать девять. Смысл последующих строф стихотворения вложен Маршаком в последнее четверостишие перевода.

Строчки о войне и любви. — Впервые в журнале «Новый мир», 1953, № 9.

В речи, произнесенной на юбилейной сессии в городе Эйр (Шотландия), Маршак сказал по поводу этого стихотворения:

«И как просто, без ложного пафоса говорит он (Бернс) о самых важных на свете вещах: о свободе, о мире, о братстве людей.

Следовало бы написать крупными золотыми буквами на стенах всех парламентов всех государств такие убедительные для простых людей слова Бернса о войне и мире:

Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток,
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток.

Кто может сказать лучше, пусть скажет». Печатается по книге «Сатирические стихи».

Послание к собрату-поэту. — Впервые в журнале «Огонек», 1953, № 33.

Послание адресовано Дэви Силлару из Тарболтона.

Сон. Отрывок. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

Сохранился черновой автограф варианта четвертой строфы:

Мой дар у строгого суда
Не вызовет доверья, —
Однако истина всегда
Сильнее лицемерья.
Давно ль из вашего гнезда
Летели пух и перья.
И много нужно нам труда,
Чтоб возместить потери
В столь грозный день!

Пасекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Тэм Глен. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

Когда кончался сенокос. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 4.

В ячменном поле. — Впервые в книге «Литературная Москва», сб. I, Гослитиздат, 1956, под названием «Вечерней поздней порой».

Надпись на книге стихов. — Впервые в журнале «Нева», 1956, № 3.

Цветок Девона. — Впервые с первой строкой «О, как ты прекрасен, извилистый Девон...» в журнале «Огонек», 1955, № 42.

Перед разлукой. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 4.

Моему незаконнорожденному ребенку. — Впервые под названием «Незаконнорожденному ребенку» в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Любовь и бедность. — Впервые в журнале «Огонек», 1953, № 33.

Что делать девочке? — Впервые в «Литературной газете», 1938, 15 августа.

Сваговство Дункана Грэя. — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

Молитва святоши Вилли и Надгробное слово ему же. — Впервые в журнале «Новый мир», 1953, № 9. В автографе имеется сноска Маршака: «Святоша Вилли — Вильям Фишер — был церковным старостой и славился своей нетерпимостью и ханжеством».

«Со скрипкой черт пустился в пляс...» — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Послание к другу — Впервые в журнале «Новый мир», 1953, № 9. Адресовано одному из друзей юности Бернса, торговцу из Мохлина.

Тэм О'Шентер. Повесть в стихах. — Впервые с подзаголовком «Поэма» в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Эта шуточная поэма о Дугласе Тэме О'Шентере, пьянице, до смерти боявшемся своей сварливой жены, одно из самых любимых произведений Бернса в Шотландии.

Песня («Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...») — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6. Маршак перевел также написанный Бернсом двухстрочный вариант песни:

Ты свисти — и выйду
Тебя я встречать,
Ты свисти — и выйду
Тебя я встречать,
Пусть будут браниться
Отец мой и мать,
Ты свисти — и выйду
Тебя я встречать!

Чтоб нам не тревожить
Ни мать, ни отца,
Ко мне приходи ты
С другого крыльца.
Другое крыльцо —
На другой стороне.
Иди, но как будто
Идешь не ко мне!

Ночлег в пути. — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6. «Что видят люди в городке.» — Впервые под названием «Городок» в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

Березы Эберфёльди. — Впервые в журнале «Огонек», 1953, № 33.

«Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?...» — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1959, 25 января, в журнале «Иностранная литература», 1959, № 1, под названием «Пойдешь ли со мною?».

Босая девушка. — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

«В полях под снегом и дождем...» — Впервые под названием «Тебе одной» в «Литературной газете», 1938, 15 августа.

Прощание. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950. Стихотворение связано с периодом, когда Бернс собирался уехать в Вест-Индию.

К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта — Впервые под названием «К портрету Фергюссона, шотландского поэта» в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

О памятнике, воздвигнутом Бернсом на могиле поэта Роберта Фергюссона. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Надпись на банковом билете. — Впервые под названием «Надпись на бумажных деньгах» с первой строкой «Будь проклят, скомканный листок...» в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Первоначальная публикация значительно отличается от текста последующих изданий перевода, главным образом вторая строфа:

Видал я торжество злодея,
Что грабил нищих не жалея.
Моей руки единый взмах
Его бы сокрушил во прах.
Но этой братии продажной
Ты власть даешь, листок бумажный.

И я от милых берегов
За океан бежать готов.

«Всю землю тьмой зоволокло.» — Впервые в книге «Английские баллады и песни», 1944.

Веселые нищие. Кантата. — Впервые отдельные стихотворения: «Когда бесцветна и мертва.» под названием «Вступленис» в кн. «Сгихи», «Правда», М. 1946 («Биб-ка «Огонька», № 38—39).

«Я воспитан был в строю.» — под названием «Песня отставного солдата», там же.

«Девницей была я — не помню когда...» — под названием «Из веселых нищих», в журнале «Новый мир», 1946, № 6.

«Мудрец от пошмеля глупеет, а плут...» — в «Биб-ке «Огонька», 1946, № 38—39.

«Я, ваша честь, палю жечь...» — сокращенный вариант в журнале «Знамя», 1943, № 4, полностью в «Избранном», «Советский писатель», М. 1947.

Беспутный, буйный Вилли. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1954 («Биб-ка «Огонька», № 23).

Старый Роб Моррис. — Впервые в журнале «Новый мир», 1953, № 9.

Песня («Как слепы и суровы порой отец и мать.»). — Впервые с первой строкой «Как слепы и суровы старик-отец и мать.» в журнале «Новый мир», 1953, № 9.

Песня девзушки. Баллада. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Лорд Грегори. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

«Милорд спешит в поля, в леса...» — Впервые в журнале «Огонек», 1959, № 4.

В автографе сохранился вариант перевода эпиграфа:

Наряд ваш, леди, так хорош,
Весь в золотых цветах он сплошь.
А Дженни в платье простом,
Но краше Дженни не найдешь, —

а также вариант заключительной строфы:

Миледи в бархате, шелку
Подобна пышному цветку,
Но нам дарит блаженный час
Та, что всего милей для нас.

Где к морю кагится река — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 4.

«Стакан вина и честный друг.» — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Западный ветер. — Впервые без названия в книге «Роберт Бернс», 1950.

После 4-й строфы в автографе были еще две строфы, впоследствии вычеркнутые С. Маршаком:

В цветах, обрызганных тобой,
Твой смех я узнаю,
И в песне птицы над рекой
Я слышу грусть твою.

Таких цветов душистых нет
В горах, среди равнин,
В которых тайный твой привет
Я не нашел бы, Джин.

Из поэмы «Святая ярмарка». — Впервые под названием «Святая ярмарка. Фрагмент поэмы» в журнале «Новый мир», 1959, № 1.

К строфе «Для знати выстроено навес» к слову «Джесс» в автографе примечание С. Я. Маршака:

«Джесс — девица легкого поведения, дочь трактирщицы, известной по стихам Бернса».

«Жена верни мне одному...» — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1959, № 1.

Зима пронеслась. — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1959, 25 января, и в журнале «Иностранная литература», 1959, № 1. Переведено только две строфы.

«Был я рад, когда гребень вытаскивал...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1959, № 1.

Нэнси. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

Смерть и доктор Горнбук — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1962, № 11.

Сатирическая поэма, высмеивающая тарболтонского школьного учителя Джона Уилсона, невежду и шарлатана, который претендовал на знание медицины. «Горнбук» — школьный букварь того времени, для сохранности покрытый чехлом из тонкого рога.

Сам Маршак писал о работе над этой поэмой: «Это остроумная, проникнутая добродушным, чисто народным юмором сатира на лекарей. За последние годы я несколько раз пытался перевести эту вещь, но дальше третьей строфы не добрался, а теперь одолел все тридцать строф» (письмо Н. М. Крыловой 22/VII 1962 г.).

«...Перевел я большую и очень трудную, почти неперево-димую поэму Бернса «Смерть и доктор Горнбук», написанную шестистопной строфой (как «Обвал» и «Эхо» Пушкина). По трудности это — переводческий подвиг...» (письмо Л. К. Чуковской 20/VII 1962 г.).

Дружок мой пленен моим взором и станом.. — Впервые под названием «Девушка с приданым» в журнале «Новый мир», 1952, № 11. Печаталось также под названием «Невеста с приданым».

Невеста с приданым. — Впервые в журнале «Новый мир», 1959, № 1.

Пастух. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

В автографе имеется вариант четвертой строфы:

— Нет, я воспитана не так,
Чтоб уходить вдвоем во мрак,
Где так легко попасть впросак
Неопытной девице.

К Тибби — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1954 («Библио-Огонька», № 23).

Свадьба в городке Можлин. — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1959, № 1.

Весной ко мне сватался парень один... — Впервые в «Литературной газете», 1959, 7 мая.

Кузнецу. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8. Стихотворение написано в местечке Венлокхед, где кузнец не хотел подковать лошадь Бернса.

Ода шотландскому пудингу «Хаггис». — Впервые в журнале «Огонек», 1955, № 42.

В автографах имеются два варианта перевода первой строфы.

I вариант:

О, гордость пудинговой расы,
Что пред тобою все колбасы.
Желудок бычий, полный мяса
И требухи,
Тебе готов я час за часом
Строчить стихи.

II вариант, наиболее близкий к тексту оригинала:

Главарь колбасного сословья —
Бараний, бычий иль воловий
Желудок, полный жира, крови
И требухи.
Строчить без усталы готов я
Тебе стихи.

Овсянка. — Впервые в журнале «Октябрь», 1959, кн. 6.

Послание Гамильтону — Впервые в «Литературной газете», 1959, 7 мая, под названием «Послание Гамильтону по случаю рождения у поэта близнецов». В журнале «Октябрь», 1959, № 6, стихотворение было напечатано под названием «На рождение ребенка (Послание Гэвину Гамильтону)».

Четвертая строфа имеет в автографе вариант:

Вливая в наши жилы страсть,
Природа подружила
Прекрасной женственности власть
С отвагою и силой.

Песня раба-негра. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1. В издании 1963 года Маршак снял рефрен после первой и третьей строф:

О, я так устал, я так устал,
Мой прекрасный, мой далекий Сенегал!

«Зачем терпеть в расцвете сил...» — Впервые в журнале «Нева», 1956, № 3. В журнале «Юность», 1959, № 1, печаталось под названием «Из Роберта Бернса», с первой строкой «Зачем в расцвете сил нести...».

В автографе имеется вариант двух последних строк:

Свободе, миру наш привет,
Да сгинет тьма, да будет свет!

«Якобиты на словах...» — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1963. Якобитами со времен английской буржуазной революции назывались шотландские националисты, сторонники диктатуры Стюартов.

Бернсу якобиты сначала казались беззаветными защитниками независимости Шотландии, где во многих городах существовали так называемые «клубы якобитов». Но потом поэт убедился, что эта партия занята лишь политическими интригами.

Отрывок («Прощай, синева, и листва, и трава..»). — Впервые под названием «Песня смелых» в «Литературной газете», 1959, 7 мая. В журнале «Октябрь», 1959, № 6, опубликовано под названием «Песня храбрых». Представляет собой перевод первой строфы. Песня поется от имени воинов, умирающих на поле боя.

В автографе есть перевод остальных двух строф:

Ты, Смерть, погребашь безвестных крестьян
В безвестной могиле сырой.
Но падает, славой своей осиян,
За родину юный герой.

Умрем же без страха — ни шагу назад! —
В неравном и славном бою.
Кто в блеске победы грядущей не рад
Стоять и погибнуть в бою?

Горец. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 4.

О чествовании памяти поэта Томсона. — Впервые в газете «Литература и жизнь», 1959, 25 января.

Надпись на алтаре независимости — Впервые в книге «Литературная Москва», сб. I, Гослитиздат, 1956. Стихотворение было написано Бернсом в период Французской революции, когда вошло в традицию сажать «деревья свободы» и возводить «алтари свободы».

Надпись алмазом на оконном стекле в таверне. — Впервые в Сочинениях, т. 3.

О песне дрозда, которую поэт услышал в день своего рождения — на рассвете 25 января. — Впервые в журнале «Нева», 1956, № 3.

Сова. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

Жалоба реки Бруар владельцу земель, по которым она протекает. — Впервые под названием «Прошение бруарских вод владельцу земель, по которым они протекают» в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Элегия на смерть моей овцы, которую звали Мэйли. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Мэгги с мельницы. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Свадьба Мэгги — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1957.

Застольная — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1954.

Песня о злой жене — Впервые в журнале «Огонек», 1953, № 33. Печаталось также под названием «Песня битого мужа».

Песенка о старом муже. — Впервые в книге «Литературная Москва», сб. I, Гослитиздат, 1956.

Песня на мотив народной песни «Покупайте веники». — Впервые в газете «Литература и жизнь», 1959, 25 января.

О лисице, которая сорвалась с цепи и убежала от мистера Гленридделя. — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1959, № 1. Сатирическая поэма, в которой высмеиваются либеральные шотландские землевладельцы в лице друга Бернса капитана Ридделя. Поэма не окончена Бернсом.

Magna Charta — Великая хартия вольностей. Подписана королем Джоном в 1215 году под давлением восставших феодалов.

Немврод — легендарный охотник, упоминающийся в Библии.

Семирамида — легендарная царица Ассирии.

Ксеркс (V в. до н. э.) — персидский царь, разбитый греками в битве при Саламине.

Билли (Уильям) Питт (1708—1778) — английский политический деятель XVIII века, много раз возглавлявший правительство.

Ничего. — Впервые в журнале «Огонек», 1953, № 33.

Две собаки. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1963.

Жалоба девушки. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 11.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Про кого-то. Подруга моряка. — Впервые в журнале «Новый мир», 1953, № 9.

Печатаются по книге «Роберт Бернс», «Правда», М. 1954.

Дэви. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1954.

Печатается по тексту первой публикации.

Предвыборная баллада. — Впервые в журнале «Огонек», 1959, № 4. Принадлежит к числу политических сатир Бернса. В частности, им написана целая серия предвыборных баллад под общим названием «Баллада на выборы м-ра Герона». Маршак из всех этих баллад перевел первую.

Печатается по тексту первой публикации.

Плестись мог бы я тобой. — Впервые в журнале «Октябрь», 1959, № 6.

Сохранился черновой автограф варианта перевода:

Любой любит тебя тобой,
И я люблю, — не таю. —
Но вижу: просьбой и мольбой
Легко добыть любовь твою.

Ты так прекрасна, но — прости! —
Готова ласки раздавать,
Как вешний ветер, что в пути
Весь мир готов расцеловать.

У свежей розы так хорош
И цвет и запах, — спору нет.
Когда же ты ее сомнешь,
Погаснет блеск, увянет цвет.

Пленя блеском каждый взор,
Царить ты будешь краткий срок,
А после выметут, как сор,
Измятый ласками цветок.

Печатается по тексту первой публикации.

Два парня. — Впервые в «Литературной газете», 1959, 24 января.
Сохранился автограф варианта перевода:

Жили два парня когда-то в Шотландии.
Джоки был счастлив, несчастлив был Санди.
Джоки — владелец земель и овец,
Санди бедняк, но зато молодец.
Джоки приданого Меджи добился,
Санди в красавицу Мэри влюбился.

Печатается по тексту первой публикации.

«Пора огчальить кораблю.» — Публикуется впервые. Прощальное стихотворение адресованное Кларинде; этим именем Бернс называл своего эдинбургского друга — портессу, светскую даму Эгнес Мак Леос, оказавшую влияние на его литературную судьбу.

Печатается по автографу 1938 г.

«Ты не там спала, где надо...» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу конца 30-х годов.

«Что сделала со мною мать.» — Публикуется впервые. Оригинал представляет собой обработку старинной песни.

Печатается по автографу начала 40-х годов.

«Сердца быстрое биенье.» — Публикуется впервые. В оригинале имеется две редакции песни: в одной — три строфы, в другой — две. Маршак выбирает вариант из двух строф. Несколько изменен общий тон стихотворения. У Бернса девушка молит и закликает не покидать ее, и стихотворение адресовано неверному возлюбленному.

Печатается по автографу конца 40-х годов.

«Властитель ног да и сердец!..» — Публикуется впервые. Перевод неполный: из четырнадцати строф переведено всего четыре и мысль, выраженная в оригинале, не закончена. В последующих

двух строфах Бернс развивает мысль о том, что музыка важнее ехолостики.

Печатается по автографу 1949 г.

Садовник с лопатой. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу начала 50-х годов.

Домик у ручья. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 50-х годов.

«Побывал я между скал...» — Публикуется впервые. Стихотворение перекликается со стихотворением «Лучший парень». Речь идет об одном из эпизодов многолетней войны шотландцев против англичан. Вилли, он же «кровавый пес», — ненавистный шотландцам герцог Уильям Камберлендский.

Печатается по автографу.

Песенка («Жила-была тетка под старую ивой...») — Публикуется впервые.

Печатается по черновому автографу.

«Что предо мной король Луи...» — Публикуется впервые.

Д ж и н А р м о р — впоследствии жена Бернса.

Печатается по автографу 1952 г.

На берегу реки Эйр. — Публикуется впервые.

Написано в связи с намерением Бернса уехать в Вест-Индию.

Печатается по черновому автографу 50-х годов.

«У мамы тихо я росла...» — Публикуется впервые.

У Бернса имеются два варианта — четырех- и трехстрочный. Маршак выбрал тот, где четыре строфы.

Печатается по автографу начала 50-х годов.

Поедешь ли в Индию, Мэри? — Публикуется впервые.

Печатается по автографу начала 50-х годов.

[Шерамурский бой] («Пришел ли ты пасти овец...»). — Публикуется впервые.

В оригинале называется «Шерамурская (или шерифмурская) битва». Стихотворение представляет собой переработку старинной песни, написанной эдинбургским священником о сражении при Шерамуре, в котором шотландцы обратили в бегство англичан под командованием герцога Аргайля.

Перевод не закончен, остались не переведенными две строфы.

Печатается по черновому автографу.

«Как мне не плакать день и ночь!...» — Публикуется впервые.

Не переведена последняя, четвертая строфа, в которой невеста моряка призывает к тому, чтобы настал мир и возвратил ей любимого. В оригинале припев повторяется без изменений, как после первой строфы.

Печатается по автографу начала 50-х годов.

«Оставьте романы!..» — Публикуется впервые.

Перевод не закончен. Из четырех строф переведены всего две.
Грандиссон — герой одноименного романа английского писателя Самюэля Ричардсона (1689—1761).

Том Джонс — герой одноименного романа английского писателя Генри Филдинга (1707—1754).

Роберт Мосгилл (в оригинале Роб Мосгилл) — сам Роберт Бернс; Мосгилл — ферма, которую он арендовал после смерти отца.

Печатается по черновому автографу начала 50-х годов.

«Мую ладонь твоей накрой...». *«Наследница-дочь на охоте была...»* — Публикуются впервые.

Печатается по автографам начала 50-х годов.

«Когда деревья обнажил...» — Публикуется впервые.

Перевод не закончен: из одиннадцати строф переведено пять.

Печатается по автографу середины 50-х годов.

«Мой Джоки — славный молодец...» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 50-х годов.

«Когда молодежь на траве среди луга...». *«Красавицы деревни Мохлин...»* — Публикуются впервые.

Печатается по автографам середины 50-х годов.

«Всеми забыта, нема...» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 1955 г.

Мисс Феррьер. — Публикуется впервые.

Стихотворение посвящено дочери Дж. Феррьер, писателя и покровителя Бернса в Эдинбурге.

Печатается по автографу середины 50-х годов.

«Веселый май одел кусты...» — Публикуется впервые. Перевод не закончен: переведена только одна строфа стихотворения (разбитая на два четверостишия) и припев.

Печатается по автографу конца 50-х годов.

«Люблю один я городок...» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу конца 50-х годов.

Эпиграмы. В литературном наследии Бернса имеется большое количество эпиграмм, дружеских и сатирических. Посвящены они самым разным лицам и часто возникали как экспромты. Многие из них написаны в форме шуточных эпитафий. Эти произведения Бернса привлекали Маршака лаконизмом и остротой, которую поэт так хорошо умел передавать в своих переводах. Большей частью это — четверостишия.

К портрету духовного лица — Впервые без названия в журнале «Крокодил», 1945, № 40. В разных изданиях печаталось также

под названиями: «К портрету», «К портрету аббата» и «Эпиграмма».

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

Эпитафия бездушному дельцу. — Впервые под названием «Надпись на могильном камне» в журнале «Новый мир», 1950, № 1. В разных изданиях печаталось также под названиями: «Надгробная надпись», «Надпись на камне», «Надгробная надпись чиновнику», «Надгробная надпись издателю» и «Прижизненная эпитафия издателю».

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

Поклоннику знати — Впервые без названия в журнале «Крокодил», 1945, № 40. В разных изданиях печаталось также под названиями: «Придворному низкопоклоннику», «Эпиграмма», «Завсегдаю передних».

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

Надпись на могиле школьного педанта. — Впервые под названием «Надпись на могиле школьного наставника» в журнале «Новый мир», 1946, № 4—5. В разных изданиях печаталось также под названием «Надпись на могиле школьного учителя».

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

При посещении богатой усадьбы. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

На лорда Галлоуэй. — Впервые под названием «К портрету лорда Галлоуэй» в книге «Бернс Р. Избранное», Гослитиздат, М. 1947.

Книжный червь. — Впервые в журнале «Огонек», 1946, № 29. В большинстве изданий печаталось под названием «О книгах в переплетах».

Надгробная надпись. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950. Печаталось также под названием «Надгробная надпись чиновнику».

О черепе тупицы. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

Надпись на могиле сельского волокиты. — Впервые под названием «Эпитафия на могиле сельского волокиты» в книге «Английские баллады и песни», 1964.

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

О происхождении одной особы — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1. В разных изданиях печаталось также под названиями: «Эпиграмма» и «В году семьсот сорок девятом».

Потомку Стюартов. — Впервые в книге «Бернс Р. Избранное», Гослитиздат, М. 1947. В цикле «Графу Галлоуэй, который считал себя отпрыском королевского рода Стюартов».

Па благодарственном молебне по случаю победы. — Впервые в книге «Литературная Москва», сб. I, Гослитиздат, 1956.

Ответ «верноподданным уроженцам Шотландии». — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 1.

При посещении разрушенного дворца шотландских королей. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1957.

Переводчику Марциала. — Впервые под названием: «Эпиграмма на Эльфинстона, который перевел эпиграммы Марциала» в книге «Бернс Р. Избранное», Гослитиздат, М. 1947.

Печатается по сб. «Сатирические стихи».

Ответ на угрозу злонамеренного критика. Актрисе мисс Фонтенелль. К портрету известной мисс Бернс. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Ярлычок на карету знатной дамы — Впервые в книге «Бернс Р. Избранное», 1947.

О золотом кольце. Красавице, проповедующей свободу и равенство. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Надпись на могиле эсквайра, который был под башмаком у жены. — Впервые под названием «Надпись на могиле эсквайра, который был у жены под башмаком» в книге «Роберт Бернс», 1954.

Эпитафия преподавателю латыни. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Мисс Джинки Скотт. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Лорд-адвокат. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Проповеднику лемингтонской церкви — Впервые под названием «В лемингтонской церкви» в журнале «Новый мир», 1946, № 4—5.

Трактирщице из Рослина. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1957.

О плохих дорогах. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Надпись на могиле честолюбца. — Впервые с первой строкой «Покойник так любил отличья и чины» в журнале «Огонек», 1945, № 29. Печаталось также под названием «Эпитафия честолюбцу» в разных изданиях.

Эпитафия твердолобому трусу. Художнику. Девушке маленького роста — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Эпитафия владельцу усадьбы. Петленный капитан. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

В защиту акцизного. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Капитану Ридделю при возвращении газеты. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Три вывески. — Впервые под названием «Три портрета» в журнале «Огонек», 1953, № 33.

Стихи, написанные алмазом на окне гостиницы. Эпитафия старухе Гризель Грим. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру. — Впервые в книге «Бернс Р. Избранное», 1947. В разных изданиях печаталось также под названиями «Эпитафия провинциальному дворянину» и «Надгробная надпись».

Надпись на официальной бумаге, которая предписывала поэту «служить», а не «думать». — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Стихотворение написано Бернсом в то время, когда он служил сборщиком налогов.

Печатается по книге «Роберт Бернс», 1959.

По поводу болезни капитана Френсиса Гроуза. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1950.

Печатается по книге «Роберт Бернс», 1959.

Зеркало. — Впервые под названием «Экспромт» в книге «Роберт Бернс», 1954.

Печатается по книге «Роберт Бернс», 1959.

Знакомому, который отвернулся при встрече с поэтом. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Джонсону. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Печатается по книге «Роберт Бернс», 1959.

Лорду, который не пустил в свои палаты поэта и его друзей, интересовавшихся архитектурой. — Впервые под названием «Джентльмену, который не пустил в свои владения поэта и его друзей, интересовавшихся архитектурой» в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Эпитафия самоубийце. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 1.

Печатается по книге «Роберт Бернс», 1959.

Эпитафия крикливому спорщику. — Впервые под названием «Эпитафия шумному полемисту», с первой строкой «Ушел ли ты на небеса», в журнале «Огонек», 1956, № 1. В Сочинениях, т. 3, эта строка читается иначе: «Ушел ли ты в небесный рай...»

Печатается по книге «Роберт Бернс», 1959.

Эпитафия церковному старосте, сапожнику Гуду. — Впервые в книге «Роберт Бернс», 1957. В разных изданиях печаталось также под названием «Эпитафия старшине сапожников Гуду».

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Мистеру Вильяму Моль оф Панмур, которого поэт увидел в новом элегантном фазтоне на скачках (бегах). — Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

«Недаром, видимо, господь ..» — Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

Из Вильяма Блейка

Вильям Блейк (1757—1827) — великий английский поэт и художник. Непризнанный и забытый современниками, он был «открыт» во второй половине XIX века и высоко оценен как предшественник английских романтиков.

Маршаку принадлежит заслуга открытия творчества Блейка для русского и советского читателя. С произведений Блейка начал он свой путь переводчика и работал над переводами его стихов до последних дней своей жизни.

Так, в статье 1962 года «Над чем я работаю» он сообщает:

«Перевожу стихи замечательного английского поэта Вильяма Блейка, которого до меня переводил только Бальмонт. Переводами из Блейка занимаюсь с 1913 года и надеюсь подготовить в недалеком будущем сборник избранных его произведений. Несмотря на то, что стихи Блейка написаны во второй половине XVIII века и в первой четверти XIX, некоторые из них кажутся более современными и по форме и по содержанию, чем многие стихи многих поэтов, появившихся на Западе после него».

Первые четырнадцать переводов стихотворений из ранних сборников Блейка были опубликованы в журнале «Северные записки» (1915, № 10 и 1916, № 3).

Этой публикации Маршак предпослал краткое введение, в котором пишет.

«Поэт, живописец и гравер, Блэк¹ дождался своего полного признания на родине только в наши дни, хотя писал во времена Французской революции, до Вордсворта и Озерной школы. Вторая, вполне зрелая и оригинальная книга Блэка «Songs of Innocence» — «Песни невинности» появилась в 1789 году, то есть за четыре года до первого скромного дебюта Вордсворта, за три года до рождения Шелли и спустя год после рождения Байрона.

¹ Так в то время произносилось имя Блейк в России. (Прим. коммент.)

Живое, необычное для того времени чувство природы, простота и ясность формы, глубина мистицизма и смелость воображения — все это оказалось выше понимания современников Блэка. Не только позднейшие «пророчества» и философские его поэмы не устояли перед типографским станком, но и детски ясные «Песни невинности» увидели свет исключительно благодаря тому, что поэт был гравером и оказался в состоянии собственноручно выгравировать их и отпечатать.

Сын ремесленника, Блэк всю свою долгую, семидесятилетнюю жизнь провел в труде и бедности. Но жизнь эта была необыкновенно богата духовным содержанием. Блэк зарисовывал свои удивительные видения, являвшие ему образы демонической силы и ангельской нежности, беседовал с патриархами и пророками и терпеливо переносил нужду рука об руку со своей верной подружкой — женой, одухотворенной Мэри Блэк» («Северные записки», 1915, октябрь, № 10, стр. 73).

Всю свою жизнь Маршак мечтал издать книгу избранных стихотворений Блейка. Он впервые написал об этом И. И. Горбунов-Посадову 31 января 1917 года: «Небольшую книжку Блэка я понемногу готовлю, а также статью о нем и его отношении к ребенку (для «Маяка»)».

В 1961 году он продолжает готовить переводы для этой книжки.

«Очень хочется собрать переводы стихов Блейка, — это замечательный поэт, которого у нас почти не знают» (письмо А. В. Македонову 16/VII 1961 г.).

В 1963 году Маршак вплотную занимается составлением книги; вновь вносит исправления в прежние переводы, работает над новыми. Он пишет: «Перевожу Блейка и надеюсь сдать в конце этого года избранные стихи этого поэта, которого перевожу около пятидесяти лет» (письмо Г. И. Зинченко 3/VII 1963 г.).

Однако Маршаку так и не удалось увидеть эту книгу: томик избранных стихов В. Блейка в переводах С. Я. Маршака вышел в свет уже после смерти поэта. Многие стихи вошли в нее в новых вариантах перевода, сделанных в 1963 году. В настоящем издании произведения расположены в соответствии с современными английскими изданиями Блейка.

Из книги «Поэтические наброски»

Из первого сборника стихов Блейка, во многом незрелых и подражательных, Маршак выбирает всего три стихотворения.

Песня — Впервые в «Северных записках», 1915, под заголовком «Князь любви».

Печатается по первой публикации.

Король Гвин. Баллада. — Впервые без подзаголовка в книге «Баллады и песни английского народа», Детгиз, М. — Л. 1942. Стихотворение написано в стиле народных баллад.

Печатается по сб. «Избранные переводы», 1959.

Игра в жмурки. — При жизни не публиковалось.

У Блейка все стихотворение написано четырехстопным ямбом. Маршак первую строфу переводит амфибрахией. Это выделяет ее как введение, создает напевность, словно передает величавую поступь зимы. Описание игр деревенской молодежи переведено четырехстопным ямбом.

Печатается по автографу 1963 г.

Из книги «Песни невинности» и «Песни опыта».

Из «Песен невинности». «Песни невинности» с их ясностью и оптимистическим восприятием жизни и природы близки творческому складу Маршака, поэта и переводчика: он перевел весь сборник, за исключением двух стихотворений: «Бутош» и «Божественный образ».

Вступление. — Впервые под названием «Вступление к песням невинности» в «Северных записках», 1916.

В новой редакции впервые в книге «Избранные переводы», 1946.

В оригинале пять строф.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Пастух — Впервые в «Северных записках», 1915.

Печатается по автографу 1963 г.

Смеющаяся эхо. — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Агнец. — Впервые в журнале «Северные записки», 1915.

Печатается по автографу 1963 г.

Черный мальчик — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 50.

Печатается по автографу 1963 г.

Маленький трубочист («Был я крошкой, когда умерла моя мать...») — Впервые в «Северных записках», 1916, под заголовком «Трубочист».

В журнале «Иностранная литература», 1957, № 10, был опубликован другой вариант:

Был я крошкой, когда умерла моя мать,
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я тружусь и терплю,
Ваши трубы я чищу и в копоты сплю.

Белокурый наш Том столько выплакал слез —
Было жалко бедняге кудрявых волос.
Я сказал ему: — Ладно, не плачь, старина,
Без кудрей тебе сажа не будет страшна!

Он забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто он, Дик и Нэд и десятки ребят
В черных гробиках тесных под крышками спят.

Но приходит к ним ангел с ключом золотым,
Он гроба отпирает один за другим,
И ребята вприпрыжку несутся к реке
И, умывшись, играют в лучах на песке.

А потом нагишом, налегке, без мешков
Том с друзьями залез на гряды облаков.
И сказал ему ангел: — Послушай-ка, Том,
Будь хорошим, и бог тебе будет отцом.

Ранним утром проснулись ребята впотьмах
И с мешками пошли чистить трубы в домах.
Утро было сырое, но Том не продрог.
Тот, кто честен и весел, не знает тревог.

Печатается по автографу 1963 г.

Заблудившийся мальчик («Где ты, отец мой?..») — Впервые в «Северных записках», 1916, с первой строфой в следующем варианте:

Где ты, отец мой? Помедли немного,
Трудно с тобой мне идти.
Милый отец, отзовись, ради бога!
Мальчик не знает пути.

Печатается по автографу 1963 г.

Мальчик найденный — Впервые в «Северных записках», 1916, под названием «Найденный».

При жизни больше не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Смеющаяся песня. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 50.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из «Колыбельной песни». — Впервые в «Литературной газете», 1957, 28 ноября, в сокращении: из восьми строф Маршак напечатал пять.

Три последние строфы, переведенные Маршаком, зачеркнуты им в автографе:

Милый мальчик, образ твой
Мне напомнил лик святой,
Лик того, кто, слаб и мал,
В яслях некогда лежал.

Тихо плакал он во сне
 О тебе и обо мне.
 И теперь глядит, любя,
 Он с улыбкой на тебя.
 Он смеется всем, кто мал.
 Он для них младенцем стал.
 Детский смех — небесный смех —
 В царство мира манит всех.

Печатается по автографу 1963 г.

Святой четверг («По городу проходят ребята по два в ряд»). — Впервые в «Северных записках», 1915. Первые две строфы отличаются от более поздних вариантов:

Куда идут ряды детей, умытых, чистых, ясных.
 В нарядных платьях — голубых, зеленых, синих, красных.
 Седые дядьки впереди Толпа течет под своды
 Святого Павла, в гулкий храм, как мощной Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица!
 Сияют ярко в полумгле их радостные лица.
 Стоит в соборе смутный шум, невинный гул ягнят,
 Ручонки подняты в мольбе, и голоса звенят.

Печатается по автографу 1963 г.

Ночь. — При жизни Маршака не публиковалось. В архиве имеется несколько вариантов. Один из них записан в дневнике, начатом в Тинтерне (Англия), между записями от 30/V 1914 и 15/III 1915 годов. В этом варианте две строфы не переведены.

У Блейка в 8-строчной строфе четырехстопный ямб чередуется с амфибрахией. У Маршака все переведено ямбом.

Только в одном варианте дано чередование: четыре стиха первой строфы переведены амфибрахией:

Меж звезд, как чудесный
 Цветок поднебесный,
 Блаженства полна,
 Смеется луна.

Печатается по автографу 1963 г.

Весна. — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Вечерняя песня. — Впервые под названием «Песня няни» в «Северных записках», 1916.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Дитя-радость. — Впервые в сборнике «Избранные переводы», 1947.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Сон. — Впервые в «Северных записках», 1915, в следующем варианте:

С О Н

Сон, витая надо мной,
Сплел узор свой кружевной.
Вижу: в травах, меж сетей,
Заблудился муравей.

Полон скорби и тревог,
Он в скитаньях изнемог
И, лишаясь чувств и сил,
Так с собою говорил:

«Детки малые одни,
Дома ждут меня они:
То глядят во мрак ночной,
То в слезах бегут домой».

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
Он спросил: «Чей скорбный стон
Нарушает летний сон?..

Выслан я с огнем вперед...
Жук со мной идет в обход.
Он сведет тебя домой.
Бедный путник, бог с тобой!»

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

О скорби ближнего. — При жизни не публиковалось. В оригинале 12 строф. Три последние строфы, переведенные Маршаком в автографе, им зачеркнуты:

Он дает отраду нам,
Он младенцем был и сам,
Сам изведал он печаль,
И ему страдальцев жаль.

Разве слабый детский стон
С высоты не слышит он?
Разве каждый вздох людской
Не встречает он с тоской?

Он стремится нам помочь.
Наши скорби гонит прочь,
А пока их не прогонит,
Он и сам от скорби стонет.

Печатается по автографу 1963 г.

Из «Песен опыта». В этом, втором, цикле жестокий опыт жизни разрушает идиллию неискушенного, радостного детства. Маршак перевел всего двенадцать стихотворений из двадцати восьми.

Святой четверг («Чем этот день весенний свят...»). — Впервые в «Северных записках», 1916, в следующей редакции:

Там ли день господень свят,
Где цветущая страна
Голодающих ребят,
Будто пасынков, полна?..

Вместо песни — робкий стон,
Где же радость здесь слышна?
Детский плач со всех сторон...
Что за нищая страна!

Видно, чужд ей светлый луч,
Не цветут ее луга.
Не редеет сумрак туч.
Вечно падают снега...

Ибо там, где божий свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет кошмаров нищеты.

Маршак неоднократно возвращался к этому стихотворению, в архиве сохранилось множество вариантов.

Печатается по автографу 1963 г.

Заблудившаяся девочка. — Впервые в «Северных записках», 1916.

Печатается по первой публикации.

Маленький трубочист («Черный маленький мальчик на белом снегу...»). — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Муха. — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1957, № 10, с третьей строкой в следующем варианте:

Вот я, играя,
Живу, пока
Меня слепая
Смахнет рука.

Печатается по автографу 1963 г.

Тигр. — Впервые в «Северных записках», 1915, в следующем варианте:

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В жуткой тьме пустынной чащи,
Чьим искусством, чьей рукой
Создан стройный образ твой?

В небесах или в глубинах
Тлеет огонь очей звериных?
Где таился древле он?
Чьей рукою был пленен?

Что за Мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Он ли сталь твою ковал?
Где твой гневный мозг пылал?
Кто впервые сжал клещами
Адский сплав, метавший пламя?

А потом, когда в ночи
Звезды кинули лучи
И покрыла небеса
Их дрожащая роса, —

Испытал ли наслажденье,
Завершив свое творенье,
Твой Создатель? Кто же он?
Им ли агнец сотворен?

Тигр, о тигр, — огонь горящий
В глубине полночной чаши,
Чьей бессмертной рукою
Создан страшный образ твой?..

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«Есть шип у розы для врага...» — При жизни не печаталось.
Перевод четверостишия, в оригинале названного «Лилия».

Печатается по автографу 1963 г.

Маленький бродяжка. — Впервые в журнале «Аргус», 1917, № 3,
под заголовком «Маленький бродяга», с примечанием Маршака.

В 1947 году в «Избранных переводах» стихотворение вышло
под заголовком «Бродяжка» в следующем варианте:

Ах, маменька! Церковь темна, холодна.
Но жарко и весело в доме вина.
Ты знаешь, каков я, родимая мать,
Такому бродяжке в раю не бывать.

Вот ежели бы в церкви нам дали вина
Да яркое пламя, коль ночь холодна, —
Мы будем молиться весь день и всю ночь,
Никто нас из церкви не выгонит прочь!

И пастырь наш пил бы и пел веселей,
Мы были бы рады, как птицы полей,
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Проть бы не стала приютских калек!

И бог был бы счастлив, как добрый отец,
Увидев счастливых детей наконец.
Он, верно, простил бы и бочку, и черта,
И дьяволу дал бы камзол и ботфорты!

Печатается по автографу 1963 г.

Лондон. — Впервые в «Избранных переводах», 1947, все строфы, кроме первой, в ином варианте:

Мне слышатся со всех сторон
Стенанья взрослых и детей,
Мне чудится тяжелый звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор.
А вздох солдата-горемыки
Тревожит королевский двор.

А поздней ночью, в шумной свалке
Позорит ругань проститутки
И слезы первые малютки,
И свадебные катафалки.

Печатается по автографу 1963 г.

Человеческая абстракция. — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Древо яда. — Впервые в журнале «Красноармеец», 1943, № 11.

Печатается по книге «Английские баллады и песни», 1944.

Заблудившийся мальчик («Нельзя любить и уважать...»). — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Школьник. — Впервые в «Северных записках», 1916.

Печатается по автографу 1963 г.

Стихи разных лет. После «Песен опыта» Блейк не издавал сборников своих лирических произведений. Его произведения разных лет (1793—1811) были собраны в сборник посмертно по рукописям. Сюда включены стихи, написанные Блейком в течение почти двадцати лет. Они очень различны по характеру и форме. Помимо лирических стихотворений, здесь много эпиграмм и коротких афористических двустиший и четверостиший.

«Словом высказать нельзя...» — Впервые в «Избранных переводах», 1947.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Золотая часовня. — Впервые в «Избранных переводах», 1947.

Печатается по журналу «Иностранная литература», 1957, № 10.

Песня дикого цветка. — Впервые под названием «Песня цветка» в журнале «Русская мысль», 1918, т. 39, № 3—6, в следующем варианте:

Средь чащи зеленой
Блуждал я весной.
Там пел свою песню
Цветочек лесной:

«Я рос под землею
И спал беззаботно.
Во сне улыбался
И бредил дремотно.

Пробился я, светел,
Как ясная зорька,
Но мир меня встретил
Обидою горькой».

Печатается по автографу 1963 г.

Снег. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 50, в разделе «Эпиграммы».

Печатается по автографу 1963 г.

«Разружьте своды церкви мрачной...» — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Меч и серп. — Впервые под названием «Жизнь и смерть» в «Избранных переводах», 1947.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«Коль ты незрелым мигом овладел...» — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу.

Летучая радость. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 50, в разделе «Эпиграммы» (в оригинале называется «Вечность»).

В архиве имеется много вариантов переводов.

Приводим два из них:

Счастья миг к себе притянешь,
Жизнь крылатую поранишь.
На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

Вариант восьмистрочный:

Если радость взял ты силою,
Через миг уже мертво
Молодое, легкокрылое,
Огневое существо.

Кто целует радость чистую,
Пошадив ее полет,
Тот увидит, как лучистое
Солнце вечности встает.

Вопрос и ответ. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 1957 г.

Богатство. — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

Разговор духовного отца с прихожанином. — Впервые в книге «Стихи. Сказки. Переводы», т. 2, Гослитиздат, М. 1955.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«К восставшей Франции мошенники Европы...» — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу.

Искательнице успеха. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 50

Печатается по тексту первой публикации.

«Я слышу зов, неслышимый вам...» — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу.

[Утро] («Пища тропинки на Закат...»). — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1914 г.

«Есть улыбка любви...» — При жизни не публиковалось. В оригинале название — «Улыбка и злобная мина». В переводе опущены две последние строфы.

Печатается по автографу 50-х годов.

Мэри — При жизни не публиковалось. В архиве сохранилось много вариантов, в том числе и дореволюционных.

Печатается по автографу 1963 г.

Хрустальный чертог. — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1957, № 10.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Длинный Джон Браун и малютка Мэри Бэлл. — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1963 г.

«Мой ангел, наклонясь над колыбелью...» — При жизни не публиковалось.

Печатается по автографу 1962 г.

«Всю жизнь любовью пламенной сгорая...» — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 50, в следующем варианте:

Семь семилетий на костре сгорая,
Мечтал я отдохнуть в аду от рая.

Печатается по автографу 1963 г.

О благодарности. — Впервые без названия в «Избранных переводах», 1947.

Печатается по «Литературной газете», 1957, 27 ноябрь.

Взгляд Амура. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 1957 г.

«Я встал, когда редела ночь...» — Впервые в «Литературной газете», 1957, 27 ноября.

Печатается по автографу 1962 г.

«Что оратору нужно?» — Впервые в журнале «Новый мир», 1962, № 11.

Печатается по тексту первой публикации.

Вильяму Хейли о дружбе — Публикуется впервые. Вильям Хейли — второстепенный стихотворец, богатый дворянин. В ряде стихотворений Блейк высмеивает Хейли, снисходившего до дружбы с гравером и разыгрывавшего мецената по отношению к Блейку.

Печатается по автографу 50-х годов.

Ему же («Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади...»). — Публикуется впервые (см. примеч. к предыдущему стихотворению).

Печатается по автографу 50-х годов.

Моему хулителю — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 1960 г.

Эпитафия — Не публиковалась. Печатается по автографу 1962 г.

Из «Пророческих книг». Под этим названием объединяют написанные в разное время десять аллегорических поэм Блейка, где в фантастичной форме поэт стремится передать свои размышления о судьбах человечества, о прошедшем и будущем, об извечной борьбе против несправедливости и надежду на конечную победу добра.

«В «Пророческих книгах» проявился глубокий кризис творческого сознания Блейка, — пишет в книге о Блейке А. А. Елистратова («Вильям Блейк», изд. «Знание», 1957), — вызванный и трагедией вынужденного личного одиночества, и крушения надежд на скорое торжество царства равенства и справедливости, возведенное, казалось, Французской революцией...»

Сложная библейская и мифологическая символика поздних произведений Блейка, их пророческий пафос, мистика поэтических откровений были чужды Маршаку. Он переводит лишь «Книгу Тэль» и три отрывка из поэмы «Мильтон». Большой интерес вызвали у Маршака написанные в те же годы философские и сатирические «Проречения невинности» и «Пословицы ада».

Книга Тэль. — Не публиковалось. В архиве сохранилось много вариантов переводов, в том числе и дореволюционного периода.

«Книга Тэль» стоит в стороне от других «Пророческих книг». Самая ранняя из поэм Блейка, она по прозрачности и простоте языка перекликается с «Песнями невинности» и «Песнями опыта».

И философская проблематика книги также близка первым сборникам. В переводе сохранен белый стих и семисложный размер (чаще всего семистопный ямб с цезурой) оригинала.

Печатается по автографу 1963 г.

Книга «Бракосочетание Неба и Ада»

«Ринтра ревет, потрясая огнями...» — Впервые в журнале «Иностранная литература», 1957, № 10.

При переводе сохранен сложный метрический строй и аллитерации оригинала (напр., «р» и «п» в первой и второй строфах).

Ср.: 1) *Rintrah roars and shakes his fines in the burden'd air*

*Ринтра ревет, потрясая огнями,
В обремененном воздухе.*

2) *Once meek and a perilous path
The just man kept his course along*

*По оласной тропе
Праведный шел человек,
Пробираясь долиной смерти.*

Печатается по тексту первой публикации.

Мильтон. — Три отрывка из поэмы.

Первый отрывок — *«На этот горный склон крутой...»* — Впервые в журнале «Русская мысль», 1918, т. 39, кн. 3—6, в следующем варианте:

*Меж трав по склонам наших гор
Ступала ль господя нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии дуга?*

*Глядел ли древний божий лик
В наш дол туманный с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж этих фабрик сатаны?*

*Есть лук желанья золотой
И стрелы страсти у меня,
Пусть тучи грозные примчат
Мне колесницу из огня!*

*Мой дух в борьбе несокрушим,
Пусть грянет бой — бескровный бой...
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.*

Второй отрывок — *«Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны...»*, и третий отрывок — *«Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный...»* — при жизни не публиковались.

Все три отрывка печатаются по последнему автографу.

Афоризмы. Афоризмы Блейка составляют три цикла: «Пословицы ада» (1793), «Прорицания невинности» (1803) и «Вечное Евангелие» (1818).

«Пословицы ада» написаны в прозе и опубликованы Блейком. Остальные афоризмы собраны издателем позже, по рукописям.

В лаконичной форме, часто в виде сатирических, злых эпиграмм, направленных против несправедливых общественных устройств и законов, Блейк высказывает свои политические, философские, религиозные взгляды. Обращает внимание, насколько верования поэта были далеки от учения ортодоксальной церкви. Еще с большей остротой выступает он здесь против социальной несправедливости.

Из «Пословиц ада». — Всего в оригинале 70 пословиц. Из них Маршак перевел 68. 42 опубликованы в журнале «Иностранная литература», 1957, № 10. Остальные пословицы при жизни не публиковались.

Печатаются по автографу 1963 г.

Из «Прорицаний невинности»

«В одном мгновенье видеть вечность...» — Впервые в журнале «Знамя», 1943, № 11—12.

Печатается по автографу 1963 г.

Из 66 двустиший «Прорицаний невинности» Маршак перевел 56.

Из них 18 были впервые опубликованы в журнале «Иностранная литература», 1957, № 10; 6 — в «Неделе», 1962, № 44, 28 октября — 3 ноября.

Печатаются по автографу 1963 г.

Из книги «Вечное Евангелие» (1818). — Впервые 22 двустишия в журнале «Иностранная литература», 1957, № 10, остальные при жизни не публиковались.

Печатаются по автографу 1963 г.

Из Вильяма Вордсворта

Вильям Вордсворт (1770—1850) — английский поэт-романтик.

К поэзии Вордсворта Маршак обратился в начале своего творческого пути. Первые его переводы произведений Вордсворта появились в журналах еще в дореволюционное время. Однако им переведен лишь поэтический цикл (из пяти стихотворений — четыре) и еще три отдельных стихотворения.

Все переводы, кроме стихотворения «Златооки», печатаются по «Избранным переводам», 1959.

Люси — цикл, очень типичный для романтической любовной лирики Вордсворта. Печатался в различных изданиях 40-х годов:

1. «*Какие тайны знает страсть!..*» — Впервые в книге «Стихи 1941—1946», «Советский писатель», 1946.

II. «*Среди нехоженных дорог...*» — Впервые в журнале «Огонек», 1941, № 155.

III. «*К чужим, в далекие края...*» — Впервые без названия в журнале «Красноармеец», 1943, № 11.

IV. «*Забывшись, думал я во сне...*» — Впервые в книге «Стихи 1941—1946». В «Английских балладах и песнях» напечатано под названием «Люси».

Кукушка — Впервые с первой строкой «Я снова слышу, умилен...» в журнале «Аргус», СПб. 1917, № 3. Печаталась Маршаком без третьей строфы.

Агасфер. — Впервые под названием «Вечный жид» в книге «У стен вавилонских», составитель Я. П. Яффе, «Сафрут», М. 1917. Второй вариант перевода впервые в журнале «Красная новь», 1941, № 4.

Агасфер — герой легенды о «Вечном жиде», обреченный быть постоянным скитальцем. Этот образ получил широкое распространение в литературе.

Златооки. — Впервые в газете «Приазовский край», Ростов-на-Дону, 1919, 7 апреля.

Печатается по тексту первой публикации.

Из Самюэля Тейлора Кольриджа

Самюэль Кольридж (1772—1834) — английский поэт-романтик.

Льюты. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 30-х годов.

Из Джорджа Гордона Байрона

Джордж Гордон Байрон (1788—1824) — великий поэт, представитель английского революционного романтизма. Певец национально-освободительной борьбы европейских народов.

В письме «Школе-интернату слепых в Киеве» Маршак писал:

«Байрона я очень люблю, но переводил его мало... К сожалению, Байрону у нас не повезло. Хороших — равноценных подлиннику — переводов мало. Можно перечесть их по пальцам: переводы Лермонтова, Огарева, Ивана Бунина (поэмы «Кайн» и «Манфред»), Бориса Пастернака, Татьяны Гнедич, В. Левики» (19/I 1963 г.).

Песнь греческих повстанцев — Впервые в журнале «Знамя», 1950, № 8.

Печатается по «Избранным переводам», 1959

Стансы. — Впервые в книге: Байрон, Избранные произведения, Гослитиздат, 1953.

Печатается по этому изданию.

Расставание. — Впервые в «Избранных переводах», 1946(1947). Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из «Еврейских мелодий»

Она идет во всей красе. — Впервые под названием «Еврейские мелодии» в «Избранных переводах», 1946 (1947).

«Ты плачешь — светятся слезой...» — Впервые с первой строкой «Слеза струится за слезой...» в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Вариант второй строфы первой публикации:

Когда же синий двет очей
Улыбкой озарен,
Перед огнем живых лучей
Бледнеет небосклон.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«Вечерних облаков кайма...» — Впервые в журнале «Знамя», 1950, № 8.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Солнце бессонных. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

«Не бродить нам вечер целый...» — Впервые в «Избранных переводах», 1946 (1947).

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

О славе. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Перевод Байрона из Марциала, под названием «Марциал», кн. 1, эпигр. 1.

Марциал, Марк Валерий — римский поэт, живший в I веке н. э., сатирик, автор злых эпиграмм. Имя его стало нарицательным.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

На посещение принцем-регентом королевского склепа. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

В оригинале называется «Виндзорская портика». Очень злая и смелая сатира на принца-регента, будущего короля Георга IV, а заодно и на всю английскую монархию: безголовый Карл I — игра слов — безголовый, то есть глупый, в то же время буквально лишенный головы, так как был казнен во время английской буржуазной революции (1642), — рядом с ним король-деспот Генрих VIII.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Тост за двоих. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 18.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

На смерть поэта Джона Китса. — Впервые в журнале «Знамя», 1950, кн. 8.

Из упоминаемых портов, затравивших Китса, двое — Барроу и Милмэн — второстепенные, а Роберт Соути, представитель «озерной школы», после короткого периода увлечения идеями Французской революции перешел в лагерь реакции и был награжден титулом королевского поэта-лауреата. В связи с этим Байрон в сатирическом посвящении к поэме «Дон-Жуан» называл его «поэтом-ренегатом» вместо «поэта-лауреата».

Печатается по книге: Байрон, Избранное, Детгиз, 1951.

Эпиграмма на Вильяма Коббета. — Впервые в книге: Байрон, Избранное, 1951.

Вильям Коббет (1762—1835) — английский политический деятель и публицист, известный своим радикализмом.

Печатается по тексту первой публикации.

На самоубийство бригадного министра Кестльри. — Впервые в книге: Байрон, Избранное, 1951.

Р. Кестльри (Каслри) — английский политический деятель. Будучи премьер-министром Англии, возглавлял европейскую реакцию в ее борьбе против буржуазной французской революции. Был ненавистен всем передовым людям своего времени.

Печатается по тексту первой публикации.

Эпитафия министру Питту. — Публикуется впервые.

Уильям Питт Младший (1759—1806) — английский государственный деятель, лидер консервативной партии. Премьер-министр Англии, один из создателей реакционной коалиции в Европе против молодой Французской республики.

Печатается по автографу 50-х годов.

В день моей свадьбы. — Впервые в книге: Байрон, Избранное, 1951.

Печатается по тексту первой публикации.

Экспромт. — Публикуется впервые.

Печатается по автографу 50-х годов.

Из Перси Биши Шелли

Перси Биши Шелли (1792—1822) — великий английский поэт, революционный романтик. Переводы, кроме «Азиролы», печатаются по «Избранным переводам», 1959.

Зима. — Впервые в «Британском союзнике», 1943, № 36.

В автографах имеется вариант первой строфы:

Грустила птица о любви своей,
Одна в лесу седом.
Замерзший ветер крался меж ветвей,
Вода шуршала льдом.

Лето и зима. — Впервые в книге «Вересковый мед», Детгиз, 1947.

Мужам Англии. — Впервые в книге «Стихи», 1946 («Библио-ка «Огонька», № 38—39).

«Ты слышишь Азиолы тихий зов?..» — Публикуется впервые. Перевод не закончен. Переведена первая половина стихотворения.

Печатается по автографу.

Из Джона Китса

Джон Китс (1795—1821) — великий английский лирический поэт-романтик.

Большинство переводов Маршака из Китса написаны в форме сонета; печатаются по «Избранным переводам», 1959.

Кузнечик и сверчок. — Впервые с первой строкой «Поэзия во всем. Когда в листе...» в журнале «Знамя», 1943, № 4. В журнале «Пионер», 1943, № 5—6, напечатано под названием «Сверчок и кузнечик».

Слава. — Впервые в «Литературной газете», 1945, 27 октября, и в журнале «Октябрь», 1945, № 10. Печаталось также под названием «Сонет о славе» и «О славе».

«Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса». «Осень». — Впервые в «Литературной газете», 1945, 27 октября, и в журнале «Октябрь», 1945, № 10.

«Четыре разных времени в году...» — Впервые под названием «Времева года» в журнале «Октябрь», 1945, № 10. Печаталось также под названиями: «Четыре времени года» и «Сонет».

Печатается по Сочинениям, т. 3.

«Чему смеялся я сейчас во сне?..» — Впервые под названием «Сонет» в журнале «Октябрь», 1945, № 10.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Сонет о сонете. — Впервые в «Литературной газете», 1945, 27 октября, и в журнале «Октябрь», 1945, № 10.

Сонет («Тому, кто в городе был заточен...»). — Впервые в журнале «Октябрь», 1945, № 10.

Девонширской девушке. — Впервые в журнале «Октябрь», 1945, № 10. В переводе опущена одна строфа.

[Читая чапменовского Гомера]. — Публикуется впервые.

Печатается по черновому автографу.

Из Альфреда Теннисона

Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт эпохи королевы Виктории.

Два первых перевода печатаются по «Избранным переводам», 1959.

У моря. — Впервые без названия в газете «Литература и искусство», 1943, 22 мая.

Дочь мельника. — Впервые под названием «Дочка мельника» в газете «Литература и искусство», 1943, 22 мая. В газете ошибочно указан автор: «Браунинг Р.».

Орел. — Впервые в «Избранных переводах», 1946 (1947).

Печатается по тексту первой публикации.

Из Роберта Браунинга

Роберт Браунинг (1812—1889) — английский поэт после-романтического периода.

В Англии весной. — Впервые в газете «Литература и искусство», 1943, 22 мая.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Флейтист из Гаммельна. — Впервые с первой строкой «Гаммельн — в графстве Брауншвейг...» в журнале «Новый мир», 1957, № 6. Обработка средневековой легенды, ставшей распространенным литературным сюжетом.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из Данте Габриэля Россетти

Данте Габриэль Россетти (1828—1882) — английский поэт и живописец. Один из основателей школы «прерафаэлитов».

Баллада. — Впервые в газете «Утро юга», Екатериновдар, 1919, 15 декабря. В автографе называется «Джон де Тур».

Печатается по тексту первой публикации.

Из Роберта Льюиса Стивенсона

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — английский писатель, романист и поэт.

Вересковый мед. — Впервые в журнале «Красная новь», 1941, № 2.

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Из А.-Э. Хаусмена

Алфред Эдвард Хаусмен (1859—1936) — английский поэт и преподаватель классических языков в Кембридже.

Кто этот грешник? — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 25. Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из Редьярда Киплинга

Редьярд Киплинг (1865—1936) — английский поэт и прозаик. Лучшие его произведения — лирика, рассказы, книга для юношества «Книга Джунглей», детские стихи и сказки.

Свои сказки Киплинг обычно сопровождал стихами, передающими настроение сказки или связанными с ее персонажами.

В книге: Р. Киплинг, Сказки, 1923, впервые были опубликованы стихи в переводе Маршака.

Печатаются по «Избранным переводам», 1959, иные случаи оговариваются особо.

«На далекой Амазонке...» — Помещено в конце сказки «Откуда взялись броненосцы». В книгах Р. Киплинга печаталось также под названием «Бразилия».

«Если в стеклах каюты...» — Помещено в конце сказки «Откуда у кита такая глотка».

«Есть у меня шестерка слуг...» — Помещено в конце сказки «Слоноенок». В книгах Р. Киплинга печаталось под названием «Сто тысяч почему».

«Горб верблюжий, такой неуклюжий...» — Помещено после сказки «Отчего у верблюда горб». Печаталось также под названием «Горб».

«Кошка чудесно поет у огня...» — Помещено в конце сказки «Кошка, гулявшая сама по себе». В книгах Р. Киплинга печаталось также под названием «Кошка и собака».

«Я — маленькая обезьянка...» — Впервые в «Избранных переводах», 1959.

Песнь Дарзи, птички-портняжки, в честь храброй мангусти Рикки-Тикки-Тави. — Впервые под названием «Песни Дарзи» с подзаголовком «Эту песню пела птичка-портняжка, когда зверек Рикки-Тикки-Тави спас ее от змеи» в книге: Киплинг Р., 40 норд — 50 вост, 1931.

О всаднике и коне. — Впервые в «Избранных переводах», 1946 (1947).

Если... — Впервые под названием «Сыну» в «Избранных переводах», 1946—1947.

Томми Аткинс. — Впервые в журнале «Красная новь», 1944, № 4.
Томми Аткинс — нарицательное имя рядового английского солдата.

Баллада о царице Бунди — Впервые в «Избранных переводах», 1946 (1947). В оригинале называется «Последнее сожжение». Речь идет об индийском обычае самосожжения жен на костре вместе с умершим мужем; англичане боролись против этого обычая и запрещали самосожжение.

Пехота в Африке. Машины — Впервые в книге: Киплинг Р., 40 год — 50 лет, Госиздат, 1931.

Печатаются по этому изданию.

Надпись на могиле солдата — бывшего конторщика. — Впервые под названием «Эпитафия» в журнале «Знамя», 1943, № 11—12.

Печатается по книге «Английские баллады и песни», 1944.

«Не было краше Балкиды-царицы...» — Впервые в книге: Киплинг Р., Сказки, 1923. Помещено в конце сказки «Мотылек, который топнул погой».

Печатается по автографу 40-х годов.

Из Вильяма Йейтса

Вильям Бетлер Йейтс (1865—1939) — ирландский поэт, один из главных деятелей так называемого «Ирландского возрождения». Считается основоположником ирландской литературы.

Переводы печатаются по «Избранным переводам», 1959.

Скрипач из Дублина. — Впервые в книге «Английские баллады и песни», 1944.

Старая песня, пропетая вкось — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 25.

Из Джона Мэйсфильда

Джон Мейсфильд (род. 1874) — английский поэт-реалист. *Морская лихорадка.* — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 25.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из Т.-С. Элиота

Томас Элиот (1888—1968) — знаменитый английский поэт. *Маклавити.* — Впервые под названием «Из Т.-С. Элиота» в журнале «Новый мир», 1945, № 4—5.

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из Эдварда Лира¹

Эдвард Лир (1812—1888) — английский поэт и художник.

В письме к художнику В. М. Конашевичу 26 мая 1961 года Маршак пишет об Эдварде Лире: «...Сейчас разговляюсь стихами. Для разбега перевожу стихи Эдварда Лира, родоначальника английской детской поэзии, первого создателя жанра «нонсенс» — «чепушистых» стихов. Это — просто прелесть! Столько в его книгах причуды, выдумки, душевной чистоты. И при этом Эдвард Лир один из самых музыкальных поэтов. Если удастся, соберу целую книжку и мечтаю о том, что рисунки сделаете Вы».

Публикуя свои переводы из стихотворений Э. Лира в периодической печати или отдельных сборниках, Маршак часто рассказывал при этом о своеобразии творчества самого Лира.

Здесь мы приводим последнее из таких его обращений к читателю — в журнале «Пионер», 1963, № 10:

«Эдвард Лир — один из классиков английской поэзии для детей. По профессии он был художник. Долгое время рисовал зверей и птиц для зоологического музея. Последние восемнадцать лет жизни болезнь заставила его провести вдали от родины, в Италии.

Стихи для детей Эдвард Лир писал сначала как подписи под собственными рисунками. Так возникли его книги небылиц и веселых нелепиц, ставших впоследствии знаменитыми во всем мире. Великолепный мастер стиха, он сочетает в своих книгах для детей неиссякаемый юмор с мягкой лиричностью. Рассказывают, что Лир сам от души смеялся, как ребенок, придумывая свои затейливые истории. Он оставил детям несколько веселых азбук в рисунках и стихах и много смешных историй, героями которых являются либо придуманные им веселые и милые чудаки, либо говорящие звери, птицы и вещи.

Переводить Лира очень трудно. Нелегко передать его разнообразный, гибкий ритм и мелодичность его стихов, воспроизвести на другом языке причудливую вереницу его образов.

И все же я работал над переводами из Лира с живейшим интересом и удовольствием. Мне хотелось донести до моих читателей ту веселую игру, которая составляет сущность поэзии Эдварда Лира».

¹ Тексты и примечания к произведениям Э. Лира, Л. Керрола, А.-А. Мильна подготовлены А. И. Поткиной.

Эдвард Лир о самом себе. — Впервые в книге «Избранные переводы», 1946.

Печатается по книге: Э. Лир, Прогулка верхом и другие стихи в переводах С. Маршака, Детгиз, М. 1962.

Прогулка верхом. — Впервые в журнале «Костер», 1946, № 4.

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Кот и сова. — Впервые под названием «Сова и кот» в книге «Избранные переводы», 1959.

Печатается по книге: Э. Лир, Прогулка верхом и другие стихи в переводах С. Маршака, Детгиз, М. 1962.

Утка и Кенгуру. — Впервые в журнале «Огонек», 1961, № 46, в цикле «Из Эдварда Лира».

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

В страну Джамблей. — Впервые в журнале «Огонек», 1961, № 46, в цикле «Из Эдварда Лира».

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Комар Домоног и Муха. — Впервые в журнале «Огонек», 1961, № 48, в цикле «Из Эдварда Лира».

Печатается по сб. «Сказки», 1962.

Поббл, у которого нет на ногах пальцев. — Впервые под названием «Поббл, у которого нет пальцев на ногах» в журнале «Огонек», 1961, № 48, в цикле «Из Эдварда Лира».

Печатается по книге: Э. Лир, Прогулка верхом и другие стихи в переводах С. Маршака, Детиздат, М. 1962.

Чижи-Рики — воробей. — Впервые в сб. «Сказки», 1962.

Печатается по тексту первой публикации.

Сказка о пеликанах — Впервые в журнале «Пионер», 1963, № 10.

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Из Льюиса Кэрролла

Льюис Кэрролл (1832—1898) — английский детский писатель. Продолжатель традиции Э. Лира, так называемой «порции бессмыслиц». По специальности математик, профессор Оксфордского университета. Из рассказов, которыми он забавлял детей своих коллег, впоследствии родилась сказочная повесть «Алиса в стране чудес» и ее продолжение «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса». Эти повести переведены на языки многих стран. Л. Кэрролл является также автором книги «Русский дневник», которую он написал после путешествия в 1867 году в Россию.

Маршак неоднократно обращался к творчеству Кэрролла. В его архиве сохранились несколько рукописных страниц прозаического перевода «Алисы в стране чудес», а также автограф пер-

вой строфы стихотворения из этой же книги «Ты слышишь ли голос краба...».

Баллада о старом Вильяме — Впервые в книге «Избранные переводы», М. 1946, из повести «Алиса в стране чудес».

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Морская кадрили. — Впервые в журнале «Костер», 1946, № 7, из повести «Алиса в стране чудес».

Печатается по «Избранным переводам», 1959.

Из А. - А. Мильна

Александр Аллан Мильн (1882—1956) — английский детский писатель.

В письме к Г. И. Зинченко Маршак пишет о нем 11 июля 1962 года:

«Еще в вагоне я перевел изящные и затейливые стихи классика английской детской поэзии Александра Мильна (помните его «Королевский бутерброд» в моем 3-м томе?). Это последний (он умер шесть лет тому назад) прямой наследник традиций Эдварда Лира...»

Баллада о королевском бутерброде. — Впервые в книге «Избранные переводы», 1946.

«Баллада о королевском бутерброде» А. Мильна, — пишет Б. Галанов, вся искрится веселой озорной шуткой и в то же время с необычайной точностью и естественностью передает живые интонации всех персонажей от короля до придворной молочницы включительно». И там же: «...это и добродушная насмешка, и в то же время непринужденная детская игра»¹.

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Непослушная мама. — Впервые в журнале «Огонек», 1962, № 34, в цикле «Из А.-А. Мильна».

Об этом стихотворении Маршак упоминает в письме к Г. И. Зинченко (11/VII 1962 г.): «Одно из переведенных мною стихотворений называется «Непослушная мама». В таких стихах меня пленяет радостное ощущение жизни, которого мне иной раз очень не хватает».

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Гоп-гоп! — Впервые в журнале «Огонек», 1962, № 34, в цикле «Из А.-А. Мильна».

Печатается по тексту первой публикации.

¹ Б. Галанов, С. Маршак. Очерк жизни и творчества, Детгиз, 1962.

У окна — Впервые в журнале «Огонек», 1962, № 34, в цикле «Из А.-А. Мильна».

Стихотворение, о котором Маршак пишет 29 августа 1962 года Е. П. Пешковой: «Меня очень тронуло и порадовало, что из стихов Мильна, которые были в «Огоньке», Вы отметили самое мое любимое «Две капли» («У окна»). Вот Вы какая чуткая».

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Вежливость — Впервые в журнале «Огонек», 1962, № 34, в цикле «Из А.-А. Мильна».

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Маленький Тим. — Впервые в газете «Известия», моск. веч. выпуск, 1964, № 31.

Печатается по сб. «Сказки», 1966.

Хвосты — При жизни автора не публиковалось.

Печатается по автографу.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Первое издание сонетов Шекспира в переводах С. Маршака, 1948 г. Титульный лист художника *В. Фаворского*.
2. С. Я. Маршак у входа в дом Вильяма Шекспира, г. Стратфорд, сентябрь 1957 г.
3. Роберт Бернс в переводах С. Маршака, 1950 г. Суперобложка художника *В. Фаворского*.
4. В ячменном поле (Р. Бернс). Гравюра художника *В. Фаворского*.
5. С. Маршак. Вересковый мед, 1947 г. Шмуцтитул к стихотворениям Р. Бернса художника *В. Лебедева*.
6. С. Я. Маршак у входа в дом, где умер Роберт Бернс, г. Дамфрис, июль 1955 г.
7. С. Маршак. Избранные переводы, 1947 г. Шмуцтитул художника *В. Лебедева*.
8. Дарственная надпись на книге стихов В. Блейка (английское издание) с отрывком перевода из «Прорицаний невинности». Книга подарена С. Маршаком и его сестрой жене поэта — С. М. Маршак.
9. С. Маршак, Вересковый мед, 1947 г. Шмуцтитул к стихотворениям Д. Китса художника *В. Лебедева*.
10. Осень (Д. Китс). Гравюра художника *В. Фаворского*.
11. С. Маршак. Вересковый мед, 1947 г. Шмуцтитул художника *В. Лебедева*.
12. «На далекой Амазонке...» (Р. Киплинг), 1931 г. Гравюра художника *Д. Штеренберга*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ АНГЛИЙСКИХ И ШОТЛАНДСКИХ ПОЭТОВ

Из Вильяма Шекспира

Советы

1. «Мы урожая ждем от лучших лоз...» .	7
2. «Когда твое чело избороздят...» . . .	8
3. «Прекрасный облик в зеркале ты ви- дишь...»	9
4. «Растратчик милый, расточаешь ты...»	10
5. «Украдкой время с тонким мастерством...»	11
6. «Смотри же, чтобы жесткая рука...» . .	12
7. «Пылающую голову рассвет...»	13
8. «Ты — музыка, но звукам музыкаль- ным...»	14
9. «Должно быть, опасаясь вдовьих слез...»	15
10. «По совести скажи: кого ты любишь?»	16
11. «Мы вянем быстро — так же, как ра- стем...»	17
12. «Когда часы мне говорят, что свет...» .	18
13. «Не изменяйся, будь самим собой...» . .	19
14. «Я не по звездам о судьбе гадаю...» . .	20
15. «Когда подумаю, что миг единый...» . .	21
16. «Но если время нам грозит осадой...» .	22
17. «Как мне уверить в доблестях твоих...»	23
18. «Сравню ли с летним днем твои черты...»	24

19. «Ты притупи, о время, когти льва...» . . .	25
20. «Лик женщины, но строже, совершенней...»	26
21. «Не соревнуюсь я с творцами од...» . . .	27
22. «Лгут зеркала, какой же я старик!..» . . .	28
23. «Как тот актер, который, оробев...» . . .	29
24. «Мой глаз гравёром стал и образ твой...»	30
25. «Кто под звездой счастливо рожден...»	31
26. «Покорный данник, верный королю...» . . .	32
27. «Трудами изнурен, хочу уснуть...» . . .	33
28. «Как я могу усталость презозмочь...» . . .	34
29. «Когда в раздоре с миром и судьбой...»	35
30. «Когда на суд безмолвных, тайных дум...»	36
31. «В твоей груди я слышу все сердца...» . . .	37
32. «О, если ты тот день переживешь...» . . .	38
33. «Я наблюдал, как солнечный восход...» . . .	39
34. «Блистательный мне был обещан день...»	40
35. «Ты не грусти, сознав свою вину...» . . .	41
36. «Признаюсь я, что двое мы с тобой...» . . .	42
37. «Как радуется отца на склоне дней...» . . .	43
38. «Неужто музе не хватает тьмы...»	44
39. «О, как тебе хвалу я воспою...»	45
40. «Все страсти, все любви мои возьми...»	46
41. «Беспечные обиды юных лет...»	47
42. «Полгоря в том, что ты владеешь ею...»	48
43. «Смежая веки, вижу я острей...»	49
44. «Когда бы мыслью стала эта плоть...» . . .	50
45. «Другие две основы мирозданья...» . . .	51
46. «Мой глаз и сердце — издавна в борьбе...»	52
47. «У сердца с глазом — тайный договор...»	53
48. «Заботливо готовясь в дальний путь...» . . .	54
49. «В тот черный день (пусть он минует нас!)...»	55
50. «Как тяжело мне, в пути взметая пыль...»	56
51. «Так я оправдывал несносный нрав...» . . .	57
52. «Как богачу, доступно мне в любое...» . . .	58
53. «Какою ты стихией порожден?...»	59
54. «Прекрасное прекрасней во сто крат...»	60
55. «Замшелый мрамор царственных могил...»	61
56. «Проснись, любовь! Твое ли острее...» . . .	62
57. «Для верных слуг нет ничего другого...»	63
58. «Избави бог, меня лишивший воли...» . . .	64
59. «Уж если нет на свете новизны...»	65

60. «Как движется к земле морской прибой...»	66
61. «Твоя ль вина, что милый образ твой...»	67
62. «Любовь к себе моим владеет взором...»	68
63. «Про черный день, когда моя любовь...»	69
64. «Мы видели, как времени рука...» . . .	70
65. «Уж если медь, гранит, земля и море...»	71
66. «Зову я смерть. Мне видеть нестерпим...»	72
67. «Спроси, зачем в пороках он живет?...»	73
68. «Его лицо — одно из отражений...» . .	74
69. «В том внешнем, что в тебе находит взор...»	75
70. «То, что тебя бранят, — не твой порок...»	76
71. «Ты погрузи, когда умрет поэт...» . .	77
72. «Дабы не мог тебя заставить свет...» . .	78
73. «То время года видишь ты во мне...» . .	79
74. «Когда меня отправят под арест...» . .	80
75. «Ты утоляешь мой голодный взор...» . .	81
76. «Увы, мой стих не блещет новизной...» .	82
77. «Седины ваши зеркало покажет...» . .	83
78. «Тебя я музой называл своею...» . . .	84
79. «Когда один я находил истоки...» . . .	85
80. «Мне изменяет голос мой и стих...» . .	86
81. «Тебе ль меня придется хоронить...» . .	87
82. «Не обручен ты с музою моею...» . . .	88
83. «Я полагал: у красоты твоей...» . . .	89
84. «Кто знает те слова, что больше значат...»	90
85. «Моя немал муза так скромна...» . . .	91
86. «Его ли стих — могучий шум ветрил...»	92
87. «Прощай! Тебя удерживать не смею...» .	93
88. «Когда захочешь, охладев ко мне...» . .	94
89. «Скажи, что ты нашла во мне черту...»	95
90. «Уж если ты разлюбишь, — так теперь...»	96
91. «Кто хвалится родством своим со знатью...»	97
92. «Ты от меня не можешь ускользнуть...»	98
93. «Что ж, буду жить, приемля, как условье...»	99
94. «Кто, злом владея, зла не причинит...» .	100
95. «Ты украшать умеешь свой позор...» . .	101
96. «Кто осуждает твой беспечный прав...»	102
97. «Мне показалось, что была зима...» . .	103

98. «Нас разлучил апрель цветущий, бур- ный...»	104
99. «Фиалке ранней бросил я упрек...» . . .	105
100. «Где муза? Что молчат ее уста...» . . .	106
101. «О ветреная муза, отчего...»	107
102. «Люблю, — но реже говорю об этом...» .	108
103. «У бедной музы красок больше нет...» .	109
104. «Не нахожу я времени примет...» . . .	110
105. «Язычником меня ты не зови...» . . .	111
106. «Когда читаю в свитке мертвых лет...» .	112
107. «Ни собственный мой страх, ни вещий взор...»	113
108. «Что может мозг бумаге передать...» .	114
109. «Меня неверным другом не зови...» . .	115
110. «Да, это правда: где я ни бывал...» . .	116
111. «О, как ты прав, судьбу мою браня...» .	117
112. «Мой друг, твоя любовь и доброта...» .	118
113. «Со дня разлуки — глаз в душе моей...»	119
114. «Неужто я, прияв любви венец...» . . .	120
115. «О, как я лгал когда-то, говоря...» . . .	121
116. «Мешать соединенью двух сердец...» . .	122
117. «Скажи, что я уплатой пренебрег...» . .	123
118. «Для аппетита пряностью приправы...» .	124
119. «Каким питьем из горьких слез Сирен...»	125
120. «То, что мой друг бывал жесток со мною...»	126
121. «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть...»	127
122. «Твоих таблиц не надо мне...»	128
123. «Не хвастай, время, властью надо мной...»	129
124. «О, будь моя любовь — дитя удачи...» .	130
125. «Что, если бы я право заслужил...» . .	131
126. «Крылатый мальчик мой, несущий бремя...»	132
127. «Прекрасным не считался черный цвет...»	133
128. «Едва лишь ты, о музыка моя...» . . .	134
129. «Издержки духа и стыда растрата...» .	135
130. «Ее глаза на звезды не похожи...» . .	136
131. «Ты прихоти полна и любишь власть...»	137
132. «Люблю твои глаза. Они меня...» . . .	138
133. «Будь проклята душа, что истерзала...»	139
134. «Итак, он твой. Теперь судьба моя...» .	140
135. «Недаром имя, данное мне, значит...» .	141

136 «Твоя душа противится свиданьям...» .	142
137. «Любовь слепа и нас лишает глаз...» .	143
138. «Когда клянешься мне, что вся ты сплошь...»	144
139. «Оправдывать меня не принуждай...» .	145
140. «Будь так умна, как зла...»	146
141. «Мои глаза в тебя не влюблены...» . .	147
142. «Любовь — мой грех, и гнев твой спра- ведлив...»	148
143. «Нередко для того, чтобы поймать...» .	149
144. «На радость и печаль, по воле рока...» .	150
145. «Я ненавижу, — вот слова...»	151
146. «Моя душа, ядро земли греховной...» .	152
147. «Любовь — недуг. Моя душа больна...» .	153
148. «О, как любовь мой изменила глаз...» .	154
149. «Ты говоришь, что нет любви во мне...»	155
150. «Откуда столько силы ты берешь...» . .	156
151. «Не знает юность совести упреков...» .	157
152. «Я знаю, что грешна моя любовь...» . .	158
153. «Бог Купидон дремал в тиши лесной...» .	159
154. «Божок любви под деревом прилег...» .	160

Разные стихотворения

Конь. Из поэмы «Венера и Адонис»	161
Песня о рогах. Из комедии «Как вам это по- кажется»	164
Весенняя песня. Из комедии «Как вам это покажется»	165
Песня Балтазара. Из комедии «Много шума из ничего»	166
Песенка из «Зимней сказки»	167
Песенки бродячего торговца из «Зимней сказки»	168
Песни Офелии. Из трагедии «Гамлет»	169
Песни шута. Из трагедии «Король Лир» . . .	171
Песни шута. Из комедии «Двенадцатая ночь»	175
Песенка из «Антония и Клеопатры»	177
Надгробный плач	178

Из Джорджа Тёрбервилла

«Ты смотришь светлыми глазами...»	179
---	-----

Из Эдварда Вера, графа Оксфордского .	
«Будь я на троне, мне бы льстила власть...»	180
Из Джона Донна	
«Смерть, не гордись, когда тебя зовут...» . . .	181
Из Эдмунда Уоллера	
Поис	182
Из Джона Мильгона	
О слепоте. <i>Сонет</i>	183
О Шекспире	184
Из Джонатана Свифта	
Критики	185
Из Роберта Бернса	
Честная бедность	187
Джон Ячменное Зерно	189
Старая дружба	191
Был честный фермер мой отец	193
Маленькая баллада	196
Робин	197
В горах мое сердце	199
Лучший парень	200
Брюс — шотландцам	202
Шотландская слава	203
Дерево свободы	204
Макферсон перед казнью	207
Возвращение солдата	209
Джон Андерсон	212
Любовь	213
«Пробираясь до калитки...»	214
«Давно ли цвел зеленый дол...»	215
Конец лета	216
«Ты меня оставил, Джеми...»	218
«Где-то в пещере, в прибрежном краю...» . . .	219
Расставание	220
За полем ржи	221

Поцелуй	222
Над рекой Афгон	223
Заздравный тост	224
«Наш Вилли пива наварил...»	225
Подруга угольщика	226
Я пью твоё здоровье!	227
Новогодний привет старого фермера его ста- рой лошади	229
Финдлей	232
Шела О'Нил	233
Счастливым вдовец	234
Ода к зубной боли	235
Песня («Растет камыш среди реки...»)	237
«—...Нет ни души живой вокруг...»	238
Ночной разговор	239
Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника	241
Мельник	242
Девушки из Тарбблтона	243
Мое счастье	246
Пойду-ка я в солдаты	247
«Вина мне пинту раздобудь...»	248
Песня («Нынче здесь, завтра там — беспокой- ный Вилли...»)	249
Белая куропатка	250
Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом	252
«Скалистые горы, где спят облака...»	254
О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня	255
Горной маргаритке, которую я принял своим плугом	256
Ответ на письмо	258
Мой парень	261
Счастливая дружба	263
За тех, кто далёко	264
Строчки о войне и любви	266
Послание к собрату-поэту	267
Сон. <i>Отрывок</i>	273
Насекомому, которое поэт увидел на шля- пе нарядной дамы во время церковной службы	276

Тэм Глен	278
Когда кончался сенокос	280
В ячменном поле	282
Надпись на книге стихов	284
Цветок Дэвона	285
Перед разлукой	286
Моему незаконнорожденному ребенку	287
Любовь и бедность	289
Что делать девчонке?	291
Сватовство Дункана Грэя	292
Молитва святоши Вилли	294
Надгробное слово ему же	297
«Со скрипкой черт пустился в пляс...»	298
Послание к другу	299
Тэм О'Шентер. <i>Повесть в стихах</i>	304
Песня («Ты свистни — тебя не заставляю я ждать...»)	312
Ночлег в пути	313
«Что видят люди в городке...»	315
Березы Эберфэльдс	317
«Пойдешь ли со мною, о Тибби Дунбар?...»	318
Босая девушка	319
«В полях, под снегом и дождем...»	320
Прощание	321
К портрету Роберта Фергюссона, шотланд- ского поэта	323
О памятнике, воздвигнутом Берисом на мо- гиле поэта Роберта Фергюссона	324
Надпись на банковом билете	325
«Всю землю тьмой заволокло...»	326
Веселые нищие. <i>Кантата</i>	327
Беспутный, буйный Вилли	338
Старый Роб Моррис	339
Песня («Как слепы и суровы...»)	340
Песня девушки	341
Лорд Грегори. <i>Баллада</i>	342
«Милорд спешит в поля, в леса...»	343
Где к морю катится река	344
«Стакан вина и честный друг...»	345
Западный ветер	346
Из поэмы «Святая ярмарка»	348
«Жена верна мне одному...»	352
Зима пронеслась	353

«Был я рад, когда гребень вытаскивал...» . . .	354
Нэнси	355
Смерть и доктор Горнбук	357
«Дружок мой пленен моим взором и ста- ном...»	363
Невеста с приданым	364
Пастух	365
К Тибби	367
Свадьба в городке Мохлин	369
«Весной ко мне сватался парень один...» . . .	371
Кузнецу	373
Ода шотландскому пудингу «Хэггис»	374
Овсянка	376
Послание Гамильтону. <i>По поводу рождения у поэта близнецов</i>	377
Песня раба-негра	379
«Зачем терпеть в расцвете сил...»	380
«Якобиты на словах...»	382
Отрывок («Прощай, синева, и листва, и трава...»)	384
Горец	385
О чествовании памяти поэта Томсона	386
Надпись на алтаре независимости	387
Надпись алмазом на оконном стекле в та- верне	388
О песне дрозда, которую поэт услышал в день своего рождения — на рассвете 25 ян- варя	389
Сова	390
Жалоба реки Бруар владельцу земель, по ко- торым она протекает	392
Элегия на смерть моей овцы, которую звали Мэйли	396
Мэгги с мельницы	398
Свадьба Мэгги	399
Застольная	400
Песня о злой жене	401
Песенка о старом муже	402
Песня. <i>На мотив народной песни «Покупайте веники»</i>	403
О лисице, которая сорвалась с цепи и убе- жала от мистера Гленридделя	404
Ничего	407

Две собаки	409
Жалоба девушки	418
Про кого-то	420
Подруга моряка	421
Дэви	422
Предвыборная баллада	423
Плениться мог бы я тобой	425
Два парня	426
«Пора отчалить кораблю...»	427
«Ты не там спала, где надо...»	428
«Что сделала со мною мать...»	429
«Сердца быстрое биенье...»	431
«Властитель ног да и сердец!...»	432
Садовник с лопатой	433
Домик у ручья	434
«Побывал я между скал...»	435
Песенка («Жила-была тетка под старою ивой...»)	436
«Что предо мной король Луи...»	437
На берегу реки Эйр	438
«У мамы тихо я росла...»	440
Поедешь ли в Индию, Мэри?	441
[Шерамурский бой] («Пришел ли ты пасти овец...»)	442
«Как мне не плакать девь и ночь!...»	444
«Оставьте романы!...»	446
«Мою ладонь твоей накрой...»	447
«Наследница-дочь на охоте была...»	448
«Когда деревья обнажил...»	450
«Мой Джоки — славный молодец...»	452
«Когда молодежь на траве среди луга...»	453
Красавицы деревни Мохлин	454
«Всеми забыта, нема...»	455
Мисс Феррьер	456
«Веселый май одел кусты...»	457
«Люблю один я городок...»	458

Эпиграммы

К портрету духовного лица	459
Эпитафия бездушному дельцу	460
Поклонянику знати	461
Надпись на могиле школьного педанта	462

При посещении богатой усадьбы	463
На лорда Галлоуэи	464
Книжный червь	465
Надгробная надпись	466
О черепе тупицы	467
Надпись на могиле сельского волокиты	468
О происхождении одной особы	469
Потомку Стюартов	470
На благодарственном молебне по случаю победы	471
Ответ «верноподданным уроженцам Шотлан- дии»	472
При посещении разрушенного дворца шот- ландских королей	473
Переводчику Марциала	474
Ответ на угрозу злонамеренного критика . .	475
Актрисе мисс Фонтенелль	476
К портрету известной мисс Бернс	477
Ярлычок на карету знатной дамы	478
О золотом кольце	479
Красавице, проповедующей свободу и равен- ство	480
Надпись на могиле эсквайра, который был под башмаком у жены	481
Эпитафия преподавателю латыни	482
Мисс Джинни Скотт	483
Лорд-адвокат	484
Проповеднику лемингтонской церкви	485
Трактирщице из Рослина	486
О плохих дорогах	487
Надпись на могиле честолюбца	488
Эпитафия твердолобому трусу	489
Художнику	490
Девушке маленького роста	491
Эпитафия владельцу усадьбы	492
Нетленный капитан	493
В защиту акцизного	494
Капитану Ридделю при возвращении газеты .	495
Три вывески	496
Стихи, написанные алмазом на окне гости- ницы	497
Эпитафия старухе Гризель Грим	498
Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру	499

Надпись на официальной бумаге, которая предписывала поэту «служить, а не думать»	500
По поводу болезни капитана Френсиса Гроуза	501
Зеркало	502
Знакомому, который отвернулся при встрече с поэтом	503
Джонсону	504
Лорду, который не пустил в свои палаты поэта и его друзей, интересовавшихся архитектурой	505
Эпитафия самоубийце	506
Эпитафия крикливому спорщику	507
Эпитафия церковному старосте, сапожнику Гуду	508
Мистеру Вильяму Молю оф Панмур, которого поэт увидел в новом элегантном фартоне на скачках (бегах)	509
«Недаром, видимо, господь...»	510

Из Вильяма Блейка

Из книги «Поэтические наброски»

Песня («В полях порхая и кружась...») . . .	511
Король Гвин. <i>Баллада</i>	512
Игра в жмурки	516

Из книг «Песни невинности» и «Песни опыта»

Из «Песен невинности»	
Вступление	520
Пастух	521
Смеющееся эхо	522
Агнец	524
Черный мальчик	525
Маленький трубачист («Была крошкой, когда умерла моя мать...»)	527
Заблудившийся мальчик («Где ты, отец мой?...»)	528
Мальчик найденный	529
Смеющаяся песня	530

Из «Колыбельной песни»	531
Святой четверг («По городу проходит ребята по два в ряд...»)	532
Ночь	533
Весна	535
Вечерняя песня	536
Дитя-радость	537
Сон	538
О скорби ближнего	539

Из «Песен опыта»

Святой четверг («Чем этот день весенний свят...»)	540
Заблудившаяся девочка	541
Маленький трубочист («Черный маленький мальчик на белом снегу...»)	543
Муха	544
Тигр	545
«Есть шип у розы для врага...»	547
Маленький бродяжка	548
Лондон	549
Человеческая абстракция	550
Древо яда	551
Заблудившийся мальчик («Нельзя любить и уважать...»)	552
Школьник	553

Стихи разных лет

«Словом высказать нельзя...»	555
Золотая часовня	556
Песня дикого цветка	557
Снег	558
«Разружьте своды церкви мрачной...»	559
Меч и серп	560
«Коль ты незрелым мигом овладел...»	561
Летучая радость	562
Вопрос и ответ	563
Богатство	564
Разговор духовного отца с прихожанином	565
«К восставшей Франции мошенники Ев- ропы...»	566
Искательнице успеха	567

«Я слышу зов, неслышный вам...»	568
[Утро] («Ища тропинки на Закат...»)	569
«Есть улыбка любви...»	570
Мэри	571
Хрустальный чертог	573
Длинный Джон Браун и малютка Мэри Белл	575
«Мой ангел, наклонясь над колыбелью...»	576
«Всю жизнь любовью пламенной сгорая...»	577
О благодарности	578
Взгляд Амура	579
«Я встал, когда редела ночь...»	580
«Что оратору нужно?...»	582
Вильяму Хейли о дружбе	583
Моему хулителю	584
Эпитафия	585

Из «Пророческих книг»

Книга Тэль	586
----------------------	-----

Книга «Бракосочетание Неба и Ада»

«Ринтра ревет, потрясая огнями...»	591
Мильтон. <i>Три отрывка из поэмы</i>	593

Афоризмы

Из «Пословиц ада»	596
Из «Прорицаний певинности»	602
Из книги «Вечносущее Евангелие»	607

Из Вильяма Вордсворта

Люси	609
Кукушка	612
Агасфер	614
Златооки	616

Из Самюэля Тейлора Кольриджа

Льюти	617
-----------------	-----

Из Джорджа Гордона Байрона

Песнь греческих повстанцев	620
Ставсы	622
Расставание	623
Из «Еврейских мелодий»	
«Она идет во всей красе...»	625
«Ты плачешь — светится слезой...»	625
«Вечерних облаков кайма...»	626
Солнце бессонных	626
«Не бродить нам ветер целый...»	627
О славе	628
На посещение принцем-регентом королевско- го склепа	629
Тост за двоих	630
На смерть поэта Джона Китса	631
Эпиграмма на Вильяма Коббета	632
На самоубийство британского министра Кэстльри	633
Эпитафия министру Питту	634
В день моей свадьбы	635
Экспромт	636

Из Перси Биши Шелли

Зима	637
Лето и зима	638
Мужам Англии	639
«Ты слышишь Азиолы тихий зов?...»	641

Из Джона Китса

Кузнечик и сверчок	642
Слава	643
Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса	644
Осень	645
«Четыре разных времени в году...»	647
«Чему смеялся я сейчас во сне?...»	648
Сонет о сонете	649
Сонет («Тому, кто в городе был заточен...»)	650
Девонширской девушке	651
[Читая чапменовского Гомера]	652

Из Альфреда Теннисона

У моря	653
Дочь мельника	654
Орел	655

Из Роберта Браунинга

В Англии весной	656
Флейтист из Гаммельна	657

Из Данте Габриэля Россетти

Баллада	669
-------------------	-----

Из Роберта Льюиса Стивенсона

Вёресковый мед. <i>Шотландская баллада</i> . .	671
--	-----

Из А.-Э. Хаусмена

Кто этот грешник?	674
-----------------------------	-----

Из Редьярда Киплинга

«На далекой Амазонке...»	675
«Если в стеклах каюты...»	677
«Есть у меня шестерка слуг...»	678
«Горб верблюжий, такой неуклюжий...» . .	679
«Кошка чудесно поет у огня...»	681
«Я — маленькая обезьянка...»	682
Песнь Дарзи, птички-портняжки, в честь храброй мангусты Рикки-Тикки-Тави . .	683
О всаднике и коне	685
Если...	686
Томми Аткинс	688
Баллада о царице Бунди	690
Пехота в Африке	694
Надпись на могиле солдата — бывшего кон- торщика	696
Машины	697
«Не было краше Балкиды-царицы...»	699

Из Вильяма Йейтса

Скрипач из Дунни	700
Старая песня, пропетая вновь	701

Из Джона Мэйсфильда

Морская лихорадка	702
-----------------------------	-----

Из Т.-С. Элиота

Макáвити	703
--------------------	-----

Из Эдварда Лира

Эдвард Лир о самом себе	705
Прогулка верхом	707
Кот и сова	709
Утка и Кенгуру	711
В страну Джáмблей	713
Комар Долгоного и Муха	716
Поббл, у которого нет на ногах пальцев	720
Чики-Рики — воробей	723
Сказка о пеликанах	726

Из Льюиса Кэролла

Баллада о старом Вильяме	731
Морская кадрили	733

Из А.-А. Мильна

Баллада о королевском бутерброде	734
Непослушная мама	737
Гоп-гоп!	740
У окна	741
Вежливость	743
Маленький Тим	744
Хвосты	746
Примечания	749
Список иллюстраций	813

Самуил Яковлевич
МАРШАК

Собрание сочинений
том 3

Редактор Л. Красногладова

Художественный редактор
Ю. Боярский

Технический редактор
Ж. Примак

Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 3/VII 1969 г. Подписано
в печать 14/X 1969 г. Бумага типо-
графская № 1. Формат 84×108¹/₂.
26 печ. л. 43,68 усл. печ. л.
24,982 уч.-изд.+3 накладки=25,582 л.
Зак. тип. 642. Тираж 100 000.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство
«Художественная литература»,
Москва, Б-66, Ново-Васманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1 «Пе-
чатный Двор» имени А. М. Горького
Главполиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

